

Коллин
Маккалоу
Прикосновение

Колин Маккалоу

Прикосновение

«АСТ»

2003

Маккалоу К.

Прикосновение / К. Маккалоу — «АСТ», 2003

Викторианская Австралия. Страна больших возможностей, где каждый может найти то, о чем мечтает. Именно сюда юная Элизабет приезжает к своему жениху – богатому и влиятельному Александру Кинроссу. Она надеется попасть в сказку – но оказывается в золотой клетке. Она желает обрести любовь и защиту – но ее жестоко предают. Сможет ли Элизабет бросить вызов судьбе, традициям и даже близким, чтобы стать счастливой?..

© Маккалоу К., 2003

© АСТ, 2003

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	36
Глава 3	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Колин Маккалоу

Прикосновение

© Colleen McCullough, 2003

© Перевод. У.В. Сапцина, 2004

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

*Посвящается доктору Кевину Кури, которому удастся
поддерживать во мне жизнь, – с любовью и благодарностью к этому
удивительному человеку.*

Часть I 1872–1885 гг.

Глава 1 Перемена судьбы

– Твоему кузену Александру втемяшилось жениться, – объявил Джеймс Драммонд, поднимая голову от письма.

Вызов к отцу в парадную гостиную обрушился на Элизабет подобно удару: как правило, такие формальности предвещали нудные нотации, за которыми следовало наказание, соответствующее степени вины. Элизабет знала, в чем провинилась – пересолила утреннюю овсянку, и догадывалась, что есть несоленую кашу ей теперь придется до конца года. Отец был бережлив и не желал тратить деньги ни на единую лишнюю крупицу соли.

Заложив руки за спину, Элизабет стояла перед ветхим креслом и растерянно внимала неожиданным вестям.

– Он просит руки Джин – видать, последний разум потерял. Можно подумать, время стоит на месте! – Джеймс возмущенно потряс письмом, потом перевел глаза на свою младшую дочь. Джеймс сидел в тени, а Элизабет освещало солнце, заглядывающее в окно. – Ты тоже женщина, тебя он и получит.

– Меня?

– Оглохла ты, что ли? Да, тебя – кого же еще?

– Но если он просит руки Джин, жениться на мне не захочет!

– Сойдет любая порядочная и воспитанная девица – судя по тому, что творится в тех местах, откуда он пишет.

– А откуда он пишет? – любопытствовала Элизабет, зная, что прочесть письмо ей все равно не дадут.

– Из Нового Южного Уэльса. – Джеймс удовлетворенно фыркнул. – Похоже, твой кузен Александр недурно устроился – сколотил состояние на золотых рудниках. – Он нахмурился и поспешил уточнить: – Или скопил столько денег, чтобы заиметь жену.

Первое потрясение Элизабет постепенно проходило, сменяясь недовольством.

– Не проще ли было бы ему выбрать жену там, отец?

– Где, в Новом Южном Уэльсе? Он пишет, что женщин там не сыскать – кроме потаскух, бывших каторжниц и гордячек из Англии. Джинни он видел, когда в прошлый раз приезжал домой, и враз потерял голову. Уже тогда сватался к ней. Но я ему отказал – где это видано, отдать девчонку, которой едва минуло шестнадцать, за ленивца, подручного кочегара из Глазго? Да, Джинни была тогда тебе ровесницей, дочка. Значит, и ты подойдешь – похоже, ему по вкусу молоденькие. Он ищет чистокровную шотландку безупречного поведения, которой можно доверять. Так он и пишет. – Джеймс Драммонд поднялся, обошел дочь и широким шагом направился на кухню. – Завари мне чаю.

Пока Элизабет сыпала заварку в прогретый чайник и заливала его кипятком, из тайника была извлечена заветная бутылочка виски. Пресвитер местной церкви Джеймс Драммонд не был ни любителем выпить, ни тем более забуддыгой. Если он и подливал ложечку виски в чай, так только в честь знаменательных событий – таких, как рождение внука. Но чему он так обрадовался? Кто станет присматривать за ним, если и младшая дочь выйдет замуж?

Что же там написано, в этом письме? Помешивая чай, чтобы он быстрее заварился, Элизабет надеялась, что от виски у отца развяжется язык. Под хмельком он всегда становился словоохотливым. Может, тогда все и выяснится.

– А что еще пишет кузен Александр? – рискнула спросить Элизабет, дождавшись, когда отец опустошит первую чашку, и наливая вторую.

– Почти ничего. Такой же молчун, как все Драммонды. – Отец фыркнул. – Да какой из него Драммонд! Ты не поверишь – он сменил фамилию. Едва прибыл в Америку, назвался Кинроссом. Так что ты станешь не миссис Александр Драммонд, а миссис Александр Кинросс.

Элизабет и в голову не пришло оспаривать это бесцеремонное решение ее участи – ни в эту минуту, ни позднее, когда у нее прояснилось в голове. Сама мысль о неповиновении отцу, да еще в таком важном деле, переполняла ее ужасом, сильнее которого был разве что страх навлечь на себя гнев преподобного доктора Мюррея. Не то чтобы Элизабет Драммонд недооценивала присутствия духа или смелости – и того и другого ей было не занимать: лишившись матери во младенчестве, все свои шестнадцать лет Элизабет прожила под игом двух придиравых стариков, своего отца и священника.

– Кинросс – это не имя клана, а название нашего города и графства, – возразила она.

– Полагаю, у него были причины сменить фамилию, – с несвойственной ему снисходительностью отозвался Джеймс, допивая вторую чашку.

– Что-нибудь натворил, отец?

– Вряд ли, иначе не писал бы сюда открыто. Александр с малолетства был своевольным, даже себе во вред. Твой дядя Дункан так и не совладал с ним, как ни старался. – Джеймс испустил глубокий удовлетворенный вздох. – Ко мне переселятся Аластэр и Мэри. А когда я уйду в могилу, им останется кругленькая сумма.

– Кругленькая сумма?

– Вот-вот. Твой будущий муж прислал банковский чек тебе на дорожные расходы. Тысячу фунтов.

Элизабет ахнула:

– Тысячу?!

– А то ты не слышала! Высоко-то не заносись, дочка. Двадцати фунтов тебе с лихвой хватит на тряпки, еще пяти – на свадебный убор. Александр требует отправить тебя первым классом, с горничной – нет уж, такого мотовства я не допущу! Фу, мерзость! Завтра же первым делом дам объявление в газетах Эдинбурга и Глазго. – Отец смежил редкие блеклые ресницы, погрузившись в раздумья. – Порядочная супружеская пара из числа наших прихожан, которая надумала переселиться в Новый Южный Уэльс, – вот что мне нужно. Если согласятся взять тебя с собой, получают пятьдесят фунтов. – Он поднял веки, показав ярко-голубые глаза. – За такую сделку они ухватятся обеими руками. А я положу в карман девятьсот двадцать пять фунтов. Сумма немалая.

– А если Аластэр с Мэри не захотят переезжать, отец?

– Тогда деньги достанутся Робби с Беллой или Энгусу с Офелией, – злорадно заключил Джеймс Драммонд.

Приготовив отцу воскресный ужин – два толстых бутерброда с беконом, – Элизабет закуталась в клетчатый плед и ускользнула из дома под тем предлогом, что пора привести корову.

* * *

Дом, в котором Джеймс Драммонд вырастил свое большое семейство, стоял на окраине Кинросса – деревни, возвысившейся до статуса «базарного города» только потому, что она считалась столицей графства Кинросс. Имея площадь двенадцать на десять миль, Кинросс

занимал второе место среди самых мелких графств Шотландии, но возмещал недостаток размеров некоторым подобием процветания.

Трубы суконной фабрики, двух мельниц и пивоварни изрыгали черный дым – повсюду кочегары продолжали трудиться и в воскресенье, платить им было выгоднее, чем заново разводить огонь в остывших топках в понедельник. Здесь, на юге графства, угля хватало, чтобы снабжать эти мелкие предприятия. Благодаря им Джеймс Драммонд избежал участи множества шотландцев, вынужденных в поисках работы покидать родные места и влачить жалкое существование в зловонных трущобах крупных городов. Вместе со старшим братом Дунканом, отцом Александра, Джеймс пятьдесят пять лет проработал на суконной фабрике, переворочал для англичан тысячи локтей клетчатой ткани, которую королева ввела в моду.

Резкий шотландский ветер развеивал дымные столбы; казалось, художник растушевывает большим пальцем эти нарисованные углем клубы, а сквозь них проглядывает бездонное блекло-голубое небо. Вдалеке виднелись Охилз и Ломонды, лиловые от осеннего вереска, – дикие, мрачные горы, где поскрипывают, повиснув на одной петле, двери заброшенных хижин мелких арендаторов, охотничьи угодья, куда вскоре явятся землевладельцы – стрелять оленей, удить рыбу в озерах. В единственной плодородной долине графства Кинросс паслись коровы, лошади и овцы. Коровам было суждено превратиться в нежнейшие лондонские ростбифы, чистокровных лошадей выезжали под седло и в упряжку, овечью шерсть свозили на суконную фабрику, а мясо подавали к столу зажиточных горожан. На этой земле удавалось даже кое-что выращивать: для этой цели болотистые почвы осушили пятьдесят лет назад.

Перед городком Кинросс раскинулся Лох-Левен – голубовато-стальная, чуть подернутая рябью гладь водоема, похожего на все шотландские озера, в которые впадают янтарные речушки, протекающие через торфяники. Элизабет остановилась на берегу озера в нескольких ярдах от дома (отойти подальше она не решилась) и засмотрелась на зеленые равнины за озером, отделяющие ее от залива Ферт-оф-Форт. Иногда при восточном ветре до нее донолся рыбный запах холодных глубин Северного моря, но сегодня ветер дул с гор, пахло прелой листвой. На лох-левенском острове возвышался замок – тот самый, в котором почти год провела под стражей королева Мария Шотландская. Каково это – быть и властительницей, и узницей? Женщиной, пытающейся править страной, населенной свирепыми, воинственными мужчинами? Но Мария пыталась возродить римско-католическую церковь, и Элизабет Драммонд, воспитанная убежденными пресвитерианами, была о ней невысокого мнения.

«Я еду в далекий Новый Южный Уэльс, чтобы стать женой человека, которого никогда в жизни не видела, – думала она. – Выйти за мужчину, который хотел жениться на моей сестре, а не на мне. Я попала в ловушку, расставленную моим родным отцом. А если этот Александр Кинросс увидит меня и скажет, что я ему не нравлюсь? Если он благородный человек, он, конечно, отправит меня домой! А он наверняка благородный, если выбрал в жены девушку из семьи Драммондов. Но я читала, что в этих ужасных колониях на краю света порядочных женщин не найти – значит, он все-таки женится на мне. Отец небесный, только бы он от меня не отказался! Сделай так, чтобы я ему понравилась!»

В школе доктора Мюррея за два года она успела научиться читать и писать, и читала хорошо, хоть и медленно. С письмом дело обстояло хуже, поскольку Джеймс ни в какую не желал тратить на бумагу для пачкотни глупых девчонок. Зато книги Элизабет могла читать какие угодно и какие найдет – при условии, что в доме царила безукоризненная чистота, еда была приготовлена по отцовскому вкусу, деньги не транжирились попусту, а время не тратилось на болтовню с безмозглыми подружками. Книги она брала в двух местах: в библиотеке доктора Мюррея и у его многочисленных прихожанок, по рукам которых ходили до тошноты благопристойные романы. Поэтому неудивительно, что в богословии Элизабет разбиралась лучше, чем в геологии, а в домашнем хозяйстве – лучше, чем в любовной прозе.

Она и представить себе не могла, что ей уготовано стать женой, хотя в последнее время мало-помалу начинала задумываться о радостях и горестях супружеской жизни и с интересом приглядывалась к союзам старших братьев и сестер. Аластэр и Мэри, совсем непохожие друг на друга, вечно ссорились, но Элизабет чувствовала, что они накрепко связаны; Роберт и Белла были одинаково прижимистыми; у Энгуса и его болтушки Офелии едва не доходило до драк; Кэтрин и Роберт жили в Керколди, потому что он был рыбаком; Мэри и Джеймс, Энн и Энгус, Маргарет и Уильям... И старшая сестра Джин, которую в семье считали красавицей, в восемнадцать вышедшая за Монтгомери – завидного жениха для девушки из хорошей семьи, но без приданого. Муж увез ее в Эдинбург, в особняк на Принсез-стрит, и с тех пор никто из кинросских Драммондов не видел Джин.

– Небось брезгует нами, – презрительно цедил Джеймс.

– И правильно делает, – возражал Аластэр, любивший Джин и по-прежнему преданный ей.

– Себялюбка! – усмехалась Мэри.

Ей там одиноко, думала Элизабет, которая почти не помнила Джин. Но Джин еще повезло: если одиночество станет невыносимым, до родных всего-то пятьдесят миль. А ей, Элизабет, уже никогда не вернуться домой, а больше она нигде и не бывала.

После замужества Маргарет было решено, что Элизабет, младшее детище Джеймса, останется старой девой – по крайней мере пока жив ее отец. Вся семья втайне надеялась, что старик долго не протянет, хотя он был крепок, как изношенные башмаки, и тверд, как скала Бен-Ломонд. Но теперь благодаря Александру Кинроссу и его тысяче фунтов все враз переменялось. Аластэр, после смерти своего тезки ставший гордостью и отрадой Джеймса, наверняка переубедит Мэри и вместе с ней и семерыми отпрысками переселится в отцовский дом. Со временем дом все равно отошел бы Аластэру: он прочно занял место в сердце Джеймса, выучившись ремеслу ткача. Но Мэри... бедняжка Мэри, вот ей достанется! Отец считает ее злостной мотовкой: мало того что она покупает детям воскресные башмаки, так еще и выставляет на стол джем не только к завтраку, но и к ужину. Едва она переберется к Джеймсу, ее детям придется ходить в грубых опорках и лакомиться джемом только по воскресеньям.

Налетел ветер; Элизабет поежилась – скорее от страха, чем от внезапного холода. Как там сказал отец об Александре Кинроссе? «Ленивец, подручный кочегара из Глазго». Ленивец? Что это значит? Что Александр Кинросс ни на что не годится? Может, он даже не встретит ее?

– Элизабет, иди в дом! – послышался голос Джеймса.

Элизабет послушно поспешила на зов.

Дни летели так, словно сговорились не давать Элизабет времени задумываться; как она ни старалась по вечерам не засыпать, не обдумав прежде свое будущее, сон сражал ее, едва она ложилась в постель. Между Джеймсом и Мэри каждый день вспыхивали ссоры; Аластэру, который с рассветом уходил на фабрику и возвращался затемно, повезло не слышать их. Всю мебель Мэри перевезли в новое жилье, где она вытеснила ветхую и невзрачную обстановку Джеймса. Элизабет то бегала вверх-вниз по лестницам, нагруженная кипами белья и горами обуви, то помогала проталкивать в дверь пианино, бюро, гардероб, то развешивала на бельевой веревке очередной ковер Мэри и старательно выбивала из него пыль. Мэри приходилась ей кузиной со стороны Мюрреев, в семью она принесла не только приданое и небольшое содержание от отца-фермера, но и независимость суждений – по мнению Элизабет, чрезмерную для женщины. И никто не посягнул на мнение Мэри даже после того, как она переселилась к свекру. А Элизабет с изумлением обнаружила, что ее отец не всегда побеждает в спорах. Джем по-прежнему появлялся на столе каждое утро и каждый вечер. По воскресеньям дети отправлялись на службу к доктору Мюррею в новых башмаках. А Мэри хвастала стройными щиколотками и ступнями в изящных синих козловых туфельках на таких высоких каблуках,

на которых могла лишь семенить. Джеймс не жалел времени и сил на вдохновенные скандалы и вскоре привил внукам здоровый страх перед тростью, но вскоре убедился, что Аластэром Мэри вертит как пожелает.

От домашних склок Элизабет спасали только визиты в мастерскую мисс Мактавиш на главной площади Кинросса. В этом домике входная дверь открывалась прямо в гостиную, за стеклом в большом окне стоял бесполой манекен в платье из розовой тафты с необъятной юбкой: из уважения к церкви никто не посмел бы выставить в витрине манекен с грудью.

Все горожанки, кто не шил себе одежду сам, обращались к мисс Мактавиш – худосочной старой деве лет под пятьдесят. Получив в наследство сотню фунтов, она отказалась от места белошвейки, стала модисткой и самой себе хозяйкой. И она процветала, ибо в Кинроссе хватало заказчиц, а самой мисс Мактавиш – ума предлагать им журналы мод, якобы присланные из Лондона.

На пять из двадцати фунтов Элизабет на фабрике прикупила шерстяной шотландки – с небольшой, но приятной скидкой, благодаря положению, которое занимал на фабрике Аластэр. Дорожные платья из шотландки и четыре домашних, из грубой бурой льняной ткани, Элизабет предстояло сшить самой, как и панталоны из небеленого холста, ночные рубашки, нижние кофточки и юбки. Подсчитав расходы, Элизабет обнаружила, что к портнихе ей придется идти всего с шестнадцатью фунтами в кармане.

– Два утренних платья, два дневных, два вечерних и свадебное, – объявила мисс Мактавиш, очарованная этим заказом. Прибыль он сулил небольшую, но ведь не каждый день мисс Мактавиш случалось обшивать совсем юную и прехорошенькую девчонку – сущую статуэтку! – да еще без докучливого вмешательства матери или тетки.

– Элизабет, как вам повезло, что я здесь! – щебетала модистка, шурша портновским сантиметром. – В Керколди или Дамфермлайне за половину гардероба с вас запросили бы вдвое больше. А у меня найдется дивная материя – как раз для вас. Красавицы брюнетки никогда не выходят из моды, никакой цвет не сделает их блеклыми. Знаете, я слышала, что ваша сестра Джин – вот уж была красавица! – блистает в Эдинбурге.

Уставившись на себя в зеркало мисс Мактавиш, Элизабет услышала только последнюю фразу. Джеймс не терпел в доме зеркал и даже выиграл по этому поводу битву с Мэри, призвав на подмогу доктора Мюррея, после чего Мэри пришлось держать зеркало у себя в спальне. Элизабет догадалась, что слово «красавица» частенько срывается с языка мисс Мактавиш и льется бальзамом на душу легковверных клиенток. В своем отражении Элизабет не усмотрела ничего красивого, разве что убедилась, что она и вправду брюнетка. Почти черные волосы, очень темные брови и ресницы, темные глаза, самое заурадное лицо.

– Ах, что за кожа! – ворковала мисс Мактавиш. – Белая-белая, ни родинки, ни пятнышка! Только, бога ради, никому не позволяйте мазать вас румянами – они все испортят. А шея! Лебединая!

Сняв с Элизабет мерки, мисс Мактавиш провела ее в комнату, где на полках хранились плотно свернутые рулоны тканей – тончайшего муслина, батиста, шелка, тафты, гипюра, бархата и атласа. И целые катушки лент всех цветов радуги. И перья, и шелковые цветы.

Просияв, Элизабет кинулась напрямик к огненнокрасному шелку.

– Вот это, мисс Мактавиш! – воскликнула она. – Это!

Бывшая белошвейка, а ныне модистка покраснела, как выбранная материя.

– Нет-нет, дорогая! – сдавленно выговорила она.

– Но ткань такая красивая!

– Она алая, – возразила мисс Мактавиш, отодвигая от края полки злополучный рулон. – Вам она совсем не пойдет, милая Элизабет. Я держу эту ткань для особых клиенток, чья... нравственность оставляет желать лучшего. Разумеется, они посещают меня в особые часы,

чтобы избежать неловкости. Помните, в Священном Писании – «жена, облеченная в багряницу»?

– О-о-о!

Элизабет пришлось довольствоваться тафтой оттенка ржавчины. Безупречный выбор.

– Пожалуй, – сказала она мисс Мактавиш за чашкой чаю, когда ткани были выбраны, – отцу ни одно платье не понравится. Они не про мою честь.

– Дело вашей чести отныне, – убежденно заявила мисс Мактавиш, – измениться до неузнаваемости, Элизабет. Вы просто не имеете права явиться к жениху, который прислал вам тысячу фунтов на наряды, в шотландке с местной фабрики да в бурых тряпках. Вас ждут рауты, балы, катание в ландо, визиты к знакомым – женам других состоятельных господ. Деньги, которые прикарманил ваш отец, принадлежат вам, а не ему.

Произнеся эти слова (а они так и вертелись на кончике языка – ну и сквалыга этот Джеймс Драммонд!), мисс Мактавиш налила себе еще чаю и уговорила Элизабет съесть кекса. Такая красавица – и могла пропасть ни за грош в Кинроссе!

– Не хочется мне в этот Новый Южный Уэльс, и замуж за мистера Кинросса тоже, – горестно призналась Элизабет.

– Вздор! Считайте, что вам выпало приключение, милочка. Поверьте, во всем Кинроссе не найдется ни единой девушки, которая не завидует вам. Вы только подумайте! Здесь вам и вовсе не найти мужа, лучшие годы вы потратите впустую, ухаживая за отцом. – Ее блекло-голубые глаза увлажнились. – Уж я-то знаю, каково это! Мне пришлось ухаживать за матерью до самой смерти, а умерла она, только когда последние мои надежды на замужество улетучились. – Она вздохнула и вдруг просияла: – Александр Драммонд! Да ведь я его помню! Ему не было и пятнадцати, когда он сбежал из дому, но в Кинроссе все дамы и девицы на него заглядывались.

Элизабет наострила уши: она поняла, что наконец-то нашла человека, который хоть немного расскажет ей о будущем муже. В отличие от Джеймса у Дункана Драммонда было всего двое детей – дочь Уинифред и Александр. Уинифред вышла за священника и переселилась под Инвернесс еще до рождения Элизабет, поэтому повидаться с будущей золовкой нечего было и мечтать. Расспросы собственных родных, которые помнили Александра, почти ничего не дали: казалось, по какой-то причине в семье запрещено даже упоминать об Александре. Отец, наконец сообразила Элизабет. Ее отец боится упустить такую удачу и не желает рисковать. Кроме того, Джеймс Драммонд верил, что неведение – залог блаженства в супружеской жизни.

– Он был хорош собой? – живо спросила Элизабет.

– Хорош? – Мисс Мактавиш поморщилась и зажмурилась. – Нет, красавцем я бы его не назвала. Но ходил он по-особому – не ходил, а вышагивал. Он вечно был весь в синяках от трости Дункана, и, наверное, ему нелегко было расхаживать так, будто ему принадлежит весь мир, но он не сдавался. А его улыбка! Она... разила наповал.

– Он сбежал из дому?

– В день своего пятинадцатилетия, – подтвердила мисс Мактавиш и продолжила повествование о давних событиях: – Сердце доктора Макгрегора, тогдашнего священника, было разбито. Он часто повторял, что Александр – умница, каких мало. Он знал и латынь, и греческий, и доктор Макгрегор надеялся послать его в университет. Но Дункан на это ни за что бы не согласился. Он подыскал сыну работу на фабрике в Кинроссе – после расставания с Уинифред хотел, чтобы хоть Александр остался рядом. О, каким он был упрямым, этот Дункан Драммонд! Знаете, он ведь сватался ко мне, но я не могла бросить мать и потому без сожалений отказала ему. А теперь вы выходите за Александра! Это сон, Элизабет, удивительный сон!

Последнее замечание походило на правду. Когда за работой Элизабет удавалось хоть ненадолго задуматься, ей казалось, что ее будущее – вроде облаков и туч, проплывающих по высокому и бескрайнему шотландскому небу: то легких, воздушных, то унылых и серых, а ино-

гда и черных, предвещающих грозу. Близилось путешествие, чем оно кончится, никто не знал, а ограниченный мирок, в котором Элизабет прожила свои шестнадцать лет, не мог дать ей ни утешения, ни знаний. Краткий трепет предвкушения сменялся горькими рыданиями, вспышки радости – головокружительным падением духа. Даже после тщательного штудирования географического справочника и «Британники», принадлежащих доктору Мюррею, несчастной Элизабет было нечем измерить крутой и необратимый поворот своей судьбы.

Платья были сшиты – все, вплоть до свадебного, аккуратно переложены листами бумаги и бережно упакованы в два сундука. Аластэр преподнес сестре сундуки, Мэри – фату из белого французского кружева, мисс Мактавиш – пару белых атласных туфель. У каждого члена семьи, кроме Джеймса, нашелся подарок для Элизабет, будь то флакон одеколона, костяная брошка, подушечка для булавок или коробка конфет.

Респектабельная пара пресвитериан из Пиблса откликнулась на объявление, поданное Джеймсом, и после непродолжительной переписки сообщила, что за пятьдесят фунтов охотно возьмет невесту под свою опеку.

Аластэру и Мэри было поручено доставить Элизабет дилижансом до Керколди, где все трое сели на паровое судно, курсировавшее между Ферг-оф-Фортом и Литом. Оттуда конка должна была довезти путников до Эдинбурга и станции на Принсез-стрит, где им предстояло встретиться с мистером и миссис Ричард Уотсон.

Если бы не утомительное плавание, Элизабет сгорала бы от любопытства: за всю свою жизнь она не уезжала от дома дальше Керколди, и если уж провинциальный городок поразила ее в самое сердце, то громадный Эдинбург должен был окончательно потрясти. Кэтрин и Роберт жили там и могли бы показать Элизабет местные достопримечательности. Но ее ничуть не прельщала суэта Эдинбурга, его суровая красота в обрамлении лесистых холмов и лошин. Когда конка доставила троицу путешественников к станции Северной Британской железной дороги, Элизабет устроили в крохотном, похожем на шкатулку купе второго класса, в котором ей предстояло добраться вместе с Уотсонами до Лондона. Аластэр то и дело выскакивал на перрон, высматривал в толпе пассажиров запоздавших компаньонов сестры.

– А здесь недурно, – заметила Мэри, оглядевшись. – Сиденья мягкие, даже ковры есть.

– Кому я не завидую, так это пассажирам в третьем классе, – сказал Аластэр, заталкивая два квадратика картона в левую перчатку Элизабет. – Смотри не потеряй, по ним ты получишь из багажного отделения сундуки. – В другую перчатку он сунул пять золотых. – От отца, – усмехнулся он. – С трудом убедил его, что тебе ни в жизнь не добраться до Нового Южного Уэльса с пустым кошельком. Смотри, не трать зря ни фартинга.

Наконец прибыли задыхающиеся от быстрой ходьбы Уотсоны. Очевидно, пятьдесят фунтов, полученных от отца Элизабет, спасли эту рослую и угловатую пару в поношенной одежде от ужасов путешествия третьим классом и обеспечили ей относительный комфорт второго. Уотсоны оказались приятными людьми, но Аластэр уловил запах спиртного, исходящий от мистера Уотсона, и поморщился.

Паровоз загудел, пассажиры прильнули к окнам вагонов, напоследок перекликаясь, всхлипывая, лихорадочно обнимаясь и махая руками тем, кто остался на перроне; пыхтя и побрякивая, судорожно вздрагивая и выпуская облака пара, лондонский ночной тронулся.

«Как близко и как далеко, – думала Элизабет, прикрыв глаза. – Где-то здесь, на Принсез-стрит, живет моя сестра Джин, с которой все началось...» Аластэр и Мэри переночевали в вокзальной гостинице и вернулись в Кинросс, так и не повидавав Джин. «Я никого не принимаю», – говорилось в ее краткой записке.

Веки Элизабет сомкнулись, и она уснула, сидя в уголке и прислонившись щекой к заледневшему окну.

– Бедное дитя, – сказала миссис Уотсон. – Помоги-ка мне устроить ее поудобнее, Ричард. Видно, плохи наши дела, если шотландцам приходится посылать дочерей за мужьями за двенадцать тысяч миль от родины.

Паровые суда с гребным винтом пересекали северную часть Атлантического океана, покрывая расстояние от Великобритании до Нью-Йорка за шесть-семь дней, но никакого угля не хватило бы кораблю, плывущему на другой конец света. Эти плавания по-прежнему совершали парусные суда.

«Авророй» назывался четырехмачтовый барк с двумя топселями, прямой парусной оснасткой на фок- и грот-мачтах и косым парусом на бизани. Двенадцать тысяч миль до Сиднея он преодолевал за два с половиной месяца, заходя в порт только однажды, в Кейптауне: сначала брал курс на юг в Атлантическом океане, затем через Индийский попадал в Тихий. Груз «Авроры» составляли несколько сотен фаянсовых стульчаков и бачков для ватерклозетов, два ландо, дорогие мебельные гарнитуры из грецкого ореха, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, рулоны тончайшего французского кружева, ящики книг и журналов, банки французского конфитюра, жестянки патоки, четыре паровых двигателя Мэтью Боултона и Уатта, партия медных дверных ручек, а в запертой части трюма – десятки огромных ящиков, помеченных черепом со скрещенными костями. На обратном пути трюмы «Авроры» загружали тысячами мешков пшеницы, а место ящиков с черепом и костями занимали золотые слитки.

Вопреки желанию капитана судна, фанатичного женоненавистника, «Аврора» брала на борт дюжину пассажиров обоего пола и обеспечивала им некоторые удобства, хотя кают-компания на ней не было, а еду подавали самую простую – свежее выпеченный хлеб, соленое масло, хранящееся в прочных бочонках, вареную говядину, проросшую картошку и мучной пудинг, сдобренный джемом или патокой.

Элизабет притерпелась к качке еще на полпути через Бискайский залив – в отличие от миссис Уотсон, за которой девушке пришлось ухаживать. Но эта обязанность не вызывала у Элизабет отвращения, поскольку миссис Уотсон была доброй душой, терпеливо несущей непосильное бремя. Троим путешественникам досталась каюта с иллюминатором и конуркой для горничной при ней. «Аврора» еще не успела войти в Ла-Манш, когда мистер Уотсон объявил, что не станет мешать дамам и будет спать в баре для пассажиров. Поначалу Элизабет было невдомек, почему это известие так опечалило бедную миссис Уотсон, а потом она сообразила, что бедность Уотсонов – следствие пристрастия главы семьи к крепкому спиртному.

А как холодно было в море! Только когда позади остались острова Зеленого Мыса, зима наконец отступила, но к тому времени миссис Уотсон уже раздирал кашель. В Кейптауне ее испуганный супруг протрезвел настолько, что обратился к врачу. Но тот лишь поджал губы и покачал головой.

– Сэр, если вы не хотите свести свою жену в могилу, немедленно сойдите на берег, – посоветовал он.

Но как быть с Элизабет?

Подкрепившись полпинтой джина, мистер Уотсон не стал задаваться этим вопросом, а миссис Уотсон впала в ступор и ни о чем не спрашивала мужа. Вдвоем они покинули корабль вместе со всем багажом через полчаса после ухода врача, бросив Элизабет на произвол судьбы.

Если бы капитан Маркус настоял на своем, Элизабет ссадили бы на берег следом за ними, но он забыл, что на борту находятся еще три пассажирки. Одна из них срочно созвала на совет две супружеские пары, трех трезвых одиноких джентльменов и самого капитана Маркуса.

– Девушка сойдет на берег, – непреклонно заявил хозяин «Авроры».

– Да вы что, капитан! – возмутилась миссис Августа Холлидей. – Отправлять в незнакомом месте на берег шестнадцатилетнюю девушку, да еще совсем одну – из Уотсонов опекуны

никудашные, – это уж слишком! Только попробуйте, сэр, и я сообщу вашим хозяевам, в гильдию и всем на свете! Мисс Драммонд останется на суде.

Это заявление и воинственный взгляд миссис Холлидей были встречены одобрительным ропотом ее сторонников, и капитан Маркус понял, что проиграл.

– В таком случае, – процедил он сквозь зубы, – я требую изолировать ее от моей команды. И от остальных пассажиров-мужчин – равно женатых и холостых, пьяных и трезвых. Она будет сидеть под замком в своей каюте и принимать пищу там же.

– Как заключенная? – уточнила миссис Холлидей. – Да это неслыханно! Ей необходим свежий воздух и моцион.

– Если захочет подышать свежим воздухом, пусть открывает иллюминатор, а ради моциона прыгает на месте, мадам. Я хозяин этого судна, и мое слово здесь – закон. Блудодейства на «Авроре» я не допущу.

И Элизабет все пять оставшихся недель этого бесконечного плавания провела взаперти, в собственной каюте – в компании книг и журналов, за которыми миссис Холлидей спешно послала в единственную книжную лавку Кейптауна. Капитан Маркус пошел еще на одну уступку: позволил Элизабет в сопровождении миссис Холлидей дважды в день обходить палубу, но только после наступления темноты. Сам он следовал за дамами и рывкал на каждого матроса, который осмеливался приблизиться к ним.

– Как сторожевой пес, – хихикала Элизабет.

Как только Уотсоны покинули корабль, она слегка воспрянула духом, несмотря на добровольное заключение; ее отец и доктор Мюррей одобрили бы решение капитана, и Элизабет его понимала. Иметь собственный уголок оказалось приятно, тем более что он был размерами побольше ее комнаты в отцовском доме, куда ей разрешалось заходить только перед сном. Привстав на цыпочки, Элизабет видела в иллюминатор океан – тяжело перекачивающий волны, простирающийся во все стороны, – а во время ночных прогулок по палубе слышала, как волны глухо бьются о борта «Авроры».

Элизабет узнала, что миссис Холлидей – вдова вольного колониста, который сумел сколотить в Сиднее небольшое состояние, открыв для местной аристократии модную лавку. За лентами и пуговицами, шнуровкой и китовым усом для корсетов, чулками и перчатками вышший свет Сиднея ездил в «Галантерею Холлидея».

– После смерти Уолтера я заспешила на родину, – вздыхая, рассказывала миссис Холлидей спутнице. – Но обманулась в своих ожиданиях. То, о чем я так долго мечтала, оказалось плодом моей фантазии. Я и не подозревала, что стала австралийкой. Вулверхэмптон казался мне скопищем угольных куч и дымовых труб, и поверишь ли – я с трудом понимала, что говорят люди! Я скучала по детям, по внукам, по простору. Принято считать, что Бог создал человека по своему образу и подобию, а Британия создала Австралию по своему. Но это не так. Австралия – совсем другая страна.

– А разве она называется не Новый Южный Уэльс? – спросила Элизабет.

– Строго говоря, да. Но материк уже давным-давно зовут Австралией, а его жители, будь они из Виктории, Нового Южного Уэльса, Квинсленда или из других колоний, называют себя австралийцами. Как мои дети.

В разговорах они часто упоминали про Александра Кинросса. К сожалению, миссис Холлидей ничего о нем не знала.

– Сидней я покинула четыре года назад, а он, вероятно, прибыл за время моего отсутствия. И потом, он холостяк и не вхож в общество – значит, его имя известно только близким друзьям. Но я уверена, – благосклонно продолжала миссис Холлидей, – что его поведение безупречно. Иначе зачем бы он выписал с родины кузину, чтобы жениться? Повесы, дорогая моя, вообще не женятся. Особенно если живут на золотых приисках. – Она поджала губы и фыркнула.

нула. – Эти прииски – вертепы разврата, непристойных женщин там хоть пруд пруди. – Она деликатно кашлянула. – Надеюсь, Элизабет, вам известны супружеские обязанности?

– Да, – безмятежно отозвалась Элизабет. – Мне что-то такое говорила золовка Мэри.

В Порт-Джеконе «Аврору» взяло на буксир паровое судно; раздраженный присутствием лоцмана, которого он не терпел, капитан Маркус и не заметил, что миссис Холлидей взяла на себя смелость выпустить Элизабет из заточения, вывела на палубу и с гордостью хозяйки принялась показывать то, что назвала «величайшей гаванью мира».

Да, Элизабет была готова согласиться, что гавань огромна; дымка скрывала из виду вершины гигантских оранжевых скал, поросших сизоватыми лесами. Песчаные пляжи, пологие холмы, явные следы человеческого присутствия. Длинные и тощие, как жерди, деревья постепенно сменились рядами домов, между которыми попадались величественные особняки. Миссис Холлидей называла фамилии владельцев последних и прибавляла краткие замечания – от неодобрительных до презрительных. Однако воздух здесь был насыщен влагой, солнце оказалось невыносимо раскаленным, вся прекрасная гавань источала омерзительную вонь. И вода в гавани, как заметила Элизабет, была грязно-бурой, замусоренной.

– Март не лучший месяц для прибытия, – объяснила миссис Холлидей, наклонившись над поручнями и глядя на воду. – В марте здесь сыро и душно. Весь февраль и март мы молимся, чтобы подул южный холодный ветер, который приносит прохладу. Вас беспокоит запах, Элизабет?

– Очень, – призналась побледневшая девушка.

– Это из клоаки, – объяснила миссис Холлидей. – Нечистоты ста семидесяти с лишним тысяч человек стекают напрямик в гавань, которая уже превратилась в выгребную яму. Конечно, рано или поздно гавань вычистят, но когда – никому не известно, как говорит мой сын Бенджамин. Он служит в городском совете. И с водой здесь туго. Времена, когда она стояла по шиллингу за ведро, давно в прошлом, но и сейчас за нее приходится дорого платить. Мало у кого есть запасы воды, кроме разве что первых богачей. – Она фыркнула. – Мистер Джон Робертсон и мистер Генри Паркс от жажды не умрут!

К путешественницам стремительно приближался капитан Маркус.

– В каюту, мисс Драммонд! Сию же секунду!

В каюте Элизабет просидела все время, пока «Аврора» швартовалась. В иллюминатор был виден лес мачт, отовсюду слышались хриплые голоса и пыхтение двигателей.

Когда час спустя в дверь каюты постучали, Элизабет вскочила с колотящимся сердцем. Но оказалось, что пришел стюард Перкинс.

– Ваш багаж уже на берегу, мисс. И вам пора.

– А миссис Холлидей? – спросила Элизабет, следуя за стюардом по палубе, где на лебедках поднимали ящики, а матросы и краснорожие грузчики во фланелевых рубашках присвистывали и ухмылялись.

– А она давно сошла. Просила передать вам. – Перкинс вытащил из кармана жилета карточку. – Там указан адрес, где можно ее найти.

Вниз по шаткому трапу, потом по грязным доскам пристани, между высоченными штабелями ящиков и бочонков... А где же ее сундуки?

Обнаружив багаж в сравнительно тихом местечке, у стены полуразвалившегося сарая, Элизабет присела на сундук, положила сумочку на колени и скрестила на ней ладони. Куда идти, как быть? Надеясь, что в шотландке цвета Драммондов Александр Кинросс быстрее узнает ее в толпе, Элизабет надела одно из собственноручно сшитых платьев, но шерстяная ткань была слишком жаркой для такой погоды. Разомлев от зноя, Элизабет думала, что и остальное содержимое ее сундуков для местного климата непригодно. Пот струился по ее лицу,

стекал по шее за ворот, скапливался под шляпкой и пропитывал ситцевое белье под душной драммондовской шотландкой.

Зато благодаря рассказам мисс Мактавиш Элизабет мгновенно узнала Александра. Неотрывно глядя на узкую улочку между штабелями грузов, она вдруг заметила мужчину, который шагал так, будто ему принадлежал весь мир. Рослый и стройный, он был одет в непривычный для глаз Элизабет костюм: раньше ей случалось видеть только мужчин в рабочих фланелевых рубашках и картузах, или же в складчатых килтах, или в строгих костюмах, накрахмаленных рубашках и жестких шляпах-котелках. А на незнакомце были мягкие брюки из какой-то желтовато-коричневой кожи, просторная рубаша, шарф на шее, куртка из той же кожи с длинной бахромой на рукавах и подоле и мягкая коричневая шляпа с низкой тульей и широкими полями. Лицо под шляпой было худым и загорелым до черноты; в черных кудрях, рассыпавшихся по плечам, поблескивала седина, а борода и усы оттенка соли с перцем были подстрижены точь-в-точь как у сатаны.

Элизабет вскочила, и он ее заметил.

– Элизабет? – спросил он, протягивая руку.

Она не подала свою.

– Так вы знаете, что я не Джин?

– А с чего я должен думать, что ты Джин, если ты не Джин?

– Но вы... писали... к Джин, – сбивчиво объяснила Элизабет, не отваживаясь взглянуть ему в глаза.

– А твой отец предложил вместо Джин тебя. В сущности, не важно, – отозвался Александр Кинросс, жестом подзывая слугу. – Грузи ее сундуки в повозку, Саммерс. А мы доедем до отеля на извозчике. – И снова обратился к Элизабет: – Как раз этим же кораблем привезли мой динамит, вот я и опоздал. Пришлось принимать груз, пока его не стянул какой-нибудь предприимчивый проходимец. Идем.

Взяв Элизабет под руку, Александр переулком вывел ее на невероятно широкую улицу, похожую как на склад, так и на товарную станцию: здесь повсюду были свалены строительные материалы, а целая толпа рабочих ломami поддевала торцы мостовой.

– Тянут железную дорогу к пристани, – объяснил Александр Кинросс, подсаживая спутницу в один из ждущих наемных экипажей. Усевшись рядом, он продолжал: – Тебе жарко. И неудивительно – в такой одежде.

Набравшись смелости, Элизабет повернулась, чтобы получше разглядеть его лицо. Мисс Мактавиш была права: он не красавец, хотя черты у него правильные. Может, это вовсе не черты Драммондов или Мюрреев? Трудно поверить, что этот человек – ее двоюродный брат. Но сильнее всего Элизабет страшило явное сходство Александра с дьяволом. И не только борода и усы: его изогнутые под резким углом, надломленные брови были чернильно-черными, а глубоко посаженные глаза под черными ресницами – такими темными, что зрачок по цвету не отличался от радужки.

Александр тоже разглядывал спутницу, но как-то отрешенно.

– А я думал, ты светленькая, как Джин, – заметил он.

– Я уродилась в темноволосых Мюрреев.

Последовала улыбка – и опять мисс Мактавиш права, улыбка чудесная, но вопреки всем ожиданиям от нее Элизабет ничуть не ослабела.

– Я тоже, Элизабет. – Он взял ее за подбородок и повернул лицом к свету. – Удивительные у тебя глаза – темные, но не карие и не черные. А синие. Отлично! Значит, у наших сыновей есть шанс родиться похожими на настоящих шотландцев.

От этого прикосновения Элизабет стало неудобно, как и от упоминания о сыновьях; ради приличия подождав немного, она высвободила подбородок и перевела взгляд на лежащую на коленях сумочку.

Лошадь трусцой поднималась по холму, увозя пассажиров от пристани в город – действительно огромный, такой же шумный, как Эдинбург, на взгляд неискушенной Элизабет. Кареты, двуколки, кабриолеты, кебы, повозки, подводы, фургоны и запряженные лошадьми омнибусы сплошным потоком катились по узким улицам, где поначалу попадались одни жилые дома, а потом – вперемежку с лавками, навесы над окнами которых простирались до края тротуара и скрывали от глаз пассажиров в экипажах товар, выставленный на витринах.

– Маркизы, – пояснил Александр, словно прочитав мысли Элизабет – еще одно сходство с дьяволом. – Под ними покупатели прячутся от дождя и солнца.

Элизабет не нашлась с ответом.

За двадцать минут экипаж докатился от порта до широкой улицы, по одну сторону от которой раскинулся парк – обширный, но запущенный, с совершенно высохшей травой. Посреди улицы была проложена пара рельсов: по ним лошади возили вагоны городской конки. Возница остановил экипаж у особняка из желтого песчаника, с дорическими колоннами по фасаду. Швейцар в щегольской ливрее помог Элизабет выйти из экипажа. Перед Александром он раболепствовал – особенно после того, как получил целый золотой.

В отеле царила неслыханная роскошь. Внушительного вида лестница, повсюду малиновый бархат, гигантские вазы с малиновыми цветами, блеск позолоченных рам, столов и постаментов. В колоссальной хрустальной люстре ярко пылали свечи. Лакеи в ливреях куда-то понесли сундуки Элизабет, а Александр повел ее саму не к лестнице, а к подобию гигантской птичьей клетки, у открытых дверей которой ждал еще один ливрейный лакей в перчатках. Как только Элизабет, Александр и сопровождавший их слуга вошли в клетку, клетка дрогнула, покачнулась и поплыла вверх! Очарованная и перепуганная, Элизабет смотрела вниз, на уплывающий вестибюль, потом подняла голову и увидела малиновый коридор со срезанным полом. А клетка со стоном и скрипом продолжала подниматься. Четвертый этаж, пятый, шестой... Наконец клетка с содроганием остановилась и выпустила пассажиров.

– Никогда не видела лифта, Элизабет? – с легкой насмешкой спросил Александр.

– Лифта?

– В Калифорнии его еще называют элеватором. Лифт движется под действием давления воды, по законам гидравлики. Это совсем новое изобретение. В Сиднее есть только один лифт, но скоро этажей в домах будет все больше, и лифтов тоже станет больше, чтобы жильцам не приходилось пешком подниматься по лестницам. Этот отель я выбрал из-за лифта. Лучшие номера здесь на верхнем этаже – там свежий воздух, прекрасный вид и не так шумно. – Он вынул ключ и отпер дверь. – А вот и твои апартаменты, Элизабет. – Александр достал из кармана золотую луковицу, взглянул на циферблат и указал на часы, тикающие на каминной полке. – Скоро придет горничная, поможет тебе разобрать вещи. До восьми часов ты должна принять ванну, отдохнуть и переодеться к ужину. Будь любезна, надень вечернее платье.

И он вышел в коридор.

Ноги Элизабет стали ватными, но на этот раз не от улыбки Александра Кинросса. Какая роскошная комната! Отделка в бледно-зеленых тонах, гигантское ложе с балдахином на четырех резных столбиках, уютный уголок со столом и стульями да еще какой-то странный предмет – помесь узкой кровати и дивана. Двустворчатая застекленная дверь вела на узкий балкончик – да, Александр был прав, вид отсюда открывался изумительный. Никогда в жизни Элизабет не доводилось подниматься выше второго этажа, а даже оттуда были видны Лох-Левен и графство Кинросс. Здесь же перед ней как на ладони лежал весь восточный Сидней: канонерки у входа в залив, стройные ряды зданий, лес на далеких холмах и вдоль берегов поистине великолепнейшей гавани мира. Но подышать свежим воздухом Элизабет так и не удалось: вонь нечистот из гавани долетала даже до отеля.

Постучавшаяся горничная внесла в номер поднос с чайной посудой, миниатюрными сэндвичами и кексами.

– Но сначала вам следует привести себя в порядок с дороги, мисс Драммонд. Портье приготовит чай попозже, – заявила эта в высшей степени достойная особа.

Элизабет узнала, что дверь в просторную ванную находится в углу, за кроватью. К ванной прилегалла комната, которую горничная назвала гардеробной – с зеркалами, шкафами и комодами.

Должно быть, Александр объяснил горничной, что его невеста еще совсем неопытна, потому что горничная без всяких вопросов показала госте, как спускать воду в уборной, наполнила водой гигантскую ванну и промыла слипшиеся от морской воды волосы Элизабет так невозможно, словно каждый день видела обнаженных женщин.

«Александр Кинросс», – повторяла про себя Элизабет, потягивая чай. Первое впечатление обманчиво, особенно если прибавить к нему стечение обстоятельств и слухи, невежество и суеверие. Александру Кинроссу просто не повезло уродиться вылитым сатаной, изображение которого доктор Мюррей с умыслом повесил на стену в комнате, где дети изучали Библию. Этот набросок был призван держать в страхе юных прихожан: тонкие губы дьявола растягивались в язвительной усмешке, глаза казались бездонными колодцами, на лице лежали зловещие тени. Живого Александра Кинросса отличало от рисунка только отсутствие рогов.

Здравый смысл подсказывал Элизабет, что это лишь совпадение, но она была еще слишком юна, чтобы рассуждать трезво. Отнюдь не по своей вине Александр вошел в ее жизнь, как неустраняемая помеха, и она невольно была настроена против него. Сама мысль о браке с этим человеком приводила ее в ужас. Когда это случится? Господи, только бы не сейчас!

«Но разве мне хватит духу посмотреть в эти дьявольские глаза и объявить, что я не возьму их обладателя в мужья? – спрашивала себя Элизабет. – Мэри объяснила, что меня ждет на супружеском ложе, я и сама уже поняла, что женщине «это» не в радость. Доктор Мюррей перед отъездом дал мне понять: женщина, которой нравится «это», – распутница. Плотские наслаждения Бог дарует только мужьям. А женщины – источник зла и искушения, только они виноваты в том, что мужья порой поддаются порочным страстям. Ведь это Ева обольстила Адама, Ева вступила в сговор со змеем, в которого обратился дьявол. Поэтому единственная радость женщины – ее дети. Мэри говорила, что мудрая женщина не винит мужа за то, что происходит на брачном ложе, и все равно считает его другом. Но я просто не могу представить своим другом Александра! Он страшнее доктора Мюррея».

Мисс Мактавиш объяснила Элизабет, что кринолины уже вышли из моды, но юбки по-прежнему носят пышные, необъятные, надевая под них многослойные нижние юбки. Нижние юбки Элизабет выглядели просто, даже убого – их сшили из простого небеленого холста и ничем не отделали. Только над вечерним платьем колдовала сама мисс Мактавиш, но даже оно показалось Элизабет простоватым, пока она одевалась с помощью горничной.

К счастью, коридор был освещен тускло; Александр окинул невесту быстрым взглядом и одобрительно кивнул. Он был во фраке, которые раньше Элизабет видела только на картинках в модных журналах. Черный фрак и крахмальная рубашка подчеркнули его сходство с Мефистофелем, но Элизабет взяла его под руку и послушно двинулась к ждущему лифту.

Только в вестибюле она осознала всю ограниченность шотландских городишек в целом и мисс Мактавиш в частности: при виде дам, прохаживающихся под руку с джентльменами, гордость Элизабет – ее темносинее платье из тафты показалось ей жалкой тряпкой. Руки и плечи местных светских львиц были оголены и украшены шелковыми рукавами-фонариками или пеной кружев; талии затянуты в рюмочку, юбки сильно присборены сзади, пышные турнюры с оборками переходили в волочащиеся по полу шлейфы, перчатки натянуты выше локтей, волосы собраны высоко на макушке, на полуобнаженной груди – сверкающие драгоценности.

На вошедшую в ресторан пару обратились все взгляды. Мужчины сдержанно кивали Александру, дамы кокетливо улыбались. Потом по залу поползли шепотки. Надутый офици-

ант провел пару к столику, где сидели двое – пожилой мужчина в костюме, который, как уже знала Элизабет, принято именовать смокингом, и дама лет сорока, в безупречном туалете, чуть не сплошь увешанная драгоценностями. Мужчина встал и поклонился, его спутница осталась сидеть с приклеенной к непроницаемому лицу улыбкой.

– Элизабет, это Чарлз Дьюи и его жена Констанс, – объяснил Александр, пока Элизабет садилась на придвинутый официантом стул.

– Дорогая, вы очаровательны, – заявил мистер Дьюи.

– Очаровательны, – эхом повторила миссис Дьюи.

– Завтра днем Чарлз и Констанс будут свидетелями на нашей свадьбе, – добавил Александр, раскрывая меню. – У тебя есть любимое блюдо, Элизабет?

– Нет, сэр.

– Нет, Александр, – мягко поправил он.

– Нет, Александр.

– Поскольку мне известно, к какой пище ты привыкла на родине, предлагаю поужинать скромно и просто. Хокинс, – позвал он ждущего неподалеку официанта, – камбалу в кляре, шербет и ростбиф.

Для мисс Драммонд – хорошо прожаренный, для меня – с кровью.

– Палтус в здешних водах не ловится, – пояснила миссис Дьюи. – Приходится довольствоваться камбалой. Непременно попробуйте устрицы. Уверяю вас, местные устрицы лучшие в мире.

–

– Господи, с чего Александру взбрело в голову жениться на этом ребенке? – спросила Констанс Дьюи у мужа, выйдя из лифта на пятом этаже.

Чарлз Дьюи усмехнулся и вскинул брови:

– Дорогая, ты же знаешь Александра. Он убил одним выстрелом двух зайцев. Поставил на место Руби и обзавелся молоденькой женой, которую можно воспитать по своему вкусу. И без того слишком долго он гулял на свободе. Если он в ближайшем времени не обзаведется семьей, ему будет некому передать империю.

– Бедняжка! Говорит с таким акцентом, что я не понимаю ни слова. А это кошмарное платье! Да, Александра я знаю – кстати, его тянет к пышным красоткам, а не к дурнушкам. Посмотри на Руби.

– Вижу, Констанс, вижу! Но клянусь, мой интерес чисто теоретический, – отозвался Чарлз, который поддерживал превосходные дружеские отношения с женой. – А малютка Элизабет должна быть истинным сокровищем, чтобы завладеть Александром. Думаешь, она его не полюбит? Вряд ли.

– Она его боится, – возразила Констанс.

– Так это же естественно. Здесь во всем городе не сыщешь ни единой девицы, которая вела бы такую же тихую жизнь затворницы, как Элизабет. Видимо, потому Александр и послал за ней. Он не прочь поразвлечься с Руби, но в жены такие люди берут лишь девственниц. Он убежденный пресвитерианец, хоть и называет себя атеистом. А пресвитерианская церковь ни на йоту не изменилась со времен Джона Нокса.

Они обвенчались по пресвитерианскому церковному обряду в пять часов на следующий день. Даже миссис Дьюи не нашла повода мысленно придаться к свадебному платью Элизабет – очень простому, с высоким воротником и длинными рукавами, отделанному только крошечными, обтянутыми тканью пуговицами от горловины до талии. Атлас приятно шуршал, нигде из-под подола не виднелись края ситцевых юбок, а белые туфельки подчеркивали красоту щиколоток – по мнению Чарлза Дьюи, такими могли быть только щиколотки длинных и стройных ножек.

Невеста была сдержанна, жених невозмутим; клятвы они дали твердыми голосами. Когда их объявили мужем и женой, Александр приподнял фату Элизабет и поцеловал ее. Поцелуй выглядел безобидно даже для Дьюи, но Александр ощутил дрожь Элизабет и ее робкую попытку отстраниться. Однако эта попытка прошла незамеченной, и после поздравлений на крыльце церкви новобрачные и свидетели разошлись в разные стороны: Дьюи спешили домой, в поместье Данли, а мистер и миссис Кинросс пешком направились в отель, где их ждал ужин.

На этот раз все присутствующие в ресторане встретили их аплодисментами: Элизабет все еще была в подвенечном платье. Раскрасневшись, она упорно смотрела в пол. Их столик украсили белыми цветами – хризантемами вперемешку с пушистыми маргаритками; усаживаясь на свое место, Элизабет выразила восхищение букетом, чтобы хоть что-нибудь сказать и преодолеть робость.

– Осенние цветы, – отозвался Александр. – Здесь все времена года перепутаны. Выпей шампанского. Тебе все равно придется привыкать к вину. Что бы там вам ни говорили в церкви, вино пили даже Иисус Христос и его женщины.

Простое золотое колечко жгло Элизабет палец, но не так, как второе, на том же самом пальце, с бриллиантом размером с фартинг. За обедом в день венчания, когда Александр преподнес ей это кольцо, Элизабет не знала, куда деваться от стыда; меньше всего ей хотелось смотреть на коробочку в руках Александра.

– Ты не любишь бриллианты? – спросил он.

– Люблю, люблю! – вспыхнув, поспешила заверить она. – Но разве прилично носить такие украшения? Оно же... слишком заметное.

Он нахмурился.

– Дарить бриллианты – это традиция, а бриллианты моей жены должны соответствовать ее положению в обществе, – заявил он, протянул руку над столом и сам надел кольцо Элизабет на средний палец. – Понимаю, сейчас тебе не по себе, но моя жена должна одеваться наряднее всех и иметь все самое лучшее. Всегда. Вижу, дядя Джеймс отнял у тебя почти все деньги, что я прислал, – ничего другого я и не ожидал. – Он криво усмехнулся. – У него снега зимой не выпросишь, у нашего дяди Джеймса. Но ты о нем можешь забыть раз и навсегда, – продолжал он, сжимая руку Элизабет в ладонях. – Отныне ты – миссис Кинросс.

Вероятно, выражение ее лица заставило его умолкнуть. С неожиданной неловкостью Александр вдруг вскочил.

– Сигара, – пробормотал он, направляясь к балкону. – Выкурю, пожалуй, сигару после еды.

На этом разговор и закончился; в следующий раз Элизабет увидела Александра уже в церкви.

И вот теперь она была его женой и ей предстоял ужин.

– Я не голодна, – прошептала она.

– Так я и думал. Хокинс, принесите миссис Кинросс бульону и суфле.

Остальные воспоминания об этом ужине Элизабет задвинула в самый дальний ящик памяти, чтобы больше никогда в него не заглядывать. Позднее она поняла, что растерялась, переволновалась и встревожилась только потому, что все случилось слишком быстро, под натиском чуждых ей эмоций. О приближающейся первой брачной ночи она и не думала: ее пугала перспектива вечного изгнания с нелюбимым мужем.

Событие, которое Мэри многозначительно именовала «это», или «акт», произошло в кровати Элизабет: едва она переоделась в ночную рубашку, а горничная удалилась, дверь в глубине комнаты отворилась, и в спальню вошел Александр в вышитом шелковом халате.

– А я к тебе, – с улыбкой объявил он, задувая пламя в газовых рожках.

Вот так-то лучше, гораздо лучше! Элизабет просто не могла сейчас его видеть, а в темноте надеялась мужественно пережить «это» и не опозориться.

Александр боком присел на постель, подложив под себя ногу и глядя на жену; очевидно, он видел в темноте. Но мгновенный взрыв паники Элизабет вдруг утих, а Александр держался совершенно спокойно, непринужденно и слегка лениво.

– Ты знаешь, что будет дальше? – спросил он.

– Да, Александр.

– Поначалу бывает больно, но со временем ты привыкнешь. Значит, злобный старикашка Мюррей по-прежнему священник?

– Да! – ахнула она, ужаснувшись таким словам в адрес доктора Мюррея – как будто это он походил на дьявола!

– На его совести больше людских страданий, чем на совести тысяч порядочных и честных язычников-китайцев.

Зашуршал шелк, матрас просел под тяжестью тела, взметнулось одеяло. Александр забрался в постель и привлек Элизабет к себе.

– Сегодня мы легли вместе не только для того, чтобы иметь детей. Элизабет, мы должны скрепить и освятить свой брак. Это деяние любви – да, любви. Не просто влечение плоти, а слияние духа и души. И не надо ему противиться.

Когда Элизабет обнаружила, что он наг, она постаралась отодвинуться и обхватила себя руками, а едва Александр попытался снять с нее ночную рубашку, стала отбиваться. Пожав плечами, он поднял подол рубашки и провел мозолистыми ладонями по ногам Элизабет и ее бокам, выждал какое-то время, а потом навалился на нее. От боли у нее брызнули слезы, но от ударов отцовской тростью, ушибов и порезов бывало и больнее. И на этот раз все кончилось быстро; Александр вел себя в точности так, как предсказывала Мэри, – содрогался, судорожно сглатывал, постанывал и наконец отстранился. Но к себе не ушел – пока «это» не повторилось еще дважды. Только на прощание он мазнул губами по губам Элизабет.

– Спокойной ночи, Элизабет. Прекрасное начало.

Одно утешение, сонно подумала она, в постели на дьявола он не похож. У него сладкое дыхание, от него приятно пахнет. А если «это» и впредь будет таким, как сегодня, она выживет – и, может статься, когда-нибудь будет довольна жизнью с мужем в Новом Южном Уэльсе.

Несколько дней после свадьбы Александр не отходил от молодой жены – выбирал ей горничную, возил к модисткам и галантерейщикам, чулочникам и башмачникам, покупал ей такое красивое белье, что у нее захватывало дух, дарил духи и лосьоны, веера и сумочки, подбирал к каждому туалету зонтик.

Элизабет понимала, что Александр считает себя щедрым и заботливым, однако он сам принимал все решения: которую из двух понравившихся горничных нанять, какие цвета выбрать, какие духи, каким драгоценностям отдать предпочтение. Слова «диктатор» она не знала, поэтому мысленно называла мужа деспотом. Впрочем, отец и доктор Мюррей тоже были деспотами. А деспотизм Александра скрывался в бархатных ножках комплиментов.

За завтраком после на редкость сносной первой брачной ночи Элизабет решила разузнать о прошлом своего мужа.

– Александр, я знаю о вас только одно: что вы покинули Кинросс в пятнадцать лет, были подручным кочегара в Глазго, что доктор Макгрегор очень высокого мнения о вашем уме и что вы разбогатели на золотых приисках Нового Южного Уэльса. А мне хотелось бы знать больше. Пожалуйста, расскажите о себе, – попросила она.

Его смех зазвучал почти дружески.

– Надо было сразу догадаться, что все будут держать рты на замке, – поблескивая глазами, отозвался он. – Ручаюсь, тебе никто и словом не обмолвился, что я отдубасил старого пня Мюррея?

– Нет!

– Так и было. Сломал ему челюсть. Редкое удовольствие. В ту пору он как раз отобрал приход у Роберта Макгрегора – образованного, воспитанного, культурного человека. Вот и пришлось убраться из Кинросса: я просто не мог жить в мещанском городишке, где заправляют Джон Мюррей и ему подобные.

– Особенно после того, как вы сломали ему челюсть, – вставила Элизабет, испытав тайное, преступное удовлетворение. Согласиться с мнением Александра о священнике она никак не могла, но прекрасно помнила, сколько раз он доводил ее до слез и стыдил ни за что.

– А больше и рассказывать нечего. – Он пожал плечами. – Пожил в Глазго, уплыл в Америку, перебрался из Калифорнии в Сидней и на самом деле сколотил состояние на золотых приисках.

– А мы будем жить в Сиднее?

– Нет, вряд ли, Элизабет. У меня свой город, Кинросс, где ты поселишься в новом доме, который я построил для тебя на горе Кинросс, подальше от «Апокалипсиса», моего рудника.

– «Апокалипсис»? Что это значит?

– По-гречески так называется страшное горе, катастрофа, такая, как конец света. А как еще назвать золотой рудник, где вгрызаются в земные недра и отнимают у них богатства?

– Ваш город далеко от Сиднея?

– Не на другом краю Австралии, но далековато. Железка... то есть железная дорога, проходит в ста милях от Кинросса. Оттуда доберемся в экипаже.

– А в Кинроссе есть церковь?

Он вскинул подбородок, от чего борода заострилась.

– Англиканская, Элизабет. В моем городе пресвитерианских приходов нет. А тем более католиков или анабаптистов.

Внезапно во рту у Элизабет пересохло, она сглотнула.

– Почему вы так странно одеваетесь? – спросила она, чтобы отвлечь Александра от болезненной темы.

– Этот наряд уже стал притчей во языцех. Меня в нем принимают за американца – американцы тучами слетаются в Австралию с тех пор, как здесь нашли золото. Но на самом деле я ношу эту одежду потому, что она мягкая, прочная и удобная. Ей нет сносу, а стирать ее легко, как ткань, – это же не кожа, а замша. А еще в ней прохладно. Выглядит по-американски, но для меня ее сшили в Персии.

– Вы и там побывали?

– Я был везде, куда ступала нога моего знаменитого тезки, – и даже в тех местах, о каких он и не мечтал.

– Что за знаменитый тезка? Кто он?

– Александр... Македонский, – добавил он, заметив, что она ничего не поняла. – Правитель не только Македонии, но и всего мира, населенного в те времена. Он жил более двух тысяч лет назад. – Внезапно он сообразил, в чем дело, и придвинулся ближе: – Элизабет, а ты умеешь читать и считать? Можешь написать свое имя?

– Я хорошо читаю, – слегка обиделась она, – но книг по истории мне никто не давал. А писать я училась, но недолго – отец не держит в доме бумаги.

– Я куплю тебе учебники и тетради, чтобы ты училась выражать мысли на бумаге – самой лучшей бумаге. Куплю перья, чернила, а если захочешь, краски и альбомы. Почти все дамы балуются акварелью.

– Меня воспитывали иначе, – произнесла Элизабет с достоинством, на какое только была способна.

У него снова заблестели глаза.

– Ты умеешь вышивать?

– Шить – да, но не вышивать.

Остаток дня она гадала, как Александру удалось так ловко перевести разговор с себя на нее.

– Пожалуй, рано или поздно я привыкну к мужу, – призналась Элизабет миссис Августе Холлидей в конце второй недели пребывания в Сиднее, – но вряд ли когда-нибудь полюблю его.

– Пока еще рано судить, – успокоила миссис Холлидей, не сводя пронизательных глаз с лица Элизабет. В ней произошла большая перемена: детское выражение исчезло. Пышные волосы были уложены в модную прическу, дневное платье из темно-красного шелка чинно шуршало, перчатки были из мягкой лайки, шляпка – мечта. Тому, кто создавал этот облик, хватило ума не прикасаться к лицу: эта юная женщина не нуждалась в косметике, и даже сиднейское солнце не могло испортить чудесную белизну ее кожи розоватым или бежевым заггаром. Элизабет носила великолепное жемчужное ожерелье и такие же сережки, а когда сняла перчатку с левой руки, миссис Холлидей вытаращила глаза.

– Боже мой! – ахнула она.

– А, вы про кольцо, – вздохнула Элизабет. – Терпеть его не могу. Видите, из-за него приходится даже носить перчатки. А еще Александр настоял, чтобы средний палец перчатки на правую руку сделали пошире – боюсь, меня ждет еще одно кольцо с таким же громадным камнем.

– Да вы святая, – сухо заметила миссис Холлидей. – Не знаю ни одной женщины, которая не обмирала бы по камушкам вполтину меньше вашего.

– Мне больше нравится вот этот жемчуг, миссис Холлидей.

– Еще бы! Такого нет и у королевы Виктории.

Но после того как Элизабет укатила в мягкой рессорной коляске, запряженной четверкой лошадей одинаковой масти, Августа Холлидей позволила себе всплакнуть. Бедное дитя! Задыхается, как рыбка, вытасенная из воды. Ее со всех сторон окружает роскошь, она вынуждена существовать в мире богатства, хотя по натуре вовсе не алчна и не тщеславна. Останься она в своем шотландском захолустье, так и ухаживала бы за отцом, пока не стала бы старой девой. И была бы если не счастлива, то довольна своей жизнью. Хорошо еще, что Александр Кинросс ей нравится – не бог весть что, конечно. Втайне миссис Холлидей соглашалась с Элизабет: она тоже сомневалась, что новоявленная австралийка когда-нибудь полюбит мужа. Слишком уж велика разделявшая их пропасть, слишком разные они люди. Даже не верилось, что они состоят в родстве.

К тому времени, как Элизабет навестила ее в собственном выезде, миссис Холлидей успела разузнать об Александре Кинроссе все, что смогла. Богатейший из колонистов, он вначале искал золотую жилу и был готов ради единственной крупинки свернуть горы, а потом напал на золотоносный пласт. Правительство давно было у него в одном кармане, правосудие – в другом, поэтому в отличие от других золотоискателей, вечно с боем отстаивающих право на свои участки, Александр Кинросс мог беспрепятственно разрабатывать рудник. Но если в Сиднее он имел доступ в высший свет, по-настоящему светским человеком он не был. С людьми, достойными внимания, он предпочитал встречаться в кабинетах, а не за обеденным столом; порой он принимал приглашения к губернатору или в Кловелли неподалеку от Уотсон-Бей, но ради развлечения по балам и суаре никогда не разъезжал. Общество пришло к выводу, что он стремится к власти, а к мнению окружающих равнодушен.

Элизабет вскоре выяснила, что Чарлз Дьюи – один из владельцев рудника «Апокалипсис» и младший партнер ее мужа.

– Он местный скваттер. Поначалу владел двумястами квадратными милями земли, а потом занялся добычей золота, – объяснил Александр.

– Скваттер?

– Так называют тех, кто сначала самовольно поселился на землях, принадлежащих короне, и только потом получил их в аренду: ведь занимать землю – почти то же, что владеть ею. Но потом указом парламента это право отменили. В утешение я предложил ему пай «Апокалипсиса» и до сих пор этому рад.

Наконец они покинули Сидней – к радости миссис Кинросс, которой теперь принадлежало не два сундука, а дюжина. Зато горничной у нее не было. Расспросив жителей Сиднея о городке Кинросс и его окрестностях, мисс Томас тем же утром взяла расчет. Ее бегство не огорчило Элизабет, которая предпочитала заботиться о себе сама.

– Не беда, – отреагировал Александр на известие. – Попрошу Руби подыскать тебе роторопную китаяночку. Только не надо говорить, что камеристка тебе ни к чему! Ты уже две недели носишь модную прическу и прекрасно понимаешь: чтобы так уложить волосы, нужна лишняя пара рук, помимо твоих собственных.

– Руби? Это ваша экономка? – спросила Элизабет, впервые осознав, что ей придется стать хозяйкой дома, где полно слуг.

Этот вопрос до слез рассмешил Александра.

– О нет, – выговорил он, когда смог. – Руби – это явление. Отозваться о ней иначе значит принизить ее. Руби – мастерица язвительных шпилек и едких замечаний. Она Клеопатра, а также Аспазия, Медуза, Жозефина и Екатерина Медичи.

Вот как? Но Элизабет не удалось продолжить расспросы: карета подъехала к железнодорожной станции Редферн – унылой, застроенной какими-то сараями, с переплетением рельсов на земле.

– Платформы здесь – большая редкость: в городе давным-давно поговаривают о строительстве большого вокзала на Джордж-стрит. Но дальше разговоров дело не идет, – пояснил Александр, помогая жене выйти из экипажа.

Тошнота после переправы через залив оставила у Элизабет пренеприятные впечатления от посадки на лондонский поезд в Эдинбурге, но сегодня она смотрела на поезд до Боуэнфелса с трепетом и изумлением. Паровоз на выстроенных в ряд маленьких и громадных колесах, из которых последние были соединены стержнями, отдувался и пыхтел, как гигантский злой пес, пуская струйки дыма из высокой трубы. К этой адской машине был прицеплен железный тендер, полный угля, а сзади к нему – восемь вагонов: шесть второго класса и два – первого, со служебным помещением, или камбузом (словечко Александра), где разместились громоздкий багаж, грузы и кондуктор.

– Вагоны в хвосте состава трясет сильнее, чем в начале, но я не могу отказать себе в удовольствии смотреть в окно и следить за работой локомотива, – объяснил Александр, вводя жену в помещение, похожее на отделанную бархатом уютную гостиную. – Поэтому один вагон первого класса цепляют к составу последним. Это личный вагон губернатора, но он охотно одалживает его мне, когда сам в нем не нуждается, – конечно, не даром.

Ровно в семь боуэнфелсский поезд отошел от станции; Элизабет надолго приклеилась к окну. Да, Сидней оказался огромным: поезд тащился по нему добрых четверть часа, а потом резко набрал скорость, лязгая всеми деталями, и понесся во весь опор. Изредка за окном мелькали платформы мелких городков и поселков – Стрэтфилда, Роуз-Хилла, Парраматты.

– Мы быстро едем? – спросила Элизабет, наслаждаясь ощущением скорости и плавным покачиванием.

– Со скоростью пятьдесят миль в час, а когда разогреется котел – то и все шестьдесят. Это пассажирский поезд, он ходит раз в неделю до самого Боуэнфелса. По сравнению с товарными он совсем легкий. Но когда дорога пойдет в гору, скорость снизится до восемнадцати-двадцати миль в час, а кое-где будет еще меньше, так что в поезде мы проведем все девять часов.

– А что возят товарные поезда?

– В Сидней они везут пшеницу и муку, керосин со сланцевых месторождений в Хартли. А в Боуэнфелс – строительные материалы, товары для местных лавок, снаряжение для горняков, мебель, газеты, книги, журналы. Породистый крупный скот, лошадей и овец. И даже людей, которые спешат на запад в поисках работы, – с них почти не берут денег за проезд. Но эти поезда никогда не возят динамит, – многозначительно заключил он.

– Динамит?

Александр перевел взгляд с воодушевленного лица Элизабет на десяток больших деревянных ящиков, высящихся штабелем от пола до потолка в углу вагона. Каждый ящик был помечен черепом со скрещенными костями.

– Динамитом взрывают горные породы, – объяснил он. – Я не спускаю с него глаз – потому что это полезное и страшное изобретение, и ценится оно на вес золота. Этот груз мне доставили через Лондон из Швеции, он плыл вместе с тобой на «Авроре». Взрывное дело, – незаметно для себя он увлекся, – рискованное, непредсказуемое занятие. При взрывных работах применяется черный порох – иначе говоря, ружейный. Трудно предугадать, как именно порох раздробит скалу, куда будет направлена взрывная сила. Я-то знаю, я поработал подрывником на десятке рудников. Но недавно одному шведу пришла в голову блестящая мысль: обычным нитроглицерином, который сам по себе легко взрывается, можно с успехом заменить порох. Этот швед смешал нитроглицерин с глинистым веществом кизельгуром, а потом набил смесью бумажные гильзы, по форме напоминающие свечи с ровными торцами. Без забитого в торец капсюля с гремучей ртутью они не взрываются. Подрывник прикрепляет к детонатору запальный шнур, поджигает его, и взрыв получается менее опасным и более предсказуемым. А если под рукой есть динамо-машина, взрыв можно вызвать, пропустив по длинному проводу электрический ток. Этим я вскоре и займусь.

Выражение лица Элизабет рассмешило его: сегодня утром она уже дала ему немало поводов для смеха.

– Элизабет, ты поняла хоть слово?

– Даже несколько, – с улыбкой ответила она.

У него перехватило дыхание.

– Впервые вижу твою улыбку.

Элизабет зарумянилась и отвернулась.

– Схожу поговорю с машинистами, – бросил Александр и скрылся за дверью.

Он вернулся, когда поезд катился по мосту через широкую реку, а впереди виднелась гряда высоких холмов.

– Это что-то вроде местной реки забвения, – объяснил он, – пора открывать окна. Сейчас поезду предстоит взбираться по такому крутому склону, что дорога изовьется зигзагом. Преодолев всего милю по прямой, мы поднимемся на тысячу футов – по одному на каждые тридцать футов горизонтального передвижения.

Хотя поезд сбавил ход, в открытое окно залетала копоть и оседала повсюду, безнадежно портя одежду. Но когда состав изогнулся дугой, Элизабет не могла оторвать взгляд от локомотива, из трубы которого клубами валил черный дым, а штанги на больших колесах приводили их в движение. Порой колеса скользили по рельсам, отрывисто постукивали, теряя сцепление, а после первого трудного подъема состав вдруг покатился последними вагонами вперед, подталкиваемый сзади паровозом.

– Еще несколько таких зигзагов, и локомотив опять окажется впереди, – объяснил Александр. – Этот серпантин на редкость удачная идея, которая позволила правительству проложить железную дорогу через Голубые горы, хотя они вовсе и не горы. Мы едем по так называемому пересеченному плато. Переедем через него и спустимся с другой стороны тем же способом – зигзагом. Будь мы в горах, рельсы провели бы по долинам, а сквозь водораздельный хребет проделали бы тоннель. Так мы еще несколько десятилетий назад имели бы сообщение с плодородными землями запада. В Новом Южном Уэльсе, как и в других австралийских колониях, мало что растет. Людям, которые наконец покорили Голубые горы, пришлось отказаться от методов строительства дорог, принятых в Европе.

«Кажется, я нашла один ключ к характеру мужа, – думала Элизабет, – если не к его душе. Его завораживают механика, двигатели и другие изобретения, и о них он готов разглагольствовать часами, не заботясь о том, понимают ли его слушатели».

За окном расстился диковинный пейзаж. Глубокие расщелины сбегали вниз на сотни футов к бескрайним долинам, покрытым густыми сизовато-зелеными лесами, которые вдали казались голубыми. Ни сосен, ни буков, ни дубов и других привычных деревьев Элизабет здесь не увидела, но незнакомые растения поражали причудливой красотой. Природа здесь величественнее, чем дома, думала она, а расстояния немыслимы. Единственными признаками населенности, которые заметила Элизабет, были несколько крошечных деревушек у железной дороги; дома в них теснились вокруг постоянного двора или большой усадьбы.

– Здесь могут жить лишь аборигены, – объяснил Александр, когда из окна открылась особенно живописная панорама обширного каньона, окаймленного отвесными оранжевыми скалами. – Скоро мы проедем мимо Дробилок – так называют местные каменоломни – и доберемся до дна долины, где обнаружены богатые залежи угля. Поговаривают, что кто-то решил разрабатывать это месторождение, но, по-моему, слишком уж дорого обойдется уголь, который придется везти вверх на тысячу футов. Впрочем, доставлять его в Сидней на кораблях не так разорительно, как уголь из Литгоу: подъем по зигзагу Кларенса чересчур тяжел.

Внезапно он эффектным взмахом руки охватил целый мир.

– Смотри, Элизабет! Перед тобой геологическое прошлое Земли во всей красе. Эти скалы – раннетриасовый песчаник поверх пермских угольных отложений, под которыми лежат граниты, сланцы и известняки девонского и силурийского периодов. А на севере самый верхний слой горных пород составляет базальт, изверженный каким-то гигантским вулканом – третичную глазурь на триасовом пироге съела эрозия. Изумительно!

«Боже мой, сколько в нем увлеченности! Но разве я смогу ужиться с ним, если не знаю и малой толики того, что известно ему? Мой удел – невежество», – сказала себе Элизабет.

В четыре часа дня поезд прибыл в Боуэнфелс – самую западную станцию железной дороги, расположенную в сорока пяти милях от довольно большого города Батерста. После долгожданного посещения станционной уборной Элизабет уселась в экипаж вместе с нетерпеливо ерзающим Александром.

– В Батерсте мне надо быть уже сегодня, – объяснил он.

К восьми часам они добрались до отеля в Батерсте. Элизабет шатало от усталости, но следующим утром на рассвете Александр снова усадил ее в экипаж и велел возницам трогаться. Еще один день этого нескончаемого путешествия! Карета, где сидела Элизабет, ехала первой, рядом Александр скакал верхом на кобыле, следом битюги тащили шесть фургонов с багажом Элизабет, с грузом со станции Райдал и драгоценными ящиками динамита. А конвой, как объяснил Александр, нужен, чтобы отпугивать бушрейнджеров.

– Кого? – пришлось переспросить Элизабет.

– Разбойников. Их осталось немного – с недавних пор их безжалостно истребляют. А раньше здесь властвовал знаменитый бушрейнджер Бен Холл. Теперь и его, и многих его сообщников уже нет в живых.

Остроконечные скалы уступили место горам более привычной формы, похожим на шотландские, но почти безлесным; только вереск здесь не рос, а осенняя трава была увядшей, пожухлой, буровато-серебристой. Ухабистая дорога с глубокими колеями петляла вокруг валунов, пересекала русла высохших рек и глубокие канавы. Изнемогая от тряски, Элизабет молилась о том, чтобы как можно скорее прибыть в неведомый Кинросс.

Но лишь незадолго до заката дорога вывела кавалькаду из леса на открытую равнину, к усыпанному щебнем большаку, вдоль которого выстроились шаткие хибарки и палатки. Все, что видела Элизабет до сих пор, казалось ей странным, но прежние впечатления бледнели перед панорамой Кинросса, который почему-то представлялся ей точной копией шотландского тезки. Однако между ними не оказалось ничего общего. Среди лачуг и палаток попадались строения покрепче – бревенчатые домишки и мазанки, крытые то рифленным железом, то чем-то похожим на листы высушенной и сшитой древесной коры. Эти жилища подступали вплотную к дороге, боковые улочки вводили в трущобы из дощатых вышек, сараев, загонов – беспорядочный лабиринт, о назначении которого Элизабет понятия не имела. Какое здесь все было уродливое, страшное!

Ближе к центру города по обе стороны улицы выстроились особняки и лавки, щеголяющие пестрыми маркизами на деревянных шестах. Среди них не попадалось даже двух одинаковых маркиз; их вывешивали, ничуть не заботясь о симметрии, порядке и красоте. Грубо намалеванные вывески извещали, где находятся прачечная, пансион, ресторан, бар, табачная лавка, мастерская сапожника, парикмахерская, универсальный магазин, приемная врача и скобяная лавка.

Единственными зданиями из красного кирпича оказались недавно достроенная церковь и двухэтажный дом с верхней верандой, щедро отделанной тем же чугунным кружевом, которое Элизабет приметилла еще в Сиднее. Навес над входом был железным, на таких же столбах, тоже украшенным чугунными завитушками. Элегантная вывеска сообщала, что богато отделанный дом – не что иное, как отель «Кинросс».

Во всем городе не было ни единого деревца. Заходящее солнце ярко освещало улицу и играло в волосах какой-то женщины возле отеля, превращая их в пылающий костер. Вниманию Элизабет привлекли раскованная поза незнакомки и дух неукротимости, который она излучала. Вывернув шею, Элизабет разглядывала ее, пока отель не остался далеко позади. Удивительная фигура. Словно Британия на монетах или Боадия на картинках. Женщина насмешливо отсалютовала рукой Александру, скачущему верхом, а потом демонстративно отвернулась от кортежа. Только тут Элизабет заметила, что незнакомка курит сигару, пуская дым через ноздри, как дракон.

На улицах было многолюдно: мужчины в неряшливых рабочих штанах и фланелевых рубашках, в мягких широкополых шляпах; женщины в застиранных ситцевых платьях по моде тридцатилетней давности и соломенных шляпках. И множество китайцев, которых ни с кем не спутаешь: длинные косицы на спинах, странные черно-белые башмаки, конические шляпы, похожие на старинные колеса. Все китайцы, и мужчины, и женщины, одевались одинаково – в черные или темно-синие штаны и куртки.

Кавалькада миновала какие-то гигантские механизмы, дымящие трубы, сараи из ржавого железа и исполинские краны и остановилась у подножия скалы, которая вздымалась почти вертикально вверх на тысячу футов. По склону вдаль уходили рельсы, теряясь среди деревьев.

– Вот мы и дома, Элизабет, – объявил Александр, помогая ей выйти из экипажа. – Сейчас Саммерс пришлет вагон.

По рельсам неторопливо скатилась деревянная машина, чем-то похожая на открытый омнибус на вагонных колесах, с четырьмя рядами простых дощатых скамей, где разместилось бы шесть человек, и длинной, предназначенной для груза платформой с высокими бортами. Но сиденья скамей были повернуты под немыслимым углом, так что пассажиры почти лежали на спинках. Александр сел рядом с Элизабет, закрепил поверх колен особый брус и крепко взялся за поручни.

– Держись и не бойся, – велел он. – С тобой ничего не случится.

Воздух задрожал от звуков: пыхтения двигателей, сводящего с ума непрерывного рева, металлического скрежета, хлопков вращающихся ремней, скрипа, лязга, воя и грохота. Сверху доносился шум парового двигателя. Вагон подкатился по рельсам к месту, где начинался подъем, закричал и начал подниматься по невероятно крутому склону. Как по волшебству, Элизабет вдруг обнаружила, что не лежит, а сидит прямо; ее сердце было готово выскочить из груди. Повернув голову, она засмотрелась на расстилающийся перед ней Кинросс, неприглядные окраины которого уже затопили вечерние тени.

– Я не хотел, чтобы моя жена жила там, внизу, – объяснил Александр, – потому и построил дом на вершине горы. Добраться туда можно или извилистой тропой, или в этом вагоне. Поверни голову. Видишь? Двигатель тянет вагон вверх на прочном тросе.

– Но почему вагон такой огромный? – спросила Элизабет.

– Он служит и рудокопам. Копры «Апокалипсиса», краны с блоками, находятся на широкой террасе, мимо которой мы только что проехали. Рудокопам удобнее пользоваться ближайшим тоннелем, по которому к локомотивам подвозят вагонетки с рудой. В клетях рабочие спускаются в главный штрек, а в конце смены поднимаются обратно.

Под деревьями было прохладно – вероятно, из-за высоты и тенистых крон.

– Кинросс-Хаус стоит на высоте три тысячи футов над уровнем моря, – опять прочитав ее мысли, пояснил Александр. – Летом у нас на вершине царит приятная прохлада, а зимой там теплее, чем на равнине.

Наконец вагон выехал на плоскую площадку, так что пассажиры опять оказались в полужающем положении, и остановился. Элизабет выбралась из вагона без помощи Александра и удивилась тому, как стремительно ночь пала на Новый Южный Уэльс. Здесь и в помине не было долгих шотландских сумерек, таинственных часов мягкого полусвета.

Площадку, на которой остановился вагон, окружала живая изгородь; обойдя вокруг нее, Элизабет замерла. На этой неприступной вершине ее муж построил настоящий дворец – из какого-то светлого камня, напоминающего известняк. Целых три этажа, широкие георгианские окна, веранда с колоннами, изогнутая лестница, ведущая к ней. Казалось, дом высится здесь уже лет пятьсот. Перед крыльцом расстилалась лужайка. Кто-то приложил немало стараний, чтобы создать на горе настоящий английский парк с подстриженными буксовыми изгородями, клумбами роз и даже стилизованными руинами греческого храма.

Дверь дома была распахнута, во всех окнах горел свет.

– Добро пожаловать домой, Элизабет. – Александр за руку повел ее по ступеням к двери.

Шотландская расчетливость подсказала Элизабет, что каждая вещь здесь придиричиво выбрана и доставлена за баснословную цену. Ковры, мебель, люстры, статуэтки, картины, драпировки – все до последних мелочей, как и строительные материалы для дома. Только легчайший запах керосина свидетельствовал о том, что дом стоит неподалеку от освещенного газом города.

Выяснилось, что вездесущий Саммерс – секретарь Александра, а его жена – экономка; очевидно, последнее обстоятельство полностью устраивало Александра.

– Прошу прощения, мэм, не хотите ли освежиться с дороги? – осведомилась миссис Саммерс и повела Элизабет в прекрасно оборудованную уборную.

Еще никогда в жизни Элизабет никому не была так благодарна, как экономке за это приглашение: подобно всем воспитанным женщинам той эпохи, ей порой часами приходилось ждать возможности опорожнить мочевой пузырь, поэтому в пути она не осмеливалась сделать ни единого лишнего глотка воды. Жажда приводила к обезвоживанию, моча застаивалась в мочевом пузыре, в почках образовывались камни; женщины часто умирали от водянки.

После нескольких чашек чаю с сэндвичами и восхитительным маковым кексом Элизабет улеглась в постель – настолько усталая, что даже не заметила, как выглядит ее спальня.

– Элизабет, если комнаты тебе не по душе, непременно скажи, что тебя не устраивает, – попросил Александр за завтраком в самой чудесной столовой, какую когда-либо видела Элизабет. Окна и крышу комнаты заменяли гигантские листы стекла в тонких рамах из белой стали; столовая больше напоминала джунгли – столько в ней было высоких пальм и раскидистых папоротников в кадках.

– Мои комнаты мне очень нравятся, а эта столовая – еще больше.

– Это зимний сад. В холодном климате в таких помещениях зимой оберегают от мороза тропические растения.

Александр вновь облачился в «кожанку», как мысленно назвала Элизабет его одежду; шляпу он положил на свободный стул.

– Вы куда-то собрались?

– Я же дома. Здесь мы будем видеться разве что по вечерам. Миссис Саммерс покажет тебе дом. Подумай и скажи, что бы ты хотела в нем переделать по своему вкусу. Этот дом скорее твой, чем мой, – в отличие от меня ты почти всегда будешь дома. Ты, кажется, не играешь на пианино?

– Нет. Мы не могли позволить себе иметь инструмент.

– Значит, я найму тебе учителя. Музыка – моя страсть, ты должна научиться хорошо играть. Ты поешь?

– Могу напеть мелодию.

– Пока я ищу учителя музыки, тебе придется коротать время за чтением и упражняться в письме. – Он наклонился, небрежно скользнул губами по ее щеке, нахлобучил шляпу и удалился, громко призывая свою верную тень – Саммерса.

Миссис Саммерс предложила «мэм» показать дом. Элизабет не ожидала от этого осмотра никаких сюрпризов; как она и предвидела, каждая комната была отделана роскошно, в стиле сиднейского отеля, о нем напоминала даже грандиозная лестница. В просторной гостиной, помимо рояля, стояла арфа.

– Настройщика привезли из самого Сиднея, как только рояль поставили на место. Ох уж этот мне рояль! Его не позволяют подвинуть даже на волосок, чтобы протереть под ножками, – проворчала миссис Саммерс.

Библиотека явно была любимым уголком Александра: в отличие от других комнат она имела обжитой вид. Между книжными шкафами из темного дуба стояли мягкие кресла, обитые темно-зеленой кожей; в убранстве преобладала шотландка цветов Мюрреев – обои на стенах, портьеры, ковер. Но почему Мюрреев? Почему не Драммондов? Элизабет считала шотландку Драммондов очень красивой: на ярко-красные квадраты ее делили многочисленные зеленые и темно-синие линии. А Мюрреи испокон веков носили тускло-зеленый тартан, разделенный на клетки тонкими красными и темно-синими линиями. Ее муж питает несомненное пристрастие к почти вызывающей роскоши, так почему он отдал предпочтение приглушенным цветам Мюрреев?

– Пятнадцать тысяч томов, – благоговейно объявила миссис Саммерс. – У мистера Кинросса найдется любая книга, какая только есть на свете. – Она фыркнула. – Кроме Библии. Говорит, что все это враки. Нечестивец, безбожник! Но мистер Саммерс служит у него с тех

пор, как они оба плавали на каком-то корабле, и потому и слышать не желает о расчете. Да и я привыкла быть здесь экономкой. Дом достроили месяца два назад. А раньше я вела хозяйство у мистера Саммерса.

– У вас с мистером Саммерсом есть дети? – спросила Элизабет.

– Нет, – коротко отозвалась миссис Саммерс. Она выпрямилась и оправила безукоризненно чистый накрахмаленный белый передник. – Надеюсь, мэм, вы будете мной довольны.

– Ну разумеется, – тепло подхватила Элизабет и широко улыбнулась. – Если раньше вы вели хозяйство у мистера Саммерса, где же жил мистер Кинросс, пока строился его дом?

Миссис Саммерс заморгала, неловко переминаясь на месте.

– В отеле «Кинросс», мэм. Весьма комфортабельное заведение.

– Значит, отель принадлежит ему?

На этот вопрос миссис Саммерс ответила кратким «нет» и, как Элизабет ни допытывалась, наотрез отказалась от дальнейших объяснений.

Побывав в кухне, кладовой, винном погребе и прачечной, хозяйка Кинросс-Хауса обнаружила, что все остальные слуги в доме – китайцы. Они кивали, улыбались и кланялись ей.

– Мужчины? – ужаснулась она. – Значит, они будут убирать у меня в комнатах, стирать и гладить одежду? Тогда за своим нижним бельем я буду следить сама.

– Напрасно вы делаете из мухи слона, мэм, – невозмутимо заявила миссис Саммерс. – Эти язычники с младых ногтей зарабатывают себе на хлеб стиркой. Мистер Кинросс говорит, что они отлично стирают потому, что привыкли иметь дело с шелком. А то, что они мужчины... ну и что! Ведь не белые же! Просто язычники-китайцы.

* * *

Вскоре после ленча прибыла горничная Элизабет – китайка, показавшаяся ее хозяйке изумительной красавицей. Хрупкая, гибкая, с губами, похожими на бутон цветка. Прежде Элизабет никогда не видела китайцев, но что-то ей подсказывало, что в жилах новой знакомой течет не только азиатская, но и европейская кровь. Ее миндалевидные глаза были большими, широко открытыми, с тонкими веками. Девушка носила черные шелковые шаровары и куртку, а густые и прямые иссиня-черные волосы заплетала в традиционную косу.

– Буду очень рада служить вам, мэм. Меня зовут Яшма, – произнесла девушка, молитвенно сложив ладони у груди и робко улыбаясь.

– А ты чисто говоришь по-английски, – заметила Элизабет, которая за последние месяцы наслушалась самых разных выговоров, – не подозревая, что ее собственный шотландский акцент многие слушатели вообще не понимают. Яшма говорила, как выходцы из колоний: на смеси кокни из Восточного Лондона с североанглийским, ирландским и местным, австралийским, акцентом.

– Мой отец покинул Китай двадцать три года назад и встретился с мамой – она у меня ирландка. А я родилась на золотых приисках Балларата, мэм. С тех пор мы кочевали по рудникам, пока папа не влюбился в мисс Руби и не решил, что хватит с него странствий. Мама сбежала с солдатом викторианской армии, когда родилась Пиони. Папа говорит, что рыбак рыбака видит издалека. А я думаю, она устала рожать девочек. Нас в семье семь.

Элизабет мучительно пыталась придумать что-нибудь утешительное.

– Обещаю тебе, Яшма: я буду не слишком строгой хозяйкой.

– О, мисс Лиззи, хотите быть строгой – пожалуйста, – жизнерадостно отозвалась Яшма. – Я служила у мисс Руби, а суровее ее на свете никого нет.

Значит, эта Руби еще и сурова.

– А кто теперь ей прислуживает?

– Моя сестра Жемчужина. А если она надоест мисс Руби, ее место займут Жасмин, Пиони, Шелковый Цветок и Бутон Персика.

Расспросив миссис Саммерс, Элизабет узнала, что Яшму решено поселить в сарае на заднем дворе.

– Так не годится, – заявила Элизабет, удивившись собственной смелости. – Яшма – юная красавица, она нуждается в защите. Пусть живет в комнате для гувернантки, тем более что гувернантка мне пока не понадобится. А все эти китайцы тоже живут в сарае?

– Нет, в городе, – сухо отозвалась миссис Саммерс.

– И ездят из города в вагоне?

– Нет, мэм, что вы! Ходят пешком по тропе.

– А мистер Кинросс знает о том, что вы себе позволяете, миссис Саммерс?

– Это его не касается – экономка в доме я! Это же китаезы, нехристи, они отнимают работу у белых!

Элизабет усмехнулась:

– Никогда не встречала белого, который согласился бы пачкать руки о чужое белье, чтобы заработать себе на хлеб. Даже нищий на такое не пойдет. У вас колониальный выговор – стало быть, вы родились и выросли в Новом Южном Уэльсе. Предупреждаю вас, миссис Саммерс: в этом доме я не потерплю расовых предрассудков.

– ...И нажаловалась на меня мистеру Кинроссу! – гневно выговаривала миссис Саммерс мужу. – Как будто я невеста что натворила! И теперь Яшма живет в комнате гувернантки, а эти узкоглазые ездят на гору в вагоне! Позор!

– Как ты все-таки глупа, Мэгги, – отозвался Саммерс.

Миссис Саммерс фыркнула.

– Все вы шайка безбожников, а мистер Кинросс хуже всех! Путается с этой развратницей, да еще женился на девчонке, которая ему в дочери годится!

– Закрой рот, жена! – рявкнул Саммерс.

Поначалу Элизабет было трудно найти, чем заполнить время; после недавнего разговора с миссис Саммерс у нее развилась стойкая неприязнь к экономке и стремление всеми силами избегать ее.

Библиотека с пятнадцатью тысячами томов тоже не приносила ей утешения: здесь преобладали книги, содержание которых ничуть не увлекало Элизабет, – по геологии, металлургии, добыче золота, серебра, железа. Отдельно на полке стояли переплетенные в кожу отчеты различных комиссий, своды законов Нового Южного Уэльса, а также многотомный труд под названием «Свод английских законов Холсбери». И ни единого романа. А сочинения Александра Македонского, Юлия Цезаря и других легендарных мужей, о которых время от времени упоминал Александр, были написаны на греческом языке, латыни, итальянском и французском – каким образованным оказался ее муж! Но Элизабет удалось найти простые пересказы древних мифов, «Упадок и разрушение Римской империи» Гиббона и полное собрание сочинений Шекспира. Мифы она проглотила с удовольствием, остальное читалось с трудом.

Александр посоветовал жене повременить с посещениями церкви Святого Андрея (красной кирпичной англиканской церкви со шпилем), пока она не обживется на новом месте, и, похоже, считал, что в Кинроссе нет ни единого обитателя, достойного общения с Элизабет. Она уже начинала подозревать, что муж вознамерился изолировать ее от простых горожан и что ей суждено всю жизнь сидеть взаперти на горе. Как будто Александр стыдится ее.

Но прогулки он ей не запрещал, и Элизабет пристрастилась к ним – сначала бродила по прекрасному парку, а потом и по его окрестностям. Она нашла извилистую тропу, ведущую вниз с горы, и дошла до террасы, где высились копры шахты, но украдкой понаблюдать за их

работой было неоткуда. Тогда Элизабет начала изучать лес на склонах горы и попала в зачарованный мир кружевных папоротников, заросших мхом лощин, гигантских деревьев с золотистыми, розовыми, кремовыми, голубовато-белыми стволами, с корой разнообразных оттенков коричневого цвета. Сказочные птицы порхали среди деревьев стайками, попугаи всех цветов радуги сидели на ветках, какая-то неуловимая птичка издавала нежные звуки, напоминающие перезвон волшебных колокольчиков, другие пели мелодичнее соловья. Затаив дыхание, Элизабет наблюдала, как скачут с камня на камень крошечные кенгуру, напоминая ожившие картинки из книжки.

В конце концов она забрела так далеко, что услышала шум бурлящей воды, и вышла к чистому стремительному потоку, сбегающему с крутого склона в лес, к железным джунглям Кинросса. Контраст был поразителен: с раем, раскинувшимся на вершине горы, соседствовали у ее подножия безобразные трущобы, кучи мусора и отбросов, канавы, ямы, ветхие лачуги. И река внизу становилась грязной.

– Это водопад, – слышался голос Александра.

Элизабет ахнула и обернулась.

– Как вы меня напугали!

– Змея напугала бы еще сильнее. Будь осторожна, Элизабет. Здесь повсюду змеи, яд некоторых убивает мгновенно.

– Да, я знаю. Яшма предупредила меня и показала, как их отпугивать: надо посильнее топтать по земле.

– Это если вовремя их заметишь. – Александр встал рядом. – А вон там, внизу, наглядный пример тому, на что готовы люди ради золота, – продолжал он. – Здесь работы только начинаются. Статус прииска это поселение получит не раньше чем через пару лет. Да, в появлении этих трущоб есть и моя вина. Через шесть месяцев после того, как я прибыл сюда, поползли слухи, что я нашел богатую жилу возле малого притока реки Аберкромби. – Взяв Элизабет под руку, он решительно повел ее прочь. – Идем, познакомись со своей учительницей музыки. А еще извини меня, – продолжал он, возвращаясь по тропе к дому, – что не додумался запасть книгами, какие интересны тебе. Но эту ошибку я уже исправляю.

– А мне обязательно надо учиться музыке? – спросила Элизабет.

– Если хочешь меня порадовать – да. Ты хочешь меня порадовать?

«Хочу ли я? – Элизабет задумалась. – Я вижу его только в постели, он не удосуживается даже приезжать к ужину».

– Конечно, – кивнула она.

Мисс Теодору Дженкинс объединяло с Яшмой одно: обе кочевали по золотым приискам вслед за отцами. Том Дженкинс умер от цирроза печени, вызванного необузданным пьянством, еще в Софале – городишке на реке Турон, и оставил свою робкую дочь-дурнушку без крыши над головой и без средств к существованию. Поначалу она нанялась горничной в недорогой пансион: накрывала на столы, мыла посуду, стелила постели – и все это за жилье, стол и шесть пенсов в день. Воспитанная в строгих религиозных правилах, девушка стала все чаще бывать в церкви, особенно после того, как священник узнал, что она играет на органе. Когда золотая жила в Софале истощилась, Теодора перебралась в Батерст, где Констанс Дьюи увидела ее рекламное объявление в газете «Батерст фри пресс» и увезла к себе домой, в Данли, где Теодора стала учить музыке дочерей Констанс.

Когда последние из дочерей Дьюи отправились заканчивать учебу в сиднейский пансион, мисс Дженкинс не осталось ничего другого, кроме как давать уроки музыки в Батерсте и с трудом сводить концы с концами. Спустя некоторое время Александр Кинросс предложил ей хибарку в Кинроссе и приличное жалованье в обмен на ежедневные уроки игры на рояле. Безмерно благодарная ему, мисс Дженкинс немедленно согласилась.

Ей не было и тридцати, но выглядела она на все сорок, особенно потому, что имела тусклый цвет волос и глаз, а ее кожа от яркого солнца покрылась сеточкой мелких морщинок. Способности к музыке Теодора унаследовала от матери, которая обучила ее нотной грамоте и старалась находить для дочери пианино для упражнений на каждом прииске, где они селились.

– Мама умерла через день после того, как мы приехали в Софалу, – объяснила мисс Дженкинс. – А папа – год спустя.

Этот кочевой образ жизни изумлял Элизабет, которая никогда не отъезжала дальше пяти миль от дома, пока за ней не прислал Александр. Как тяжела такая жизнь для женщин! Как трогательно обрадовалась мисс Дженкинс шансу, который дал ей Александр!

Той ночью в постели Элизабет сама придвинулась к мужу и положила голову ему на плечо.

– Спасибо, – еле слышно выговорила она и поцеловала его в шею.

– За что?

– За то, что вы так добры к бедной мисс Дженкинс. Обещаю вам, я научусь играть на рояле. Это самое меньшее, чем я смогу отблагодарить вас.

– Ты можешь сделать кое-что еще.

– Что же?

– Снять ночную рубашку. Кожа должна прикасаться к коже.

Застигнутая врасплох, Элизабет подчинилась. «Это» стало для нее настолько привычным, что уже не стесняло и не причиняло неудобств, но прикосновение обнаженных тел не вызвало приятных ощущений. Однако Александр счел эту ночь победой.

Но как же трудно оказалось учиться музыке! Элизабет была не лишена способностей, но выросла в семье, где музыкой никто не интересовался. Поэтому начинать пришлось с нуля, не имея даже элементарных познаний о музыкальных произведениях, названиях, формах. Изодня в день она спотыкалась, играя гаммы. Удастся ли ей когда-нибудь сыграть первую пьеску?

– Конечно, но сначала надо добиться беглости пальцев и научиться управлять движениями правой и левой руки. А ваши уши должны научиться различать ноты, – объясняла Теодора. – Еще разок, милая миссис Кинросс. У вас уже кое-что получается.

Через неделю они перестали чинно звать друг друга по фамилии. Уроки слегка скрашивали одиночество Элизабет. Каждое утро ровно в десять Теодора выходила из вагона; до обеда они занимались сольфеджио, потом подкреплялись в зимнем саду и, наконец, переходили в гостиную и приступали к неизбежным гаммам. В три Теодора уезжала обратно в Кинросс. Иногда ученица и учительница прогуливались по парку, а однажды даже дошли до тропы, и Теодора показала Элизабет свой крошечный домишко, которым невероятно гордилась.

Но в гости ученицу она так и не пригласила, а Элизабет не напрашивалась на приглашения. В таких делах Александр был непреклонен: его жена не должна бывать в Кинроссе ни под каким предлогом.

Напрасно прождав уже вторых месячных недомоганий подряд, Элизабет поняла, что она в положении. Но как сообщить об этом Александру, она не представляла. Беда заключалась в том, что для нее он по-прежнему был чужим человеком и желанием сблизиться с ним Элизабет не горела. Пытаясь разобраться в своих опасениях, она понимала, что до сих пор относится к нему как к далекому, непонятному, вечно занятому хозяину, с которым даже не о чем поговорить. Как же поделиться с ним новостью, которая переполняла ее тайным ликованием, не имеющим ничего общего с «этим» или с Александром? Как ни ломала Элизабет голову, нужных слов не находилось.

Через два месяца после прибытия в Кинросс-Хаус она сыграла мужу «К Элизе», выбрав день, когда он вернулся домой к ужину. Исполнением он остался доволен: Элизабет мудро дождалась дня, когда пальцы перестали спотыкаться на клавишах.

– Бесподобно! – воскликнул Александр, подхватил жену с табурета и опустился в кресло, усадив ее себе на колени. Поначалу он кусал губы, потом прокашлялся. – Я должен задать тебе один вопрос.

– Какой? – спросила Элизабет, предчувствуя расспросы об уроках музыки.

– Мы поженились два с половиной месяца назад, а недомоганий у тебя не было еще ни разу. Ты ждешь ребенка, дорогая?

Вцепившись в него обеими руками, она ахнула.

– Да-да, Александр, но я не знала, как вам сказать...

Он нежно поцеловал ее.

– Элизабет, я тебя люблю.

Если бы этим он не ограничился, если бы Элизабет хватило смелости поудобнее устроиться у него на коленях, пробуждая в нем нежность, если бы он признался, что с нетерпением ждет появления ребенка, умиляясь тому, что его жена, эта девочка, созрела, чтобы стать матерью, кто знает, как сложилась бы жизнь Элизабет и Александра?

Но он вдруг рывком поставил ее на ноги и сам поднялся, помрачнев и сердито глядя в ее растерянное лицо. Она недоумевала, чем разозлила его, задрожала и съежилась, когда он судорожно сжал в руках ее ладони.

– Раз уж ты носишь моего ребенка, тебе пора узнать обо мне, – жестко начал он. – Я не Драммонд... Нет, помолчи и выслушай! Дай мне выговориться! Я тебе не двоюродный брат, Элизабет, – просто дальний родственник со стороны Мюрреев. Моя мать из семьи Мюрреев, а кто мой отец, понятия не имею. Дункан Драммонд знал, что мать с кем-то встречается, только потому, что она целый год отказывалась ложиться с ним в постель, однако забеременела, и не от него. Даже когда он допытывался, мать не назвала имени любовника, только объяснила, что была влюблена и потому не могла заставить себя отдаться Дункану, которого никогда не любила. Рожая меня, она умерла и унесла свою тайну в могилу. А Дункан из гордости никому не говорил, что я не его сын.

Элизабет слушала, раздираемая облегчением от того, что Александр сердится не на нее, и ужасом от услышанного, но не понимала, зачем он так грубо оборвал минуту их сближения и нежности. Будь она постарше и поумнее, она спросила бы, почему с исповедью нельзя подождать до завтра, а Элизабет сделала единственный вывод: дьявол в ее муже сильнее любовника. Ее младенец не так важен, как незаконное рождение самого Александра.

Но она сочла своим долгом сказать хоть что-нибудь:

– О, Александр! Несчастливая женщина! А где же был этот человек, почему не пришел проститься с ней?

– Не знаю, хотя я часто задавал себе тот же вопрос. – Голос Александра по-прежнему звучал жестко. – Думаю, собственная шкура была для него важнее моей матери и меня.

– А может, его уже не было в живых, – возразила Элизабет.

– Вряд ли. Так или иначе, – продолжал он, – все детские годы я страдал в доме человека, которого считал отцом, и гадал, почему мне никак не удастся угодить ему. Откуда-то во мне взялось ослиное упрямство, которое не давало мне трястись и умолять о пощаде, как бы сильно и часто ни избивал меня Дункан, что бы он мне ни приказывал. Я просто ненавидел его. Лютой ненавистью!

«И эта ненависть до сих пор жива в тебе, Александр Кинросс», – мысленно поддакнула Элизабет.

– Как же вы узнали? – спросила она, стараясь усмирить колотящееся сердце.

– Когда священником стал Мюррей, у Дункана появилась родственная душа. Они спелись сразу, и, похоже, в тот же день Мюррей узнал, как я появился на свет. Прежде я целыми днями пропадал у доктора Макгрегора, учился у него – Дункан не решался отказать священнику. И я, наивный, думал, что и при Мюррее все пойдет по-старому. Мюррей прогнал меня и заявил, что уж он позаботится, чтобы в университет меня не приняли никогда. Я рассвирепел и набросился на него. Сломал ему челюсть и так далее, но прежде он успел выпалить, что я ублюдок, моя мать – шлюха, а я попаду в ад за то, что она изменяла Дункану.

– Страшно, – поежилась Элизабет. – Мне говорили, что вы сбежали.

– В ту же ночь.

– А сестра была добра к вам?

– Уинифред? Да, по-своему. Но она была пятью годами старше и к тому времени, как правда стала известна, уже вышла замуж. По-моему, она до сих пор ни о чем не подозревает. – Он отпустил руки жены. – Но ты-то все поняла, Элизабет.

– Поняла, – с расстановкой ответила она. – Да, поняла. С первой минуты знакомства я заметила, что вы не похожи на Драммондов. – Ее лицо осветилось улыбкой, возникшей из какого-то кладезя силы и независимости, о котором Элизабет и не догадывалась. – Сказать по правде, вы напоминали мне дьявола – с этой бородой и бровями. Я до смерти вас боялась.

Это признание вызвало удивленный взгляд и смех.

– В таком случае бороду придется сбрить, а вот с бровями ничего не поделаешь. Хорошо еще, в том, кто отец этого ребенка, сомневаться не придется.

– Никаких сомнений быть не может, Александр. Я вышла замуж девственницей.

Вместо ответа он поднес к губам ее правую руку, повернулся и вышел из комнаты. В ту ночь он не пришел к ней в постель. Элизабет долго плакала, лежа с открытыми глазами в темноте. Чем больше она узнавала о своем муже, тем меньше верила, что когда-нибудь полюбит его. Им повелевало не будущее, а прошлое.

Глава 2

По стопам Александра Македонского

Убегая из дома в ночь накануне своего пятнадцатилетия, Александр не взял с собой ничего, кроме булки и ломтя сыра. Приличный вид имела только его воскресная одежда, в которой он ходил в церковь, остальная была слишком рваной и потрепанной, и потому Александр не удосужился прихватить ее. Крепостью сложения он не отличался, но жизнь со вспыльчивым отцом научила его быть сильным, и он всю ночь торопливо шагал прочь от дома, ни разу не остановившись даже перевести дух. Мальчишки из Кинросса нередко решались на побег, но обычно их ловили на расстоянии пары миль от дома; Александр считал, что неудачливые беглецы просто в глубине сердца хотели вернуться к родным. А он был абсолютно уверен, что не вернется, и на рассвете, когда он остановился хлебнуть воды из ручья, от Кинросса его отделяло уже семнадцать миль. Если об Эдинбургском университете ему не стоит и мечтать, ради чего тогда торчать в родном городишке? Всю жизнь проработать на суконной фабрике – это же хуже смертного приговора.

Ему понадобилась неделя, чтобы добраться до окраины Глазго – направиться напрямик в Эдинбург он не решился, – где он надеялся подыскать какую-нибудь работу. В пути он подрабатывал – брался то наколоть дров, то прополоть грядки, но с этими делами он мог бы справиться и во сне. А он мечтал о работе, где требовалась бы не только грубая сила, но и ум. И Александр нашел такую в Глазго, третьем по величине городе Британских островов.

Механизм, который привлек его внимание, стоял за забором. В топке пылал огонь, из трубы валил дым, толстый цилиндр был окутан белым паром. Паровой двигатель! Два паровых двигателя работали в Кинроссе на мельницах, но Александр ни разу их не видел – и не увидел бы, останься он дома. Местные жители поделили между собой работу, и поскольку Дункан с Джеймсом Драммондом трудились на суконной фабрике, та же участь ждала и их детей.

«А я, – думал Александр, – пойду по стопам моего великого тезки и увижу неизведанные земли».

Даже в пятнадцать лет он умел быть обаятельным. До сих пор Александр считал нужным расположить к себе только Роберта Макгрегора, но сейчас, во дворе литейного завода, наметил новую цель – и не мрачного незнакомца, который швырял уголь в пылающий чудовищный зев парового котла. Добротный одетый мастер стоял неподалеку с ветошью в одной руке и гаечным ключом в другой, но подручному не помогал.

– Прошу прощения, сэр! – улыбнулся Александр этому бездельнику.

– Да?

– Что здесь делают?

Впоследствии мастер долго гадал, почему сразу не дал мальчишке пинка и не вышвырнул его за забор. Но это ему и в голову не пришло: он только вскинул брови и улыбнулся:

– Паровые котлы и двигатели, сынок. В них всегда есть нужда, их вечно не хватает.

– Спасибо, – кивнул Александр и проскользнул мимо мастера в грохочущий литейный цех.

В дальнем углу этого ада короткая дощатая лестница вела в застекленную каморку, откуда был виден весь цех. Убежище управляющего. Прыгая через четыре ступеньки, Александр взлетел по лестнице и постучал в дверь.

– Что надо? – спросил мужчина средних лет, который открыл ему.

Это явно был управляющий – в отутуженных брюках, чистой белой рубашке с закатанными рукавами и без воротничка – он все равно раскис бы в такой жаре, да и кому какое дело?

– Сэр, я хочу научиться делать паровые котлы, а потом и паровые двигатели. Я готов жить в конуре и обходиться без мытья, так что много платить мне не понадобится. – И Александр улыбнулся.

– Шиллинг в день, то есть пенни в час, и три таблетки соли даром. Как тебя зовут, парень?

– Александр... – он чуть не добавил «Драммонд», но в последнюю секунду передумал, – Кинросс.

– Кинросс? Как город?

– Ага, точно.

– Нам нужен подмастерье, особенно такой, который сам попросит работу, а не явится сюда по настоянию папаша. Я мистер Коннелл, если что захочешь спросить – не стесняйся. Если чего не знаешь – не пытайся сделать, не спросив. Когда приступишь, парень?

– Сейчас же, – заявил Александр, но не сдвинулся с места. – У меня есть вопрос, мистер Коннелл.

– Ну?

– Для чего нужны таблетки соли?

– Глотать. С каждого, кто работает здесь, пот льет ручьем. Если он пьет соль, у него не сведет мышцы судорогой.

Новый подмастерье оказался не только способным: он обладал счастливым даром притягивать к себе людей, которые любили его, несмотря на его превосходство, а это обычно раздражает менее смысленных и расторопных. Вероятно, в нем не чувствовали соперника: Александр не делал тайны из своего намерения уехать, научившись всему, что только можно узнать на заводе «Паровые машины Ланарка». Он поселился прямо на заводе, за паровым двигателем, который подавал в цех сжатый воздух; от стихий его с одной стороны защищали листы железа, а с другой – теплый бок парового котла, топившегося всю ночь. Последнему обстоятельству мистер Коннелл придавал особое значение и на этом основании считал жилье подмастерья вполне комфортабельным.

В 1858 году, когда Александр прибыл в Глазго, город внушал страх: смертность в нем была выше, чем где-либо в Великобритании, уровень преступности не отставал от нее, большинство горожан ютилось в халупах без воды, канализации и света. В этот чудовищный лабиринт не решался сунуться ни один полицейский. Отцы города поговаривали о том, чтобы снести трущобы разом, но, как обычно, перейти от слов к делу не спешили: это была лишь попытка успокоить не равнодушных к чужим страданиям преуспевающих горожан, число которых тоже росло. Добыча угля и металлургия приобрели колоссальное значение ввиду близости Глазго к источникам сырья для этих производств, а это означало, что в ближайшее время удушливый, смердящий дым, одеялом укрывающий весь город, не только не рассеется, но и станет гуще – по вине процветающих химических предприятий, дым которых способен разжесть самые крепкие легкие.

Надолго задерживаться в этом городе Александр не собирался, однако понимал, что должен прожить здесь столько, чтобы заработать на билет, а заодно и получить письменные рекомендации – в подтверждение тому, что он на «ты» с паровыми котлами и двигателями.

Освоившись с обязанностями подручного литейщика, Александр сам был допущен к изготовлению паровых двигателей и благодаря цепкому уму сразу смекнул, как можно усовершенствовать их. Разумеется, он прекрасно понимал, что любую его идею присвоит себе мистер Коннелл, уже получивший патенты на ряд изобретений. Строго говоря, мистер Коннелл мог вообще не делиться с Александром полученной прибылью, но для своего времени мастер оказался честным человеком: на диво способному пареньку всякий раз перепадал десяток золотых соверенов. Кроме того, мистер Коннелл надеялся, что Александр останется работать на заводе: благодаря его изобретениям «Паровые машины Ланарка» значительно опережали кон-

курентов. Вскоре Александру повысили жалованье с шиллинга за двадцатичасовую работу до пяти шиллингов, а на третий год – и до фунта. Мистер Коннелл действительно нуждался в таком помощнике.

Но Александр вовсе не собирался всю жизнь проработать на заводе. Почти все заработанные деньги он хранил в тайничке между кирпичами стены, огораживающей двор завода. Банкам Александр не доверял, особенно в Глазго. В 1857 году город пережил крах Западного банка – катастрофу, последствия которой для промышленности, торговли и рядовых граждан были ужасны.

Александр по-прежнему ютился в своей конуре, покупал поношенную одежду, а раз в месяц садился в каледонский экспресс, уезжал куда-нибудь за город и сам стирал одежду в чистом стремительном ручье. Больше всего денег уходило на еду: Александр так быстро рос, что в животе у него непрестанно урчало от голода. О плотских утехах он и не задумывался: не позволяла усталость.

Наконец наступил день, когда Александр получил рекомендательное письмо от мистера Коннелла, тщетно умолявшего его остаться на заводе. В письме говорилось, что Александр три года отработал на заводе и показал себя с лучшей стороны, что он умеет варить металл, ковать медь, обращаться с паровым молотом и прокатным станком, гнуть трубы и плющить железо и, если уж на то пошло, способен собрать паровой двигатель целиком, и, кроме того, он понимает основные принципы и законы механики пара и жидкости.

Тем, что Александр знал больше, чем кто-либо другой на заводе, даже мистер Коннелл, он был обязан воскресным занятиям в библиотеке Университета Глазго: юноша считал, что корпеть над книгами гораздо полезнее, чем посещать церковь. Библиотекой разрешалось пользоваться только студентам университета, но Александр без зазрения совести стащил читательский билет у студента, который не бывал в библиотеке по причине запоев.

С тяжелым ящиком, нагруженным инструментами и золотыми монетами в двойном дне, Александр пешком пересек Камберленд, направляясь к Ливерпулю. Свой груз он нес легко, как перышко. После краткого свидания с невиданной красотой прелестнейшего из уголков английской природы он вошел во второй по величине город Великобритании, почти такой же грязный, как Глазго, но несколько более пригодный для жилья.

Впрочем, и в Ливерпуле юноша пробыл недолго. Александр искал судно, отплывающее в Калифорнию, к золотым приискам, и нашел у причала «Куиннипиак». Корабль был из породы новых – с деревянным корпусом, тремя мачтами и паровым двигателем, благодаря которому развивал большую скорость, чем суда с гребным колесом. Его капитан и по совместительству владелец, уроженец Коннектикута, охотно согласился взять в команду парнишку, знающего толк в паровых двигателях, а Александру не составило труда подтвердить свои познания в разговоре с механиком «Куиннипиака». Рекомендательным письмам янки не доверяли.

Судно везло самые разные грузы – механизмы для рудников, такие как буры и гигантские плавильные реторты, назначения которых Александр пока не понимал, паровые двигатели и дробилки, а также медные детали, шотландские столовые приборы, шотландское виски и порошок карри.

– Северные штаты воюют с южными, – объяснил механик. – Все железо и сталь в стране идут на изготовление оружия и боеприпасов, вот калифорнийцам и приходится закупать ложки и вилки в Англии.

– Мы зайдем в порт Нью-Йорка? – спросил Александр, которому не терпелось своими глазами увидеть знаменитый город мечтаний и надежд.

– Нет, в Филадельфию – запастись углем. Под парусами мы поплывем только в случае крайней необходимости: паровые суда быстрее и надежнее, им нипочем ни ветры, ни течения.

Едва «Куиннипиак» вышел из Ирландского моря в Атлантический океан, Александр понял, почему капитан так быстро согласился взять его в команду: механик, старина Гарри, как его звали все на корабле, жестоко страдал от морской болезни и не расставался с ведром, в которое то и дело сплевывал.

– Пройдет, – обещал старина Гарри, – велика важность!

– Ступай к себе, упрямый осел, – распорядился Александр. – Я и без тебя справлюсь.

Но, убедившись, что заставить железное пыхтящее чудовище работать на полную мощность, да еще в бурном море, – нелегкий труд даже для двоих механиков, Александр вздохнул с облегчением, когда старина Гарри явился в машинное отделение спустя два дня, очевидно, победив свою хворь. Большие подшипники на концах стержней, приводящих в движение коленчатый вал, часто раскалялись из-за недостаточной смазки – но не по вине старины Гарри: добыть машинное масло было непросто. Давление в паровом котле зачастую превышало допустимый предел, а один из двух кочегаров, питавший пристрастие к шотландскому виски, однажды чуть не допил до смерти. Между тем Александр сделал первые выводы насчет американцев: в отличие от англичан или шотландцев им чуждо чувство классовой принадлежности. Старина Гарри хоть и был опытным механиком, но не брезговал, в свою очередь, кидать уголь в топку, и точно так же поступали три помощника «Куиннипиака», когда второй кочегар загадочным образом свалился за борт – после того как обыграл чуть ли не всю команду в карты. Ни английский, ни шотландский механик или офицер флота ни за что не унизились бы до грязной работы, а эти практичные люди предпочитали бросать уголь в топку сами, вместо того чтобы отдать приказ подчиненным. Команду составляли матросы до мозга костей, настоящие морские волки, предчувствовавшие, что вскоре гигантские, пышущие жаром машины в чреве корабля отнимут у них работу.

К берегам Делавэра судно приблизилось через двенадцать суток после выхода из Ливерпуля, но повидать Филадельфию Александру так и не довелось. Получив приказ руководить погрузкой угля, он наблюдал за грузчиками, кряхтящими под тяжестью дерюжных мешков с углем, а старина Гарри и корабельное начальство поспешили на берег – лакомиться какими-то особенными крабами.

Взяв курс на юг, судно сожгло меньше угля, чем рассчитывал старина Гарри, благодаря попутному ветру, надувавшему паруса, – это полезное дополнение к силе пара – и достигло Флорианополиса на юге Бразилии прежде, чем возникла необходимость разводить пары в котле.

К своему нескрываемому удивлению, Александр узнал, что Южная Америка богата углем и всевозможными полезными ископаемыми. «Почему же мы, англичане, считаем, что все богатства мира сосредоточены в Европе и Северной Америке?» – гадал он.

Колесный пароходик провел «Куиннипиак» на буксире в устье узкого и тихого залива Лагоа-дош-Патош у границы Уругвая, а в порту Порту-Алегри угольные трюмы были заполнены доверху.

– Раньше уголь здесь вечно был пустой и сырой, лучшие пласты далеко отсюда, – объяснил старина Гарри. – Но теперь какая-то английская компания получила концессию на разработку месторождения и возит уголь по железной дороге.

Огибать мыс Горн пришлось под парусами – что это было за незабываемое зрелище! Неприступные скалы, хлещущие порывы ветра – все, что Александр читал про мыс Горн, оказалось сущей правдой.

Котел затопили только после того, как «Куиннипиак» отчалил из Вальпараисо в Чили – страну, название которой местные жители писали с буквой «е» на конце.

– Чилийский уголек придется беречь как зеницу ока, – грустно предупредил старина Гарри. – Даже в Калифорнии хорошего угля не сыскать – разве что мокрый лигнит да никудышный уголь пополам с серой, а для паровых двигателей они не годятся, мы все здесь задох-

немся от газов. Придется выбирать из двух зол меньшее – сходить за топливом к Ванкуверу, а потом тащиться под парусами через весь Тихий океан до самого Вальпараисо.

– А я-то думал, зачем мы везем двигатели, работающие на дровах, – отозвался Александр.

– Так дров здесь завались, Александр! Тысячи квадратных миль леса. – Проницательные глаза старины Гарри сверкнули. – Хочешь разбогатеть на золотых приисках?

– Хочу.

– Верхний слой породы давно сняли. Теперь золото добывают промышленным способом.

– Знаю. Потому и уверен, что механик на прииске пригодится.

Со времен «золотой лихорадки» 1848–1849 годов численность населения Сан-Франциско выросла в четыре раза, а город служил наглядным примером того, к чему приводит подобный резкий рост. На окраинах теснились хибары и бараки, большинство давно пустовало. В центре города было легче увидеть власть золота: он даже претендовал на архитектурную красоту. Многие из охотников за золотом, отправившихся на запад, осели здесь и занялись более прозаическими делами, а когда по другую сторону Скалистых гор разразилась Гражданская война, немало горожан вернулось на восток, воевать.

По примеру дяди Джеймса Александр берег каждый грош, но понимал, что быстрее всего отыщет охотников за золотом в каком-нибудь баре, и потому первым делом направился в бар. На паб в Глазго американский бар ничуть не походил! Здесь не подавали никакой еды, за столиками ждали вульгарно размалеванные женщины, напитки приносили в крошечных стаканах. Александр спросил пива.

– А ты красавчик, – заметила официантка, зазывно потряхивая грудью. – Хочешь, сходим ко мне, когда бар закроется?

Александр оценивающе оглядел ее из-под полуопущенных век и решительно покачал головой:

– Нет, мэм, благодарю вас.

Женщина мгновенно оскорбилась:

– А что так, мистер? Рылом не вышла?

– Мне вы не годитесь, мэм. Заразиться сифилисом я не хочу, а у вас на губе шанкр.

Официантка принесла пиво, грохнула кружку на стол так, что ее содержимое расплескалось, задрала нос и отошла, вихляя бедрами. За ней наблюдали двое мужчин, сидящих в темном углу.

Александр забрал свое пиво и двинулся к ним: на лицах этих двоих была написана жажда наживы.

– Можно? – осведомился он.

– Садись давай, – отозвался худой блондин. – Я Билл Смит, а этот волосан – Чак Парсонс.

– Александр Кинросс из Шотландии.

Парсонс хмыкнул:

– Да мы уже поняли, что ты издалека. На американца не похож. Каким ветром тебя занесло в Калифорнию?

– Я разбираюсь в паровых двигателях и хочу найти золото.

– Вот так удача! – Билл просиял. – А мы геологи. Тоже ищем золото.

– Полезное у вас ремесло, – заметил Александр.

– Знать толк в двигателях тоже неплохо. Два геолога да один механик – этого хватит, чтобы мечта о золотых горах стала явью, – заявил Чак и указал мозолистой лапицей на кучку мрачных посетителей бара: – Видишь? Эти так ничего и не нашли и теперь сваливают домой в Кентукки, Вермонт и откуда они там родом. Им что сланцы, что засранцы – все едино. Молокососы, воробы необстрелянные. Намыть горстку золотого песка или построить лоток – это

всякий дурак сумеет, а вот разрабатывать жилу не каждому по плечу. А ты сможешь собрать паровой двигатель, Алекс? Чтобы он работал?

– Если у меня будут детали – смогу.

– А денег у тебя сколько?

– Смотря для чего, – насторожился Александр.

Билл и Чак переглянулись и одобительно кивнули.

– А ты башковитый малый, Алекс, – сказал Чак, ухмыляясь в нечесаную бороду.

– В Шотландии говорят «парень не промах».

– Ладно, поговорим начистоту. – Билл заговорщицки склонился над столом и понизил голос: – У нас с Чаком есть по две тысячи долларов на брата. Наберешь столько же – будешь с нами в доле.

Четыре доллара составляли один английский фунт.

– Наберу.

– Тогда по рукам?

– По рукам.

– Лады.

Александр обменялся с обоими собеседниками рукопожатием.

– Как поступим дальше?

– Почти все, что нам понадобится, мы возьмем даром – на заброшенных приисках у реки Американ, – объяснил Билл, пригубив пиво.

Александр понял, что его новоиспеченные напарники не питают пристрастия к спиртному. Это к лучшему. Судя по виду, Билл и Чак – жизнерадостные ребята. Неглупые, образованные, молодые и независимые.

– А что нам понадобится? – допытывался Александр.

– Во-первых, детали для двигателя. Дробилка. Доски для промывных лотков и так далее. Детали для мельницы. Все это мы найдем на приисках, где уже искали золотоносные пласты. А еще несколько мулов – поймем бесхозных, – добавил Чак. – На деньги купим здесь, во Фриско, черный порох – его делают тут же и продают задешево, ведь на востоке война. Селитру возят из Чили, серы и в Калифорнии полно, а деревья для угля растут повсюду. Ну и картонные гильзы прихватим, как же без них. И запалы. Самое дорогое – это ртуть. Хорошо еще, ее тоже добывают по соседству.

– Ртуть? То есть живое серебро?

– Точно. Если мы будем искать золото в кристаллах кварца, придется как-то доставать его оттуда, а ни ручной лоток, ни промывочная установка тут не помогут. Станем дробить кварц на двухдюймовые осколки, потом измельчать их в порошок. В дробилку подадим поток воды с мелкими шариками ртути. Понимаешь, золото соединяется с ртутью и отделяется от кварца. – Чак нахмурился. – Только вот плавильные реторты, в которых нагревают амальгаму, чтобы выделить золото, нам с собой не утащить: или надорвемся, или ненароком расколотим их. Да и вряд ли где найдем такие штуки. Так что придется нам хранить золото в соединении со ртутью до поры до времени.

– А ртуть страшно тяжелая, – вставил Александр.

– Ага. Один бочонок весит семьдесят шесть фунтов. Зато туда вмещается чертова уйма золота, Алекс, – фунтов пятьдесят. Мы разбогатеем, едва отделим его от ртути, – пообещал Билл.

– А что еще будем покупать? Кстати, инструменты при мне.

– Еду. Здесь она дешевле, чем в Колеме или на других приисках. Закупим мешки с сушеными бобами и кофе. Бекон. Разную съедобную зелень найдем на месте, оленины тоже будет вдоволь. Чак у нас меткий стрелок. – Билл выразительно поднял бровь. – Это тоже не поме-

шает. В здешних местах водятся медведи ростом побольше взрослого мужчины, а волки охотятся стаями.

– Значит, надо запастись ружьем?

– Револьвером уж точно. А ружья оставь Чаку. В Калифорнии без оружия никуда, Алекс. Держи его при себе, чтобы все видели.

– И нам хватит на все это шесть тысяч долларов?

– А как же. Еще останется на трех лошадей и на выючных мулов.

Если Александр и относился к этим приготовлениям скептически, так лишь к слепой вере Чака Парсонса и Билла Смита в то, что неудачливые золотоискатели побросали на приисках баснословно дорогие механизмы. Но уже в предгорьях Сьерра-Невады он понял, почему его спутники были настроены так оптимистично: всю местность пересекали глубокие ущелья, которые Чак и Билл называли каньонами, – причина, по которой разочаровавшиеся охотники за золотом отказались от мысли увозить с приисков свое добро.

И действительно, повсюду, где на берегах реки Американ обнаруживались кварцевые жилы, путники видели паровые двигатели, дробилки и мельницы – не столько ржавые, сколько запущенные, словно их бросили люди, не умеющие с ними обращаться. Пойма реки выглядела так, как, по разумению Александра, должна была выглядеть после страшной, с артиллерийскими обстрелами, войны: повсюду громоздились валуны и щебень, в земле зияли шурфы, ямы, норы. То и дело попадались поваленные лотки, обрезки труб, промывочные сита, деревянные рамы, дробилки. Страна расточительных людей: если что-то не вышло, бросай все, уходи – пусть вещи ржавеют, гниют, разлагаются.

Людей, по милости которых появились все эти ямы и отвалы, путники так и не встретили: одни вернулись в Сан-Франциско, другие погибли под рухнувшими козырьками забоев и обвалившимися подмытыми стенами ям, третьи ушли в другое место – искать богатые месторождения, ускользающие кварцевые жилы, обещающие чистое золото. Эти последние были самыми решительными, и они же сильнее всех пострадали от «золотой лихорадки».

В пути оба геолога учили жадно слушающего Александра азам своей науки.

– О калифорнийских скальных породах мало что написано, – объяснял Билл – самый начитанный из них, – но если начать с самого начала, где-то в Европе есть отец-основатель геологии Фишер, который утверждает, что Земля сверху покрыта подвижной корой, а внутри у нее твердое ядро. Ядро от коры отделяет расплавленная вязкая жижа, которую вулканы извергают в виде лавы. Гипотеза, конечно, чересчур смелая, но что-то в ней есть.

– А сколько лет нашей Земле? – спросил Александр, которому никогда прежде не приходило в голову задуматься о планете, где он живет.

– А этого никто не знает, Алекс. Одни говорят, двести миллионов, другие – миллионов шестьдесят. Но одно ясно: наш шарик вертится дольше, чем говорится в Библии.

– Логично, – отозвался Александр. – Когда писали Библию, геологов еще не было. – К нему вдруг пришла мысль: – А эта земная кора – сплошной камень? Откуда же берутся минералы?

– А минералы в целом и есть камни.

Вмешался Чак:

– Земную кору палеонтологи подразделяют на пласты – страты, согласно тому, какие окаменелости в них содержатся. Так мы узнали, что насчет эволюции Дарвин был прав. Чем старше горные породы, тем более примитивные формы жизни в них обнаруживаются. Некоторые породы – их называют первичными гнейсами – настолько древние, что окаменелостей в них вообще нет, но эти первичные гнейсы еще никто не находил. Хотя никаких признаков жизни нет и в красном песчанике из Великобритании.

– Но мы почти в каждом каньоне видим, что никаких пластов в земле нет, – возразил Александр. – Все они перемешаны.

– Пласты земной коры постоянно сдвигаются во время землетрясений, – сообщил Билл. – С тех пор как сформировались слои скальных пород, они смещались, смешивались, вытесняли друг друга – назови это как хочешь. А еще на них влияли ветер и вода, порой они оказывались на морском дне, а потом – опять на суше. По скальным породам видно, что наш шарик и вправду древний.

Александр узнал, что Калифорния – довольно молодая территория суши, особенно ее прибрежная полоса. А еще выяснил, что здесь довольно часты землетрясения. Но сам он с ними еще ни разу не сталкивался.

– Горы на побережье еще очень молоды, сложены из песчаников и сланцев, но дальше на север они представляют собой интрузии гранита, вставшие дыбом совсем недавно, в эпоху плиоцена. В предгорьях Сьерры встречаются скальные выходы известняка, но сам горный хребет – почти чистый гранит. Именно среди гранита попадаются кварцевые жилы, а в них – чистое золото, за которым мы и охотимся, – заключил Билл.

Издавна людям известно, что некоторые из них буквально чуют золото, улавливают его запах даже под землей. Как раз таким человеком оказался Александр.

Весной 1862 года он вместе со спутниками двинулся на юг от реки Американ, погоняя караван мулов, везущих купленные в Сан-Франциско припасы, а также добычу с брошенных приисков: сломанную мельницу для руды, дробилку и на грубо сколоченной волокуше – среднего размера котел для парового двигателя, который предстояло собрать на месте. Билл и Чак рвались в самое сердце Сьерры, но благоразумный Александр отказался наотрез, понимая, что тогда до зимы им ни за что не обосноваться на новом месте. И кроме того, он остро ощущал тот же запах, что исходил от золотой пломбы в коренном зубе. Запах источника долина, которая ничем не отличалась от сотен других: гранитные валуны на склонах, кое-где прогалины среди деревьев.

– Сначала попробуем поискать здесь, – твердо заявил он. – Если ничего не найдем – поднимемся выше, но, по-моему, золото где-то совсем рядом. Видишь вон те камни, Чак? Присмотрись к ним. Там мы застолбим первый участок.

Под слоем прелых листьев и мягкой почвы у основания скального выхода обнаружилась толстая жила кварца, которая так и засияла, когда Чак счистил с нее землю и отколол первый кристалл.

– Господи боже! – ахнул он, падая на колени. – Алекс, да ты колдун! – Он вскочил и пустился в пляс. – Да-да, останемся здесь – построим избушку, кораль для лошадей, а мулы все равно долго не проживут, здесь же тьма волков. Алекс, начинай собирать двигатели.

– А потом ты научишь меня делать взрывы, – со странным равнодушием отозвался Александр.

Лето пролетело в строительной лихорадке. Пришлось заготавливать лес на топливо для двигателя, потом строить дом, затем спешно готовить машины. Гора колотой породы росла; поначалу Чак и Билл орудовали кирками, а потом начали понемногу взрывать жилу. Мелкие травмы были почти неизбежны, а Чак чудом избежал серьезной раны, когда заряд взорвался раньше времени. Билл чуть не оттяпал себе ногу топором, Александра обожгло струей пара. Рану на ноге Билл заштопал самой обычной иглой, а Чак, опираясь на грубый костыль, ухитрился добыть вонючего медвежьего сала и приготовить из него мазь от ожогов. Но работа тем не менее продолжалась, ибо никто не мог поручиться, что больше никто не забредет в укромную долину и не узнает, как повезло троим золотоискателям.

К началу слякотной зимы добыча золота шла полным ходом; горную породу перемалывали в мелкий порошок в мельнице, которую приводил в движение ревущий и пыхтящий паровой двигатель. Воды в долине хватало с избытком – больше, чем требовалось для промывания цилиндра мельницы, где чистое золото соединялось с шариками ртути. Золото скатывалось по наклонному лотку в медный таз с ртутью.

К началу весны чистая ртуть кончилась, превратилась в слоистую желтоватую массу под крышкой.

Александр только что отметил двадцатилетие; тяжелый труд закалил его, сделал сильным и жилистым; росту в нем было больше шести футов, и он понял, что больше не будет расти.

«Устал я от такой жизни, – думал он. – Последние шесть лет у меня нет крыши над головой, дома, где было бы тепло и сухо, даже на «Куиннипиак» мне в гамак с потолка каюты капала вода сквозь доски палубы. А все потому, что доски плохо пригнали. Сейчас я ем досыта. В Глазго приходилось питаться хлебом, а здесь – опостылевшими бобами и олениной. В последний раз я ел жареное мясо с картошкой на какой-то свадьбе в Кинроссе. Билл и Чак – славные ребята и опытные геологи, но про Джорджа Вашингтона знают больше, чем про Александра Македонского. Да, такая жизнь мне надоела».

В это ясное майское утро Александр слушал слова Чака, как мелодичные звуки далекого горна.

– У нас здесь уйма золота, – говорил Чак. – Даже если в амальгаме его процентов тридцать-сорок, мы все равно разбогатеет. Пора доставать кота из мешка. Кому-нибудь из нас придется съездить в Колому за ретортами. А остальные пока постерегут участок от незваных гостей.

– Поеду я, – вызвался Александр. – Потому что давно хочу уехать отсюда. Можете выкупить мою долю амальгамы, или я увезу ее с собой. Предложите мой пай тому, кто привезет реторты и будет следить за двигателем. Дайте мне на пробу фунт золота, и от партнеров у вас отбою не будет.

– Но мы еще даже не начали разрабатывать жилу! – в ужасе вскричал Билл. – Алекс, чем глубже мы вгрызаемся, тем больше здесь золота! Нам уже не найти такого партнера, как ты. Зачем тебе уезжать, скажи на милость?

– Не люблю подолгу сидеть на одном месте. Я уже узнал все, что мог, – пора в путь. – Александр засмеялся. – Здесь, в горах, еще полным-полно золота. Ртуть я пришлю вам обратно.

Золото из своей трети амальгамы Александр получил в Коломе, из пятидесяти пяти фунтов золота отлил слиток. Этот слиток путешествовал с ним тайно, в двойном дне ящика с инструментами, который вез мул. Конечно, по городу сразу распространился слух, что Александр увозит золото, но едва вдалеке скрылись последние городские крыши, ему удалось оторваться от преследователей и исчезнуть, словно сквозь землю провалиться.

К тому времени как Александр прибил к многочисленному и хорошо вооруженному отряду мужчин, направляющихся на восток, чтобы увенчать себя лаврами героев Гражданской войны, никто уже не сомневался, что Александр – еще один недовольный и неудачливый золотоискатель. Несмотря на это, каждую ночь он ложился спать в обнимку с драгоценным ящиком с инструментами и быстро привык к неудобству, которое доставляли ему зашитые в одежду золотые монеты. О существовании последних никто из спутников Александра и не подозревал.

Сразу за Скалистыми горами ему представился случай увидеть краснокожих в естественной среде обитания – надменных, величественных, скачущих на лошадях без седел, облаченных в кожаные, причудливо расшитые бусами одежды. На древках копий трепетали перья, луки со стрелами были всегда наготове. Индейцы были слишком мудры, чтобы нападать на большой и воинственный отряд ненавистных бледнолицых: некоторое время белые и красно-

кожие наблюдали друг за другом, а потом индейцы незаметно исчезли. Сотни бизонов паслись на лугах вдоль дороги, то и дело попадались стада оленей и зверьки поменьше; один из них – похожий на гнома, пушистый, уморительно стоящий на задних лапках – очаровал Александра.

Поселения европейцев встречались все чаще; отряд проезжал через деревушки в несколько бревенчатых домов, сгрудившихся по обе стороны от ухабистой дороги. Здесь краснокожие носили одежду белых и пьяно пошатывались. Александр догадался, что рано или поздно крепкое спиртное их погубит: даже желудок Александра Македонского не вынес очередной бурной попойки. А белый человек повсюду привозит с собой дешевое спиртное.

Отряд следовал по тропе, проложенной фургонами поселенцев. Сейчас, во время войны, лишь немногие отваживались предпринять путешествие на запад, особенно без вооруженного конвоя, призванного отражать атаки индейцев. Отряд пересек Канзас и добрался до Канзас-Сити – довольно большого города у слияния двух крупных рек. Здесь Александр расстался со спутниками и двинулся вдоль Миссури к Сент-Луису и Миссисипи. Должно быть, это самые большие реки мира, восторженно думал он, уже в который раз поражаясь величию американской природы. Плодородные почвы, обилие пресной воды, продолжительный сезон роста – значительные преимущества, хотя и зимы здесь прохладнее, чем в Шотландии. Странно, ведь Шотландия расположена гораздо севернее.

Районов военных действий Александр благоразумно избегал, не имея ни малейшего желания ввязываться в чужую войну. По пути через северные территории Индианы как-то в сумерках он остановился у одинокого домишки, надеясь получить ночлег и нехитрую еду в обмен на помощь в любой работе, какая найдется. Обычно местные жители доверяли ему, а он никогда не обманывал их доверия.

Женщина, открывшая дверь на стук, держала в руках дробовик, и Александр сразу понял почему: незнакомка была еще молода, красива, а в доме, судя по тишине, больше никто не жил. Неужели она одинока?

– Уберите оружие, я вас не обижу, – произнес он с шотландским акцентом, который многим американцам казался странным, но приятным. – Если вы меня накормите и пустите переночевать в сарай, я наколю дров, подою корову, прополою грядки – сделаю, что нужно, мэм.

– Что мне нужно, – мрачно откликнулась она, прислонив дробовик к стене, – так это вернуть моего мужа, а такое никому не под силу.

Ее звали Гонория Браун. Несколько недель назад ее муж пал в бою при Шайло. С тех пор она жила одна, питаясь тем, что давал собственный клочок земли, и наотрез отказываясь вернуться обратно к родным.

– Уж лучше одной, – объяснила она Александру за ужином – курятиной с жареным картофелем и зеленой фасолью. Такой сытной подливки он не едал с тех пор, как сбежал из Кинросса. Глаза Гонории имели оттенок морской воды, окаймляющие их светлые ресницы казались стеклянными, а сами глаза были смешливыми, решительными и непреклонными. Внезапно в них мелькнула новая мысль. Гонория отложила вилку и уставилась на гостя. – Но как только кончится война, мужчины хлынут сюда потоком. Ты, случайно, не ищешь жену с сотней акров земли?

– Нет, – покачал головой Александр. – Я не собираюсь оставаться в Индиане и заниматься фермерством.

Она пожала плечами, но уголки ее пухлых губ уныло опустились.

– Дело твое. Будешь мужем другой женщины.

После еды Александр наточил топор и при свете фонаря долго колол дрова, без устали скидывая тяжелое орудие. Он уже собирался заканчивать работу, когда Гонория вышла на крыльцо.

– Взмок-то как, – заметила она, когда Александр принялся заново точить топор, – а нынче холодно. Я воды нагрела для кухонной лохани. Если принесешь еще холодной из колодца, смо-

жешь вымыться в тепле, а я постираю твою одежду. До утра, конечно, она не высохнет. Значит, будешь спать не в сарае, а со мной.

Когда Александр вернулся в дом, на кухне было уже убрано, посуда вымыта, большая чугунная плита согревала комнату. К плите была придвинута лохань с кипятком, в которую Александр долил холодной воды из колодца. Протянув руку, Гонория ждала, когда он разделется и отдаст ей парусиновые брюки, рубашку и фланелевое белье. Окинув его взглядом, она оценивающе улыбнулась.

– А ты неплохо сложен, Александр, – заметила она и склонилась над лоханью.

Сидеть в теплой воде было так приятно, что он не стал спешить. Положив подбородок на колени, он прикрыл глаза.

Его разбудило прикосновение сильных мозолистых пальцев к спине.

– Здесь ты сам не вымоешься, – заявила Гонория, прохаживаясь мочалкой по его спине.

Она расстелила на полу домотканую ткань, помогла Александру выбраться из лохани, завернула его в суровое полотенце и старательно растерла.

Еще недавно он изнемогал от усталости, а теперь силы вернулись к нему, чувства обострились. Кутаясь в полотенце, он неловко поцеловал хозяйку дома. Поцелуй словно разбудил ее, а Александра затянул в омут почти нестерпимой чувственности. На пол полетело мешковатое платье Гонории, нижняя юбка и панталоны, носки-самовязы, и впервые в жизни Александр Кинросс увидел обнаженную женщину. Ее полные груди притягивали взгляд, Александр никак не мог оторваться от них и в конце концов уткнулся в них лицом, прикрывая соски ладонями. Дальнейшее показалось ему совершенно естественным: Александру не понадобился опыт, чтобы понимать, чего хочет женщина и к чему стремится он сам, и они одновременно достигли вершин головокружительного экстаза, ничем не напоминающего то облегчение, до которого Александр порой нехитрым способом доводил себя сам.

Как-то незаметно они переместились в постель. Александр продолжал предаваться любви с этой удивительной, страстной, прекрасной женщиной, такой же изголодавшейся, как и он.

– Останься со мной, – взмолилась она на рассвете, когда он начал одеваться.

– Не могу, – сквозь зубы выговорил он. – У меня другая судьба, иное предназначение. Если бы я остался здесь, это было бы все равно, как если бы Наполеон всю жизнь провел на Эльбе.

Она не расплакалась, не запротестовала, но пока он седлал лошадь и навьючивал мула, встала, чтобы приготовить ему завтрак. Впервые за время американской одиссеи Александра золото всю ночь пролежало забытое в сарае.

– Предназначение... – задумчиво проговорила Гонория, накладывая в тарелку яичницу с беконом и овсянку. – Смешное какое слово. Я и раньше слышала его, но не думала, что мужчины так серьезно к нему относятся. Может, расскажешь, в чем твое предназначение?

– Стать великим, Гонория. Я должен показать одному ограниченному и мстительному пресвитерианскому священнику, что он пытался уничтожить, и доказать ему: человек способен достигнуть высот, где бы он ни родился. – Он нахмурился, вглядываясь в еще румяное после ночных радостей лицо Гонории. – Милая, заведи четыре или пять больших злобных псов. Ты сильная женщина, они примут тебя за вожака. Обучи их вцепляться в горло непрошеным гостям. Собаки – защита получше дробовика, а кормить их можно кроликами, птицами, чем угодно. И тогда ты мирно доживешь здесь одна до того времени, как явится твой муж. А он придет. Обязательно придет.

Он уехал, а она смотрела вслед с высокого крыльца, пока он не скрылся из виду. Александр гадал, понимает ли она, какая разительная перемена произошла в нем по ее милости. Теперь он знал, откуда взялась смутная боль где-то внутри. Гонория Браун открыла ящик Пан-

доры. Но благодаря ей Александр не пошел по стопам многих других мужчин, вынужденных поступаться гордостью, лишь бы иметь женщин везде, где они пожелают.

Сильнее всего он горевал о том, что не смог поступить, как подсказывало ему сердце, – оставить Гонории мешочек золотых монет, чтобы пережить трудные времена. Конечно, она бы отказалась от предложенного дара и тем самым пристыдила его, а если бы он оставил деньги тайком, она все равно вспоминала бы о нем недобрым словом. Поэтому Александр только наколот ей дров, выполол огород, наладил колодезный ворот, наточил топор и утолил ее жажду.

«Больше я никогда ее не увижу. Так и не узнаю, понесла она от меня или нет. Не пойму, в чем ее предназначение».

К ужасу Александра, Нью-Йорк оказался поразительно похожим на Глазго или Ливерпуль: он так же кишел людьми, обитающими в зловонных трущобах. Отличала его, пожалуй, жизнерадостность бедноты, убежденной, что ей не всю жизнь маяться на самом дне. Отчасти это объяснялось многоязыкостью людей, съехавшихся со всей Европы и расселившихся в городе по национальному признаку. Условия их жизни были ужасны, но в характере не ощущалось унылой безнадежности – неотъемлемой принадлежности британской нищеты. Бедный англичанин или шотландец и не мечтал выбиться в люди и возвыситься, а в Нью-Йорке каждый житель твердо верил, что и на его улице будет праздник.

Это было первое, что успел заметить Александр в городе. С лошадьё и мулом он не расставался и не собирался продавать их, пока не взойдет по трапу на борт корабля, направляющегося в Лондон. Состоятельные горожане, шагающие по широким тротуарам в торговом центре города, улыбались при виде Александра, явно принимая его за деревенщину в кожаных штанах, на заморенной кляче и с терпеливым медлительным мулом на привязи.

После непродолжительного плавания Александр очутился в Лондоне – еще одном знаменитом городе, где до этого никогда не бывал.

– Треднидл-стрит, – назвал он адрес вознице, ставя рядом с собой на сиденье драгоценный ящик с инструментами и золотом.

И не подумав сменить на европейскую одежду свои кожаные штаны, куртку и мягкую широкополую шляпу, Александр втащил ящик в двери финансового оплота Великобритании – Английского банка, поставил на пол, остановился и огляделся.

Служащим банка строго запрещалось проявлять неучтивость и даже пренебрежение к клиентам банка, какими бы они ни были, поэтому клерк встретил Александра широкой улыбкой.

– Вы американец, сэр?

– Нет, шотландец, и мне нужен банк.

– А, понятно. – Почуввав запах богатства, клерк заулыбался еще усерднее, залебезил перед баловнем судьбы, предложил Александру сесть и поспешил за управляющим.

Вскоре перед Александром предстала эта важная персона.

– Чем могу помочь, сэр?

– Меня зовут Александр Кинросс. Я хочу отдать вам на хранение золото в слитках. – Александр пнул носком сапога свой ящик. – Пятьдесят пять фунтов.

Двое младших служащих банка подхватили ящик за ручки и перенесли его в кабинет мистера Уолтера Модлинга.

– Вы хотите сказать, что в одиночку довели пятьдесят пять фунтов золота из Калифорнии до самого Лондона? – вытаращил глаза мистер Модлинг.

– Не пятьдесят пять, а все сто. Сверху в ящике лежат мои инструменты.

– Почему же вы не обратились в банк Сан-Франциско или Нью-Йорка?

– Потому что я доверяю только Английскому банку. Сдается мне, – незаметно для себя, Александр заговорил с акцентом страны, которую недавно покинул, – что если уж лопнет Английский банк, то и весь мир перевернется. А другим банкам я не верю, как я уже сказал.

– Мы польщены, сэр.

Выложив на пол кабинета молотки, ключи, напильники и другие, более замысловатые, инструменты, Александр поднял ложное дно ящика и предъявил управляющему одиннадцать тускло поблескивающих слитков.

– Из амальгамы я его выделил в Коломе, – разговорился Александр, выкладывая слитки на стол, а инструменты убирая обратно в ящик. – Так вы сохраните их для меня?

– Сохранить? В таком виде? – Мистер Модлинг заморгал. – А вы не хотите обратить золото в наличность?

– Нет, потому что в таком виде сразу ясно, что это такое. И я не намерен менять золото на цифры на разрисованной бумаге, мистер Модлинг, сколько бы нулей в них ни было. Но поскольку таскать такую тяжесть неудобно, вы согласитесь принять ее на хранение?

– Конечно-конечно, мистер Кинросс!

«Впервые сталкиваюсь с таким клиентом, – думал Уолтер Модлинг, провожая взглядом рослого и гибкого парня, выходящего из дверей Английского банка. – Александр Кинросс! Банк еще услышит это имя – клянусь содержимым его ящика с инструментом!»

* * *

Из четырехсот фунтов золотыми соверенами, полученных в обмен на американские доллары, Александр не потратил ни фунта – ни на роскошный отель, ни на квартиру, ни на приличный костюм. Вместо этого он купил добротную рабочую одежду из парусины и хлопка, новое фланелевое белье и поселился в кенсингтонском пансионе, где жильцам предлагали сытный домашний стол и чистые комнаты. Он ходил по музеям, общественным и частным художественным галереям, побывал в Тауэре и Музее восковых фигур мадам Тюссо. В одной частной галерее Александр выложил целых пятьдесят фунтов за полотно никому не известного Данте Габриэля Россетти только потому, что женщина на этом портрете была похожа на Гонорию Браун. Когда он принес картину к мистеру Модлингу в Английский банк на хранение, управляющий банком и глазом не моргнул: если Александр Кинросс заплатил за картину пятьдесят фунтов – значит, рано или поздно она станет шедевром. А полотно было написано в прелестной романтической манере.

Прокатившись через всю Англию на поездах, Александр прибыл на север, в деревеньку Охтердерран в графстве Кинросс, расположенную вблизи от одноименного города.

О том, что произошло с Александром Кинроссом на самом деле, Элизабет так и не узнала: ей поведали миф. На родину он вернулся для того, чтобы встретиться с невестой и заручиться согласием ее родителей. Но жениться он пока не спешил, тщеславие гнало его в буквальном смысле слова по стопам великого тезки. Он хотел проделать тот же извилистый путь, которым прошел правитель Македонии, завоевывая новые земли. Александр понимал, что такое путешествие не выдержит ни одна женщина. Потому и решил жениться по возвращении и увести молодую жену с собой в Новый Южный Уэльс. Выбор уже был сделан: старшая дочь дяди Джеймса, Джин, помнилась Александру так отчетливо, словно они виделись только вчера. Эта изящная, как статуэтка, не по годам развитая десятилетняя девочка смотрела на него с обожанием, твердила, что любит его и всегда будет любить. Теперь ей уже шестнадцать – самое время для обручения. Когда он вернется из экспедиции, Джин как раз достигнет восемнадцати лет – брачного возраста.

Одолжив на время лошадь, Александр прискакал в Кинросс в воскресенье днем и первым делом нанес визит дяде Джеймсу. И был принят с нескрываемым отвращением.

– А ты все такой же беспутный, Александр, – процедил Джеймс, впуская гостя в комнату и требуя принести им чаю. – Мне пришлось за свои кровные хоронить твоего отца – ты же исчез неведомо куда.

– Благодарю за деликатность, сэр, – невозмутимо отозвался Александр. – Во сколько обошлись похороны?

– В целых пять фунтов – едва наскреб столько.

Александр выудил монеты из кармана обшитой бахромой кожаной куртки:

– Вот вам шесть, лишний фунт за хлопоты. И давно он умер?

– Год назад.

– Нелепо, должно быть, надеяться, что и старикан Мюррей последовал за Дунканом в ад?

– Мерзавец ты, Александр, и богохульник. И всегда был таким. Слава богу, ты мне не родня.

– Это вам Мюррей сказал? Или Дункан?

– Мой брат унес свой позор в могилу. Доктор Мюррей сказал мне на похоронах – кто-то же должен был узнать правду.

В эту минуту в гостиную вошла Джин, неся поднос с чаем и кексом. Ах, как она похорошела! Точно такой и представлял ее себе Александр – с пушистыми ресницами и аквама-риновыми глазами Гонории Браун. Но он правильно поступил, не желая обманываться: Джин даже не узнала его и уж тем более не вспомнила свои обещания любить его всю жизнь. По Александру она скользнула беглым равнодушным взглядом и тут же выпорхнула из комнаты. Ее можно понять: он заметно изменился. Значит, остается предложить сделку.

– Я приехал просить руки Джин, – сообщил он.

– Шутишь?

– Ничуть. Я прошу Джин оказать мне честь стать моей женой. Да, я знаю, что она еще слишком молода. Но я готов ждать.

– Не дожدهшься! – выпалил Джеймс, у которого разгорелись глаза. – Отдать дочь ублюдку? Да я скорее выдам ее за анабаптиста!

Александру удалось подавить гнев.

– Правду знаем только мы с вами и старик Мюррей, так о чем тревожиться? А я скоро разбогатею.

– Чушь! Где ты болтался?

– Работал подручным кочегара в Глазго.

– Это так ты рассчитываешь разбогатеть?

– Нет, у меня есть про запас еще кое-что... – начал Александр, собираясь рассказать Джеймсу про золото. Тогда-то он заткнется!

Но терпение Джеймса уже лопнуло. Он вскочил, подбежал к двери, рывком распахнул ее и указал на улицу:

– Убирайся вон сию же минуту, Александр как-там-тебя! Ни Джин, ни другую девушку из Кинросса ты не получишь! Только попробуй – и мы с доктором Мюрреем живо поставим тебя к позорному столбу!

– Ловлю тебя на слове, Джеймс Драммонд, – перебил Александр. – Пройдет время, и ты с радостью отдашь за меня дочь. – Он вышел из дома, вскочил на лошадь и усакал.

«Где это он выучился так ловко ездить верхом и откуда у него такая одежда?» – запоздало задумался Джеймс.

В этот момент пятилетняя Элизабет была в кухне вместе с Джин и Энн, училась печь сдобные лепешки. Поскольку Джин ни словом не упомянула, что в доме гость, Элизабет так и не узнала, что в соседней комнате побывал тот самый беспутный подручный кочегара – ее кузен Александр.

Дурацкий был порыв, признался самому себе Александр, пуская коня рысью. Стоило всерьез задуматься, и он понял бы, что ответит Джеймс Драммонд на его предложение. Но Александр был способен думать только о сходстве юной Джин с Гонорией Браун.

«Надо было жениться на Гонории Браун. Но я же сразу понял, что свой клочок земли она никогда не бросит».

Спешить сколачивать состояние уже не требовалось. Александр купил крепкую лошадь, ковбойское седло, разложил имущество по двум седельным сумкам и отправился путешествовать по Европе, всюду отмечая приметы времени: готические соборы, деревянно-кирпичную архитектуру, циклопические замки, а в Греции – некогда величественные храмы, разрушенные от тряски матери-земли. Македония, все еще переживающая распад Османской империи, была более мусульманской, чем при Александре.

Странствуя по Турции, осматривая Иссу, следуя по пути его тезки к югу от Египта, Александр осознал, что материальных следов пребывания правителя Македонии в этих местах не сохранилось. Единственными уцелевшими свидетельствами древней истории были массивные каменные сооружения – пирамиды, зиккураты, святилища, ущелье, где в стены из красного песчаника были врезаны величественные храмы. Вавилон представлял собой город из сырцового кирпича, его висячие сады давно развеялись в тумане веков, и уже ничто не напоминало ни о жизни, ни о смерти Александра Македонского.

Вскоре паломничество Александра приняло иной характер: он стремился уже не повернуть время вспять, а попытаться проникнуться духом Азии и утолить свое ненасытное любопытство. Поэтому он бывал всюду, не боясь отклониться от маршрута войск Александра Македонского. Услышав, что преодолеть горы на востоке Турции невозможно, Александр отправился туда и своими глазами увидел края снежных шапок, розовато-красные от песка, принесенного ветром из Сахары. Его изумляли силы природы, а также способность человека противостоять им.

Из-за войны, продолжавшейся уже десять лет, Александр не решился сунуться в Крым и повернул на восток, к Кавказу и русскому форпосту Баку на Каспийском море. Здесь проходила северная ветвь Великого шелкового пути из Китая. Столица унылого края, почти не знающего дождей, Баку, представляла собой горстку ветхих домишек, притулившихся на склоне холма. В этом безрадостном месте Александр нашел целых два чуда. Первым была икра. Вторым – местные колесные пароходы, паровозы и паровые двигатели. На чем они работали, поначалу оставалось для Александра загадкой: вблизи Баку не было ни угля, ни дерева.

Зато в окрестностях города имелось множество скважин для вещества, которое одни называли нефтью, другие – битумом, а химики – нефтью. Иногда эти скважины вспыхивали и выплескивали высоко в небо фонтаны пламени – как понял Александр, горела не сама нефть, а сопутствующие ей газы.

Возвращаясь из Египта, он добрался до аравийского побережья Красного моря, планируя побывать в Мекке, но один опытный путешественник-англичанин отсоветовал ему, объяснив, что «неверных» там не жалуют. А Баку оказался Меккой, Римом или Иерусалимом другой религиозной секты – приверженцев Мазды, бога огня. Они стекались со всей Персии поклоняться огненным газам и придавали и без того экзотическому городку особые, неповторимые нюансы звуков, цветов и обычаев.

К сожалению, Александр не знал ни русского, ни французского, ни фарси или другого языка, понятного в Баку, а найти в городе англичан ему не удалось. Оставалось лишь строить догадки о том, как этот неразвитый народ, лишенный таких природных богатств, как дерево или уголь, научился применять нефть как топливо. После внимательного изучения горящих скважин Александр пришел к выводу, что воду в горячий пар превращают сгорающие газы, но не сама нефть. Значит, при сгорании газа в камере двигателя, над емкостью с нефтью, это

вещество тоже начинает испускать газы. Удивляло то, что дыму от этой маслянистой жидкости было гораздо меньше, чем от угля или дерева.

Из Баку он попал на юг Персии, где путь ему снова преградили горы, похожие на Скалистые. Возле горного массива Эльбурс, более низкого и менее скалистого, Александр опять наткнулся на месторождения нефти. Руины в окрестностях Персеполя выглядели внушительно, но Александру пришлось поспешить на север: его кожаные одежды совсем износились, а в большом городе Тегеране он надеялся купить или заказать новую куртку и штаны из замши. Найденный материал оказался таким мягким и удобным, что он щедро заплатил обрадованному портному, а запасные костюмы отослал на хранение в Английский банк, мистеру Уолтеру Модлингу. В этом был весь Александр: портному он доверял и не видел ничего особенного в том, чтобы поручить банкиру охрану своего имущества. К тому времени Александр настолько привык общаться на языке жестов и рисунков, что порой фантазировал, как судьба заносит его в страну медведей, а ему удастся объясниться и с медведями. Вероятно, потому, что он был одинок и не выделялся ничем, кроме явной принадлежности к чужестранцам, в странствиях ему никогда и никто не угрожал; с пятнадцати лет Александр старался честно отрабатывать любое угощение. Это невольно внушало уважение, и его уважали.

Помимо костюмов из замши, мистеру Модлингу были отосланы две иконы, купленные в Баку, превосходная мраморная статуя из Персеполя, громадный шелковый ковер из Вана, а на базаре в Александрии неутомимый путешественник приобрел картину – торговец уверял, что купил ее у офицера наполеоновской армии, а тот вывез полотно из Италии. Этот шедевр обошелся Александру в пять фунтов, но чутье подсказывало, что его подлинная стоимость гораздо выше – картина была старой и чем-то походила на недавно купленные иконы.

Словом, Александр радовался жизни, наверстывал упущенное в детстве и за все годы, проведенные в Глазго. В конце концов, ему едва перевалило за двадцать пять, время было на его стороне, а здравый смысл подсказывал, что каждый день вносит новую крупницу в его образование, в копилке которого уже хранились путешествия, латынь и греческий. Когда-нибудь с Александром будут считаться не только потому, что он богат.

Но всему на свете рано или поздно приходит конец. За пять лет Александр объездил все мусульманские страны, Центральную Азию, Индию и Китай, а потом отплыл из Бомбея в Лондон. Плавание прошло быстро и легко – благодаря недавно открытому Суэцкому каналу.

Александр заранее предупредил мистера Уолтера Модлинга, что явится в Английский банк в два часа пополудни, поэтому достойному джентльмену хватило времени подготовиться к торжественной встрече по всем правилам этикета Треднидл-стрит. Кроме того, мистер Модлинг успел распорядиться перенести с чердака его собственного дома присланные на хранение вещи и доставить их в кабинет, где громоздкий тюк, обшитый парусиной, едва уместился возле письменного стола.

Облаченный в замшу Александр вошел в кабинет и хлопнул по столу чеком на пятьдесят тысяч фунтов, а потом, посмеиваясь одними глазами, уселся в кресло для посетителей.

– А слитков нет? – осведомился мистер Модлинг.

– Там, где я побывал, их не нашлось.

Мистер Модлинг взгляделся в обветренное лицо, осмотрел аккуратную черную эспаньолку и разметавшиеся по плечам Александра кудри.

– Сэр, у вас удивительно здоровый вид – особенно если вспомнить, где вы побывали.

– Ни дня не хворал. Вижу, мои костюмы уже прибыли. А остальные вещички дошли?

– Ваши «вещички», мистер Кинросс, причинили служащим банка немало неудобств. Это вам не почта!

Однако я взял на себя смелость вызвать оценщика и выяснить, стоит ли поместить ваше имущество на склад или выделить ему место в подвалах банка. Эта статуя греческая, второго века до нашей эры, иконы византийские, в ковре шестьсот двойных шелковых узлов на квадратный дюйм, картина принадлежит кисти Джотто, вазы чеканные эпохи Мин, а ширмы – неизвестной династии, правившей полторы тысячи лет назад. Поэтому все эти ценности были отправлены в подвалы банка. Тюк мне пришлось хранить у себя дома на чердаке – насколько я понял, в нем новая и весьма экстравагантная одежда. – Мистер Модлинг безуспешно пытался напустить на себя серьезность. Он внимательно изучил чек. – Что это за деньги, сэр?

– Плата за алмазы. Сегодня утром продал их одному голландцу. Он неплохо нажился на этой сделке, но цена меня устроила. Мне больше нравилось искать алмазы, – с улыбкой объяснил Александр.

– Алмазы? Разве их добывают не в шахтах?

– В последнее время – да. Но я нашел место, где со времен Адама драгоценные камни валяются под ногами – на каменистом дне мелких речушек, сбегających с вершин Гиндукуша, Памира и Гималаев. В Тибете есть чем поживиться. Негражденные алмазы похожи на гальку, особенно если они покрыты коркой железосодержащих минералов. Если бы алмазы сверкали, их давным-давно обнаружили бы. Но я искал их там, где еще никто не додумался начать поиски.

– Мистер Кинросс, – с расстановкой произнес Уолтер Модлинг, – вы уникам. Вы наделены даром Мидаса – превращать в золото все, к чему прикасаетесь.

– Раньше я и сам так думал, но потом понял, в чем дело. Сокровища мира достаются тому, кто умеет их разглядеть, – объяснил Александр Кинросс. – В этом весь секрет. Мало просто смотреть – надо видеть. Такое редко кому удается. Судьба стучится в двери не один раз – она постоянно выбивает звонкую дробь.

– И эта судьба позвала вас в финансовые круги Лондона?

– Боже упаси! – ужаснулся Александр. – Я отплываю в Новый Южный Уэльс. На этот раз за золотом. Мне нужен кредит какого-нибудь сиднейского банка – подыщите банк поприличнее! Расплачусь золотом.

– Сэр, большинство банков имеет безупречную репутацию, – с достоинством отвечивал мистер Модлинг.

– Чушь, – презрительно отрезал Александр. – Сиднейские банки ничем не лучше тех, что в Глазго или Сан-Франциско, – ворья везде хватает. – Он поднялся и легко подхватил громоздкий тюк. – Можно оставить вам мои сокровища, пока я не придумаю, как с ними быть?

– За умеренную плату.

– Это само собой. Ну все, я поехал в «Таймс».

– Мистер Кинросс, если вы сообщите мне, где остановились, я пришлю вам одежду.

– Нет, меня снаружи ждет извозчик.

Любопытство разобрало мистера Модлинга, он не удержался и спросил:

– В «Таймс»? Желаете опубликовать статью о своих путешествиях?

– Только этого мне не хватало! Нет, дам объявление. Не хочу сидеть без дела целых два месяца, пока не доплыву до Нового Южного Уэльса. Найму учителя и буду зубрить французский и итальянский.

По-английски Джеймс Саммерс говорил с плебейским мидлендским акцентом (по мнению сведущих людей), однако в рекомендательных письмах говорилось, что слушать его французский и итальянский – одно удовольствие. Джеймс объяснил, что его отцу принадлежала английская пивная в Париже, где маленький Джим провел первые десять лет жизни, а впоследствии – такое же заведение в Венеции. Из многочисленных претендентов Александр выбрал именно Джеймса – за его любопытную двойственность. Его мать, француженка из хорошей семьи, заставила сына перечитать всю французскую классику. После смерти матери Джеймса

его отец женился на образованной итальянке, бездетной и потому посвятившей всю жизнь пасынку. Однако ни малейшей склонности к учению Джеймс Саммерс не имел!

– С какой же стати вы решили учительствовать? – спросил Александр.

– Чтобы добраться до Нового Южного Уэльса, – простодушно объяснил Саммерс.

– А зачем вам туда?

– Ну, с моим выговором дорога в Итон, Харроу и Винчестер закрыта. Английский у меня – как у деревенщины из Сметика, откуда родом мой папаша. – Он пожал плечами. – И потом, мистер Кинросс, торчать в классе мне не по вкусу, а места гувернера мне не видать как своих ушей, так? Вообще-то я люблю тяжелый труд, ручной. И ответственности не боюсь. Может, в Новом Южном Уэльсе найду себе дело по душе. Я слыхал, там работников подбирают не по выговору.

Александр откинулся на спинку кресла и окинул Джима Саммерса пытливым взглядом. В этом человеке было что-то притягательное – пожалуй, врожденная независимость в сочетании со смирением, необходимым, чтобы доверять людям, превосходящим его по опыту и разуму. Александр догадывался, что отец Саммерса был строг, но справедлив и, похоже, отличался редкостным качеством: продавая спиртное другим, сам к нему не притрагивался. Поэтому Джеймс, воспитанный женщинами, избрал примером для подражания отца. Человека, готового служить, но не прислуживать.

– Место учителя за вами, мистер Саммерс, – объявил Александр. – Очень может быть, что и после прибытия в Сидней мы не расстанемся. Конечно, если вы согласны служить мне. Когда я научусь итальянскому и французскому, мне понадобится свой Пятница – не поймите меня превратно.

Простоватое, но приятное лицо осветила улыбка.

– О, спасибочки вам, мистер Кинросс! Вот спасибо-то!

В Сидней они прибыли 13 апреля 1872 года, в день двадцатидевятилетия Александра. Путешествие продолжалось больше года – во-первых, потому, что обучение иностранным языкам шло медленнее, чем предполагалось, а во-вторых, потому, что Александр захотел повидать Японию, Аляску, Камчатку, северо-запад Канады и Филиппины.

В Джиме Саммерсе он нашел идеального, неутомимого и энергичного партнера: Джим с удовольствием занимался любой работой, изучал любую страну, с готовностью принимал каждое предложение и решение хозяина. К Александру он обращался «мистер Кинросс» и предпочитал ответное обращение «Саммерс» более непринужденному и товарищескому «Джим».

– Хорошо еще, – рассуждал Александр в конце первого дня пребывания в Сиднее, – Сан-Франциско расположен на полуострове, вдающемся в гигантский залив, потому сточные воды в нем не скапливаются. А Сидней раскинулся на берегах гавани и как бы обнимает ее, поэтому все нечистоты скапливаются в небольшом объеме воды. Здешняя вонь невыносима – как в Бомбее, Калькутте и Вампоа. Да вдобавок, вместо того чтобы бежать в глубь материка, подальше от гавани, эти дурни установили трубу для нечистот на самом краю главного городского парка! Жуть!

Втайне Саммерс считал, что мистер Кинросс слишком суров к Сиднею, который самому Саммерсу казался прекрасным. Впрочем, он уже заметил, что мистер Кинросс наделен на диво чутким обонянием. И удивительным чутьем: пробыв в Юконе всего один день, мистер Кинросс умудрился унюхать золото, а его в Юконе хоть пруд пруди.

– Но поскольку у меня нет ни малейшего желания трястись от холода всю зиму, мы здесь не задержимся, Саммерс, – заявил Александр.

Неудивительно, что, едва предъявив аккредитив в банке, рекомендованном мистером Модлингом, Александр поспешил на поезд, а потом дилижансом добрался до Батерста – горо-

дишки, буквально со всех сторон окруженного золотыми приисками. Несмотря на это, в Батерсте жили отнюдь не золотоискатели, поэтому городок, по представлениям Александра, был тихим, чистеньким и добропорядочным.

Вместо того чтобы поселиться в отеле или пансионе, Александр арендовал в пригороде коттедж на участке площадью в несколько акров и поселил в нем Саммерса.

– Найдите какую-нибудь женщину – пусть убирает в доме и стряпает, – распорядился Александр, отдавая Саммерсу список поручений. – Платите ей чуть больше, чем обычно платят за такую работу в городе, и она будет держаться за место мертвой хваткой. Я на прииски, на разведку, а вы пока закупите все, что нужно, по списку. Вот доверенность, по ней в банке вам будут выдавать деньги с моего счета. Если вести конторские книги вы не умеете, придется научиться. Найдите счетовода, заплатите ему – пусть он вас обучит. – Александр вскочил в американское ковбойское седло, которое привез с собой. Дорожный скарб он заранее разложил по седельным сумкам. Славную гнедую кобылу он купил в городке. Для долгих поездок верхом ковбойское седло подходило больше, нежели английское. – Когда вернусь – не знаю, так что ждите меня в любое время.

И он порылся прочь в своем замшевом костюме и широкополой шляпе.

Всю неделю в Батерсте Александр развивал бурную деятельность – в основном добывал сведения у городских и приисковых властей, трех местных землевладельцев, лавочников и завсегдатаев баров в отелях. Александр узнал, что наносные месторождения почти полностью выработаны, но в Хилл-Энде и Галгонге обнаружены золотоносные пласты и вторая волна «золотой лихорадки» уже начинается.

В эпоху первых приисков правительство Нового Южного Уэльса, а также правительство Виктории, где месторождения были еще крупнее, так отчаянно стремились нажиться на природных богатствах, что установили астрономическую цену в тридцать шиллингов за лицензию золотоискателя сроком действия всего один месяц. В Виктории возмущение старателей и безжалостные действия сборщиков налогов чуть не привели к революции. В итоге стоимость лицензии снизили до двадцати шиллингов, а действовала она целый год. Но Александр в лицензии не нуждался – зачем себя выдавать?

Главная улица Хилл-Энда, больше напоминающая проселочную дорогу, была запружена гигантскими подводами, влекомыми десятью, а то и двадцатью быками, точными копиями американских почтовых дилижансов с надписями «Кобб и К°» на боках, фургонами, двуколками и колясками, пешими путниками и всадниками, многочисленными женщинами и детьми. Одежда мужчин поражала разнообразием: элегантные столичные костюмы и котелки соседствовали с мешковатыми штанами, фланелевыми рубашками и широкополыми шляпами, в то время как женская выглядела более однообразно: платья из гинема или коленкора немарких цветов, соломенные шляпы с низко опущенными полями или чепцы, мужские ботинки. Детей всех возрастов, от младенцев до юношей и почти девушек, одевали чаще всего в тщательно залатанные лохмотья. Курением и жеванием табака баловались даже восьми-девятилетние мальчишки.

Должно быть, думал Александр, так выглядели дороги к калифорнийским приискам в разгар «золотой лихорадки». Как похоже на Америку! Все эти дилижансы, фургоны, переселенцы. А жители Сиднея все как один не слишком успешно притворялись англичанами. Печально. Небританцев сюда и калачом не заманишь, а горожане решили хранить верность корням.

Городок Хилл-Энд походил на десятки других таких же поселений, рассеянных по всему миру: ухабистые грязные дороги в сырую погоду превращались в болота, вдоль обочин теснились хижины, лачуги, палатки. Однако в городе имелась внушительная церковь из красного кирпича и еще два кирпичных здания, в том числе с вывеской «Королевский отель». По ули-

цам сновали китайцы – и кули с тонкими косицами, и слуги в деловых английских костюмах и котелках на стриженных головах. Несколько пансионеров принадлежало китайцам, как и ряд лавок и ресторанов.

Над городком разносились знакомые звуки: доводящее до помешательства уханье взрывов, непрерывный грохот дробилок. Вся эта какофония слышалась со стороны Хокинс-Хилла, где обнаружили золотоносный пласт, мгновенно обросший уродливыми хибарами рудокопов, копрами, лебедками и паровыми двигателями. Но последние встречались редко: владельцы приисков предпочитали лошадиную силу. Александру не понадобилось много времени, чтобы убедиться: источников воды поблизости мало, о размыве пласта струей под давлением нечего и мечтать – воды из мелкой и узкой речушки для этого не хватит. А дерево, как ему объяснили, в здешних местах твердое, как сталь.

– Чертовски неблагодарный труд. А место богатое, – подытожил осведомитель.

Приуныв, Александр посмотрел в сторону «Королевского отеля» и решил, что сейчас ему не до роскоши. На Кларк-стрит он присмотрел постоялый двор – мазанку, крашенную в бледно-розовый цвет, под ржавой железной крышей, с навесом над дверью и коновязью у корыта. Ярко-алые буквы вывески гласили «У Коствен». «Вот это в самый раз», – сказал Александр себе, привязал кобылу поближе к корыту и вошел в открытую дверь.

В такой час почти все мужское население Хилл-Энда разрабатывало свои участки, поэтому в прохладном, но неожиданно элегантном зале было немногочисленно. Вдоль одной стены тянулась стойка красного дерева, в просторной комнате размещались не только столы и стулья, как в любом салуне, но и пианино.

Никто из полдюжины посетителей и бровью не повел – вероятно, все они уже успели захмелеть. В баре торговала женщина.

– Ого! – шумно обрадовалась она. – Янки!

– Шотландец, – поправил Александр, разглядывая ее в упор.

Рослая незнакомка оказалась достойна пристального взгляда. Ее пышное тело тисками сжимал корсет, полукружия сливочно-белых груди грозил вывалиться из глубокого декольте красного шелкового платья, рукава которого сползали, обнажая великолепные плечи. Ее шея была длинной, подбородок – маленьким и четко очерченным, а лицо – настолько своеобразным, что приковывало взгляд. Пухлые губы, короткий прямой носик, высокие скулы, брови вразлет и зеленые глаза. Раньше Александру казалось, что по-настоящему зеленых глаз в природе не бывает, но теперь он воочию увидел их. Глаза цвета берилла или перидота. Это изумительное лицо обрамляли пышные густые волосы оттенка червонного золота.

– Шотландец, – повторила хозяйка бара, – но побывавший в Калифорнии.

– Да, несколько лет как оттуда. Меня зовут Александр Кинросс.

– А я Руби Коствен, а это... – она повела изящной рукой, – мое заведение.

– А комнаты вы сдаете?

– Жилье найдется для тех, кому по карману платить фунт за ночь. – У нее был грудной, чуть хриловатый голос и заметный акцент уроженки Нового Южного Уэльса.

– Мне по карману, миссис Коствен.

– Мисс, но лучше зови меня просто Руби. Так делают все, кто по воскресеньям в церковь не ходит. А для святош у меня нет имени – кличут распутницей. – И она усмехнулась, показав ровные белые зубы и ямочку на щеке.

– Руби, а постояльцев здесь кормят?

– Только завтраком и ужином, обед – за особую плату. – Она кивнула в сторону батареи бутылок: – Что будешь пить? Есть домашнее бочковое пиво, найдется и кое-что покрепче... Как тебя? Алекс или Александр?

– Александр. Мне бы чашку чаю.

Руби удивленно вытаращила глаза:

– Чтоб мне провалиться! А ты, случаем, не церковник? Да нет, ни в жизнь не поверю!

– Я – исчадие ада, но весьма благопристойное. Грешен в одном: люблю побаловаться сигарами.

– Ясно, – кивнула Руби. – Матильда! Дора! – закричала она во весь голос.

Когда в дверях возникли две девушки, Александр понял, чем привлекает постояльцев заведение Коствен. Девушки были молоденькие, миловидные и чистенькие, но от них веяло пороком.

– Что? – спросила брюнетка Матильда.

– Будь умницей, пригляди за баром. А ты, Дора, вели Сэму заварить нам с мистером Кинроссом чаю.

Блондинка кивнула и исчезла, Матильда встала за стойку.

– Садись, Александр, в ногах правды нет, – продолжала Руби, располагаясь за самым удобным столом – полированным в отличие от остальной мебели в салуне. Из кармана юбки хозяйка извлекла плоский золотой футляр, открыла его и протянула Александру: – Сигару?

– Спасибо, лучше сначала чаю. Пыли наглотался.

Руби закурила сама, глубоко затянулась и выпустила дым из ноздрей. Тонкие голубоватые струйки поплыли над ее головой, а Александр вдруг испытал почти болезненный, щемящий трепет, как порой бывало в мусульманских странах, когда ему удавалось мельком увидеть подведенные сурьмой глаза обольстительной красавицы. Мусульмане прятали своих женщин под паранджами, но они тем не менее обладали непреодолимой притягательностью. К таким принадлежала и Руби.

– Удачно съездил в Калифорнию, Александр?

– В целом да. Мы с партнерами наткнулись на жилу золотоносного кварца в предгорьях Сьерры.

– Хватило, чтобы разбогатеть?

– Отчасти.

– Что, сразу все промотал?

– Ну нет, я не дурак, – негромко возразил Александр, блеснув глазами.

Вдруг встревожившись, она заговорила было, но тут дверь кухни отворилась, и мальчуган лет восьми выкатил тележку с большим чайником под самодельным чехлом, двумя чайными приборами тончайшего фарфора, блюдом элегантных сэндвичей и бисквитно-кремовым тортом.

При виде мальчика, самого прелестного ребенка, какого доводилось видеть Александру, Руби просияла. Маленький официант, тонкий и грациозный, выглядел экзотично и держался невозмутимо и с достоинством.

– Это мой сын Ли, – пояснила Руби, притягивая к себе мальчика и целуя его. – Спасибо, котенок мой нефритовый. Поздоровайся с мистером Кинроссом.

– Здравствуйте, мистер Кинросс, – послушно произнес Ли, подражая улыбке Руби.

– А теперь беги. Живо, постреленок!

– Так ты была замужем, – произнес Александр.

Руби высокомерно приподняла светлые брови:

– Не была. Никакой силой не заставишь меня выйти замуж ни за кого – да, Александр Кинросс, нет на земле такой силы! Самой совать голову в чужое ярмо? Еще чего! Да лучше сдохнуть!

Почему-то эта вспышка не удивила Александра: интуитивно он уже понял, какие черты преобладают в характере Руби. Независимость. Гордость обладательницы. Презрение к добродетели. Но ребенок озадачил его: эта темно-бежевая кожа, странный разрез зеленых глаз, блеск иссиня-черных прямых волос...

– Отец Ли – китаец? – спросил он.

– Да, Сун Чжоу. Он согласился дать нашему сыну имя Ли Коствен и воспитать его как англичанина – при условии, что он вырастет джентльменом. – Руби разливала чай. – Раньше Сун Чжоу был совладельцем моего заведения, но, когда родился Ли, я выкупила его долю. А Сун Чжоу так и живет здесь, в Хилл-Энде, обзавелся прачечной, пивоварней, парой домов с меблированными комнатами. Мы с ним дружим.

– И все-таки сына он отдал тебе?

– А как же. Ли – полукровка, так что настоящим китайцем ему не быть. Сун Чжоу скопил денег и выписал себе жену из Китая, у него уже двое сыновей-китайцев. Младший брат Сун Чжоу, Сэм Вон – вообще-то его фамилия Сун, но Вон решил стать Сэмом, – служит у меня поваром и недурно зарабатывает. Кому-то из братьев приходится мотаться в Китай, умасливать предков и родню, вот Сэм и взял это дело на себя. На руки он получает лишь половину жалованья, остальное я кладу на его счет в банк: чем больше денег он привозит домой, тем больше требует родня. – Руби хохотнула. – А Сун... ну, он вернется домой разве что в виде праха в шикарной вазе, расписанной драконами.

– Какое же будущее ты прочишь сыну, если воспитываешь его джентльменом? – полюбопытствовал Александр, зная участь внебрачных детей.

Сияющие глаза вмиг наполнились влагой; Руби сморгнула.

– Я все уже продумала, Александр. Через два месяца мы с Ли расстанемся. – Снова справившись со слезами, она продолжала: – На целых десять лет. Он уезжает учиться в Англию, в закрытую частную школу. Туда принимают учеников-иностранцев, отцы которых – паши, раджи, султаны, восточные властители всех мастей, мечтающие об английском образовании для детей. Чтобы выжить там, Ли придется доказать свой ум и способности. Но когда-нибудь его одноклассники сами будут править странами, союзниками Британии. Они сумеют помочь Ли.

– Руби, ты слишком многого требуешь от малыша. Сколько ему – восемь или девять?

– Скоро исполнится девять. – Она в четвертый раз наполнила чаем чашку Александра и придвинулась ближе, увлекшись разговором. – Ли все понимает: и про полукровок, и про мое положение в обществе – все-все. Я от него ничего и никогда не скрывала, но не хочу быть для него позорным клеймом. Мы оба сильны духом и практичны. Без него моя жизнь будет мукой, но ради сына я еще и не то выдержу. Если я отправлю его учиться в Сидней или даже в Мельбурн, рано или поздно правда откроется. Но никто не найдет его в английской школе для чужестранных господ. У Суна есть двоюродный брат Во Фат, он поедет вместе с Ли – как его слуга и опекун. В начале июня они отплывают.

– Мальчику придется тяжело, даже если он все понимает.

– По-твоему, я совсем без ума? Но он сам так решил. Ради меня.

– Подумай хорошенько, Руби. Вряд ли он, когда вырастет, поблагодарит маму за то, что отослала его за море в таком нежном возрасте, отправила прямиком в львиный ров английской частной школы. Взрослеть среди чужого богатства и роскоши, каждую минуту сознавая, что прежние товарищи разорвут его в клочья, если узнают, кто он такой... нет, Руби, этого никому не вынести, – заявил Александр, сам не понимая, зачем защищает ребенка, которого видел лишь мельком. Но что-то в распахнутых, незащищенных глазах мальчика, совсем не похожих на глаза Руби, заворожило его.

– А ты, смотрю, из упорных. – Руби поднялась. – Ты верхом? Тогда веди лошадь в конюшню на заднем дворе. А там животиной займется Чань Хэй. Фураж в Хилл-Энде дорог, за кормежку лошади приплатишь пять монет за ночь. Матильда, отведи мистера Кинросса в голубую комнату. Там ему, голубчику, самое место. – И она ушла за стойку бара. – Ужин подадут, когда скажешь, – бросила она вслед Александру, уходящему вслед за Матильдой.

В обстановке Голубой комнаты и вправду преобладал угнетающий блекло-синий цвет, но в остальном здесь было просторно и уютно. От липнувшей к нему Матильды Александр легко отделался, поспешив отвести лошадь в конюшню; девица явно рассчитывала на щедрую оплату услуг.

Через две комнаты от Голубой нашлась ванная – как рассудил Александр, ничем не лучше и не хуже любой ванной в Хилл-Энде. Уборную заменяла выгребная яма на заднем дворе – о ватерклозетах в Хилл-Энде и не слыхивали! Очевидно, местные жители испытывали острую нехватку воды.

Помывшись и побрившись, Александр улегся на голубую постель и крепко уснул.

Его разбудил шум: заведение Коствен оживало, а это означало, что городские рудокопы на сегодня покончили с работой. Александр зажег керосиновую лампу, переделся в чистый замшевый костюм и спустился вниз, чтобы поужинать. В том крыле дома, где Руби принимала пятерых постояльцев, девиц не обнаружилось. Зайдя в конюшню проведать лошадь, Александр заметил, что кухня размещается в отдельном строении, на случай пожара, и потом увидел, что от большого здания отходит еще одно крыло. У этой Руби есть деловая хватка и жестокости хоть отбавляй. Несчастный мальчишка!

В салуне было не протолкнуться. Посетители выстроились вдоль стойки в три ряда, заняли все столы, кроме хозяйкиного. Еду и напитки подавали Матильда, Дора и еще три девушки. Александр решил сесть за стол Руби и направился к нему, провожаемый любопытными взглядами. Большинство посетителей были еще сравнительно трезвыми.

– Я Морин, – отрекомендовалась рыжая девчонка в зеленых кружевах. Таких веснушчатых лиц Александр еще не видывал: казалось, Морин чем-то вымазалась, чтобы казаться загорелой. – Могу подать жареную ножку поросенка с хрустящей корочкой, жареной картошкой и отварной капустой, а на сладкое – вареный пудинг с изюмом и заварным кремом. А коли не хотите, Сэм приготовит вам еще чего-нибудь.

– Нет, спасибо, Морин, неси что есть, – ответил Александр. – Матильду и Дору я знаю, а как зовут ваших подружек?

– Вон та раскосая брюнетка – Тереза, а с наколками на руках – Агнес. – Морин хихикнула. – Говорят, она раньше в Сиднее работала, в таверне где-то в Роксе¹.

Стало быть, девчонки Руби далеко не первой свежести. Впрочем, пользоваться их услугами Александр не собирался – сколько за них просят в Хилл-Энде? – и потому занялся великолепно приготовленным ужином. Хозяйке заведения повар Сэм Вон обходился недешево, но стряпать он и вправду умел. Александр мысленно наметил как-нибудь до отъезда уговорить Сэма приготовить ему настоящую китайскую еду.

Руби распорядилась за стойкой и так захлопоталась, что Александру перепал лишь приветственный взмах рукой; хотелось бы знать, задумался он, во всех ли заведениях Хилл-Энда хозяйки настолько деятельны, и решил, что не во всех. Торговля живым товаром процветала: то и дело кто-нибудь из девиц удалялся в сопровождении жертвы, а когда через считанные минуты распутницы возвращались, их уже ожидала очередь. В городке наверняка имелись и блюстители порядка, и Руби скорее всего откупалась от них.

Ощущая приятную тяжесть в желудке, Александр откинулся на спинку стула, раскурил сигару, придвинул поближе чашку чаю и принялся наблюдать. Он сразу заметил, что за услуги девиц плату вперед получала Руби.

Когда подвыпившие посетители подобрели, Руби направилась к пианино. Оно стояло у входной двери и было повернуто так, что музыкантшу видели все присутствующие в зале. Поддернув юбки, чтобы не путались под ногами, Руби положила руки на клавиатуру, зазвучала музыка. Александр замер и с трудом подавил нелепое желание прикрикнуть на пьянчуг, заста-

¹ Рокс – исторический район Сиднея, в прошлом – место скопления таверн, публичных и игорных домов.

вить их помолчать и послушать – так хорошо она играла! Репертуар Руби состоял из незамысловатых популярных песенок, но пианистка украшала их виртуозными пассажами, свидетельствовавшими, что ей по плечу и Бетховен, и Брамс.

До приезда в Америку Александр редко задумывался о музыке – по той простой причине, что толком не слышал и не знал ее. Но в Сан-Франциско его занесло на концерт Шопена, и он страстно увлекся им. С тех пор Александр бывал на концертах повсюду, где только мог, – в Сент-Луисе и Нью-Йорке, Лондоне и Париже, Венеции и Милане, в Константинополе и даже в Каире, где попал на премьеру «Аиды», которую Верди сочинил к открытию Суэцкого канала. Александру было все равно, что звучит – опера, симфония, инструментальное соло или песенки, которые принято слушать в салунах вроде заведения Коствен. Музыка всегда музыка.

А между тем вдохновенная пианистка из Хилл-Энда аккомпанировала себе и пела «Лорену» – меланхоличный, задумчивый вальс, который Александр впервые услышал во время своей американской одиссеи и с тех пор наслушался в разном исполнении – и без аккомпанемента, и под визгливые звуки концертино или губной гармоники.

Мы были счастливы, Лорена,
Любовь страшились потерять.
О, как гордились мы, Лорена,
Не смели на судьбу роптать.
Но годы пронеслись стрелою,
К чему былое ворошить?
Пора проститься нам с любовью,
Минувшего не возвратить.

Когда отзвучало сладкое и сильное контральто Руби, расчувствовавшиеся рудокопы взорвались истерическим шквалом аплодисментов, требовали повторения на бис, не желали отпускать певицу.

«Ее можно полюбить за одну эту песню», – думал Александр, незаметно удаляясь в Голубую комнату, чтобы ненароком не сказать Руби лишнего.

Кто-то уже развел в камине огонь; после наступления темноты в Хилл-Энде резко холодало – шел май, приближалась зима. Слава богу, в комнате тепло! Не придется спать в теплом белье. Александр подбросил в камин угля – вот это да, уголь! Откуда он взялся? В округе как будто нет угленосных пластов, а ближайшая железная дорога – боковая ветка в Райдале, до нее и не доберешься.

Видимо, дневной сон освежил Александра, поэтому усталости он не чувствовал; выудив из седельной сумки Плутарха, он подкрутил фитиль керосиновой лампы, чтобы было удобнее читать, и нагишом забрался в постель, в которую кто-то заботливо подложил грелку.

Неожиданно приоткрылась дверь: Александр прекрасно помнил, что запер ее. Но разумеется, у хозяйки постоянного двора имелись ключи от всех комнат. Вошла Руби в кружевном пеньюаре со множеством оборок. При каждом шаге пеньюар распахивался, открывая взгляду пару длинных стройных ног, обутых в отделанные лебяжьим пухом туфельки без задников, на тонких каблучках. Роскошные волосы ниспадали на спину, совсем как у леди Годивы.

Заглянув через плечо Александра в книгу, Руби возмутилась:

– Что за китайская грамота?

– Это греческий. Плутарх, жизнеописание Перикла.

Она оттеснила его бедром, присела на край кровати и принялась развязывать ленту спереди на пеньюаре.

– Ты загадка, Александр Кинросс, тайна за семью печатями, ясно? Я тоже знаю мудреные слова, хотя нигде не училась. Но ты прямо ученый. Стало быть, греческий понимаешь? И латынь?

– Да. А еще французский. И итальянский, – с нескрываемой гордостью подтвердил он.

– И могу поклясться, побывал не только в Калифорнии. Я с первой минуты поняла, что ты не из простых. – Лента наконец поддалась, Руби спустила пеньюар с плеч, обнажив полную высокую грудь безупречной формы. Ее талия была тонкой, а живот плоским даже без корсета.

– Да, я много где побывал, – с притворной невозмутимостью подтвердил Александр. – Ты пришла обольстить меня или ввести в искушение?

– Сдается мне, ты долго якшался со святошами.

– Даже вырос среди них.

– Сразу видно, а я от тебя такого не ожидала. От тебя я хочу любви, и не смей даже заикаться о деньгах! Когда содержишь бордель, горбятятся девчонки, которым ты платишь, и незачем убажывать посетителей самой. Имей в виду: я разборчивая, целых девять лет ни с кем ни сном ни духом! Так что можешь гордиться, парень.

– То есть до меня ты была близка только с отцом Ли? И что же между нами общего?

– Съехидничал бы сейчас – заработал бы затрещину. Но ты просто спросил. Мне нравятся китайцы, среди них попадаются и красавцы, и рослые ребята. Ты на китайца не похож, но такой смуглый – прямо как сатана. – Хмыкнув, Руби уронила пеньюар на пол. – Небось нарочно прикидываешься дьяволом, Александр Кинросс. – Зеленые глаза вспыхнули. – Ну, так что скажешь? Или ты не в настроении?

Несмотря на протесты разума, тело требовало наслаждений, и даже Александру Кинроссу порой бывало не под силу подавлять в себе то, что пресвитериане именовали низменными желаниями. Впрочем, Руби могла бы совратить и святошу, а Александр на святость не претендовал. Само собой, после Гонории Браун он познал и других женщин – с разным цветом кожи, внешностью, прошлым. Их объединяло одно: все они обладали особым, неуловимым и неосязаемым свойством, которым наделен далеко не каждый человек. И перед Руби тоже было невозможно устоять.

Роскошная, страстная, чувственная и искушенная – вот какая она была, и либо таинственный Сун Чжоу обучил ее высшему искусству соитий, либо, несмотря на длительное воздержание, у нее был богатый опыт. Александр упивался ею, позабыв про былую привередливость. И, будто понимая, что начавшееся уже никогда не кончится, не думал ни о чем.

– Почему ты ни с кем не была близка после Сун Чжоу? – спросил он, запуская пальцы в пышную гриву Руби.

– Я безвылазно сижу здесь, в Хилл-Энде. Знаешь поговорку? В своем гнезде не гадают.

– А я? Меня ты тоже встретила здесь.

– Ты перекаатиполе, в Хилл-Энде не удержишься. День-другой – и поминай, как звали.

– Значит, между нами больше ничего не будет?

– Еще как будет, черт подери! – Руби возмущенно села. – Но только если ты куда-нибудь уедешь. Станешь бывать у меня наездами, лады? Только приезжай сам, я тебе не цыганка какая-нибудь, чтобы шататься по дорогам – мне сына надо вырастить. С заведения нельзя спускать глаз.

– Во сколько обойдется учеба в той школе?

– В две тысячи фунтов в год. Каникулы Ли будет проводить в школе. Ничего, с товарищами не заскучает. И с Во Фатом.

– Это же двадцать тысяч фунтов, потраченных неизвестно на что. – Практичность и на этот раз не изменила Александру.

– Мистер Кинросс, я не скупердяйка вроде вас, шотландцев! Голову даю на отсечение, у тебя в кошельке уже завелась моль. А у меня в роду были и воры, и моты. И потом, я женщина.

Ради процветания мужчины, которому я отдам сердце, я готова на все. Вот ты – мужчина, венец творения. Другие мужчины видят в тебе несгибаемую силу и отступают. Ты чувствуешь, в чем твоя сила, потому что пользуешься ею. А мое единственное богатство – красота: чем еще гордиться женщине? Хорошо еще, у меня есть деловая хватка: я могу распорядиться своим единственным достоянием. – Она вздохнула. – Правда, сначала пришлось научиться делать так, чтобы не распоряжались мной.

– Сколько тебе лет, Руби?

– Тридцать. Если бы я торговала собой, выглядела бы сейчас на пять лет старше, а потом быстро усохла бы, превратилась в потасканную, заезженную шлюху, которой повезет, если хоть кто-нибудь швырнет ей медный грош. Но я рано поняла, что мне светит, и решила: нет уж, пусть телом торгуют другие. А для моей работы возраст не помеха, наоборот – чем старше бандерша, тем лучше.

– Но если Хилл-Энд когда-нибудь станет благочестивым сообществом святош, где никто и не вспоминает о золотых приисках, – предупредил Александр, – тебе придется перебраться в другой разгульный городишко.

– Знаю-знаю, – закивала Руби Коствен. – Если найдешь где-нибудь золото, вспомни обо мне, ладно?

– Думаешь, тебя можно забыть?

Последующие несколько дней Александр изучал окрестности реки Турон, поражаясь их сходству с золотоносными районами Калифорнии. Правда, Турон напоминал скорее ручей, стекающий с невысоких холмов; обычно его питали сильные ливни. Вдали от узкой полосы побережья в Новом Южном Уэльсе преобладал засушливый климат, сухая каменистая почва отчаянно сопротивлялась лопатам. А в Калифорнии зря пропадали миллионы галлонов воды – больше, чем видели когда-либо жители Нового Южного Уэльса. Заезжий ботаник с глухим немецким выговором, снимавший комнату в заведении Коствен, объяснил Александру, что австралийские деревья и другая растительность приспособлены для выживания в безводной местности.

От Руби, которая кочевала по приискам с тех пор, как в 1851 году началась «золотая лихорадка», Александр узнал, что вблизи всех рек, текущих к западу от Большого водораздельного хребта (это пышное название носила сравнительно невысокая горная цепь) в этой части Нового Южного Уэльса, найдено наносное золото – возле рек Турон, Фиш, Аберкромби, Лаклан, Белл, Макуори. Но что касается стока воды, ни одна из них и в подметки не годилась полноводным американским рекам. Руби помнила годы засухи, когда реки превращались в цепочку грязных лужиц, а во всей округе не оставалось ни единой зеленой травинки для коров и овец.

Александр чувствовал, что на Туроне пожить нечем: местные богатства уже разграблены.

В субботу, в последний день перед отъездом из Хилл-Энда, Александр попросил у Руби разрешения взять Ли на прогулку, и она немедленно согласилась. Александр думал, что мальчика придется посадить впереди себя в седло, но оказалось, что Ли ловко правит собственным пони.

День не обманул ожиданий; чем дольше Александр беседовал с Ли, тем сильнее привязывался к нему. Пожалуй, он успел даже полюбить мальчишку. И несмотря на врожденную шотландскую расчетливость, вдруг пожелал помочь Ли получить вожденное английское образование.

Мальчик без смущения говорил о предстоящей разлуке с матерью, а Александр грустно удивлялся зрелости и фатализму его суждений.

– Я буду писать маме каждую неделю, а еще она подарила мне дневник на целых десять лет – громадную книжищу! Я буду смотреть на нее и помнить, сколько мне еще ждать встречи с мамой.

– А может, она сумеет навестить тебя в Англии.

Изысканное детское личико омрачилось.

– Нет, Александр, ничего не выйдет. Для всех в школе я буду китайским князем, мать которого – русская дворянка. Мама говорит, что я должен вести себя, будто это чистая правда, иначе меня быстро разоблачат. А еще лучше – должен верить в то, что я и правда князь.

– Но мама может выдать себя за знакомую твоих родителей.

Ли рассмеялся:

– Ой, ну что ты, Александр! Мама не похожа на знакомую князей и дворян.

– Если она постарается, ей поверят.

– Нет, – отрезал Ли и расправил хрупкие плечи. – Если я увижу ее – все пропало. Мы выдержим, только если не будем встречаться. Мы уже все обсудили.

– Значит, вы с мамой – лучшие друзья. И не питаете иллюзий.

– Конечно, – кивнул мальчик, словно удивляясь недогадливости Александра.

– Наверное, в ближайшее время мне придется время от времени бывать в Англии. Ты не против, если я буду навещать тебя? Разумеется, прилично одетым, как подобает шотландскому джентльмену. Как ни странно, в Англии наш шотландский акцент не считают изъяном. Для англичан мы иностранцы, в жилах которых слишком много английской крови, потому и пользуемся всеми преимуществами.

Ли сверкнул глазами и радостно заулыбался:

– Да, Александр, это было бы так здорово! Пожалуйста, приезжай!

Когда Александр Кинросс покидал Хилл-Энд под перезвон церковных колоколов, призывающих недругов Руби на воскресную службу, его думы были полны Руби Коствен и ее удивительным сыном. Мальчик оказался еще умнее, чем полагала его мать, хотя интересовался инженерным делом больше, чем классическим образованием, о котором мечтала Руби. Едва Ли узнал, что Александру известно устройство двигателей, прогулка вдоль Турона превратилась в непрерывную игру в вопросы и ответы. «Вот такого сына я хотел бы иметь, когда возьму в жены девушку из рода Драммондов», – подумал Александр, когда Хилл-Энд остался далеко позади.

Дома, в Батерсте, он застал Джима Саммерса погруженным в грессбухи; все, что требовалось Александру, уже было заказано и либо ждало на заднем дворе, либо должно было прийти со дня на день. Обязанности экономки исполняла молодая вдова Мэгги Мерфи – малообразованная, но чистоплотная и деятельная особа, умеющая готовить простую, но сытную и вкусную пищу. Мэгги и Сэм переглядывались так часто, что Александр разгадал, откуда ветер дует, но, поскольку Сэм о своих намерениях и словом не обмолвился, Александр заводить расспросы не стал. Время покажет, что будет дальше.

Следующую экспедицию он предпринял на реку Аберкромби, остановившись в пути у реки Фиш. Здесь прииски попадались гораздо реже, а в остальном местность была пустынной и необжитой.

Единственная здешняя деревня, Оберон, раскинулась на вершине Большого водораздельного хребта, между гранитными интрузиями на западе и пересеченным плато из песчаника на востоке. Подъезжая к Оберону, Александр пристально оглядывал самую величественную долину, какую когда-либо видел, но увы, окаймляющие ее скалы высотой в тысячу футов были сложены триасовым песчаником, а у подножия залегали уголь и горючие сланцы, но не золото. Немногочисленные жители Оберона охотно давали проводников бесстрашным путешественникам, желающим осмотреть пещеры у реки Фиш: передвигались по ним верхом на лошадях,

вдоль протянутой для ориентира крепкой веревки. Александра заверили, что пещеры, обширную подземную страну сталактитов и сталагмитов, стоит увидеть. Но Александр, не интересовавшийся подземными красотами, продолжил путь.

Предчувствуя, что экспедиция затянется, он прихватил с собой выючную лошадь (найти мула не удалось) и питался скудно, экономя припасы; дичи в пути не попадалось, а стрелять в мелких кенгуру, в изобилии водившихся здесь, Александру не хотелось. Ни оленей, ни кроликов, ни съедобных растений. «Кольт» без дела висел на бедре путника. Он ориентировался по карте, купленной в Батерсте, но карта, как вскоре выяснилось, была неточной и неполной. Оставив Оберон далеко позади, Александр наткнулся на небольшую, но быструю речушку, текущую на запад, но на карте ее не было и в помине. Высокие холмы по берегам речушки имели первозданный вид, Александру ни разу не попались овцы или другой скот.

И тут он почуял запах золота. Круто повернув, Александр поспешил по течению на запад и вскоре добрался до водопада. Через каменный гребень вода не переливалась прозрачной завесой – пенясь и бурля, она скакала со ступеньки на ступеньку по отвесной скале высотой не меньше тысячи футов. Внизу расстилалась широкая долина; буйная река вырывалась на ровную землю и утихала, вилась между округлыми холмами, усеянными гранитными глыбами и валунами.

Кое-где в долине и на холмах виднелись расчищенные прогалины – явно пастбища, заключил Александр, не обнаруживший нигде поблизости золотых приисков. Сверившись с картой и секстантом, он удостоверился, что перед ним земли, принадлежащие английской короне.

Александру понадобилось добрых два дня, чтобы спуститься с высот в долину, где он устроил привал у реки, неподалеку от живописного водопада. «Золото здесь как пить дать, – думал он, – носом чую, что где-то в этой горе есть золотоносный кварц».

Два дня он просеивал речную гальку и в итоге набрал сотню унций золотого песка и мелких самородков. Пора было возвращаться в Сидней.

Александр тщательно уничтожил все следы своего пребывания у реки, даже закопал конский навоз и засыпал вмятины, оставленные копытами, а затем двинулся на северо-запад, к Батерсту, и вскоре углубился в лес. Кем бы ни был скваттер, владевший этой землей, пастбищ ему хватало.

Путем осторожных расспросов в Батерсте Александр выведал фамилию скваттера, который за жалкие гроши пользовался всей землей между Блейни и местом где-то к северу от деревни Крукуэлл. Чарлз Дьюи и не пытался освоить пастбища в горах к востоку от округлых холмов: другой скваттер, рассказавший о нем Александру, пояснил, что там отара навсегда застрянет в непролазном буше.

Вооружившись точными координатами и результатами экспедиции, которые он не собирався обнародовать, Александр отбыл в Сидней, в земельное управление.

В городе он первым же делом поселился в роскошном отеле на Элизабет-стрит, напротив Гайд-парка, и заказал приличный костюм портному-левантинцу, щедро заплатив ему за срочность. Несмотря на всю скупость (упреки Руби все еще жалили его), Александр понимал: эти расходы нужны для пользы дела. Явившись в земельное управление, он без труда добился приема у одного из высокопоставленных чиновников.

– Мы пытаемся противостоять скваттерам, – объяснил Осберт Уинфилд, – по нескольким причинам. Во-первых, в их руках сосредоточена слишком большая политическая мощь – по сравнению с остальным населением Сиднея. Во-вторых, за принадлежащие короне земли они вносят мизерную арендную плату. А правительство, которое платит мне за службу, призывает городских рабочих и бывших рудокопов осваивать земельные участки. Небольшие, разумеется, – о сотнях квадратных миль не может быть и речи.

– Эти участки предназначены под фермы? – полюбопытствовал Александр.

– Вот именно, мистер Кинросс. В 1861 году вступил в действие новый закон об отчуждении земель, принадлежащих короне, впоследствии в него внесли поправку, согласно которой предельный срок аренды земель скваттерами – пять лет. Конечно, договор аренды можно продлить, а можно и расторгнуть, если кто-нибудь пожелает выкупить неосвоенные земли, временно принадлежащие арендатору.

– И каким же образом, – с видом простачка допытывался Александр, – можно приобрести такой неосвоенный участок земли, принадлежащей короне, добившись ее отчуждения? Я не прочь купить ферму.

На свет были извлечены карты и записи Александра с координатами. Земельное управление располагало куда более точными картами, чем те, которые Александру удалось раздобыть в Батерсте, и он с интересом обнаружил, что найденная им река безымянна и обозначена как «приток Аберкромби».

– Сколько земли я могу купить?

– Не более трехсот двадцати акров, сэр, по фунту стерлингов за акр. Четверть суммы вы должны сразу внести наличными, а оставшиеся три четверти – в рассрочку в течение трех лет.

– Всего, значит, триста двадцать фунтов. Я заплачу всю сумму сразу, мистер Уинфилд.

– За какой участок? – осведомился тот.

– Вот этот. – Александр ткнул пальцем в реку у подножия горы.

– Хм-м. – Мистер Уинфилд всмотрелся в карту через бифокальные очки, а потом перевел на посетителя взгляд заблестевших глаз. – Случайно, не это место считается перспективным для добычи золота? Так или иначе, старательским промыслом там еще никто не занимался. Мудрое решение, мистер Кинросс, чрезвычайно мудрое! Но сделка состоится лишь в том случае, если вы в присутствии мирового судьи подпишете обязательство обнести свою землю оградой, обрабатывать ее и жить на ней.

– Разумеется, я огорожу свой участок, возделаю его и буду жить там, мистер Уинфилд, – усмехнулся Александр. – А как можно приобрести вот эту землю? – продолжал он, указывая место на карте, где была обозначена гора. – Насколько мне известно, мистер Чарлз Дьюи арендует лишь долину и речную пойму. Гора высокая, с крутыми лесистыми склонами – абсолютно никчемная, но я прикипел к ней сердцем.

– Гору выставят на торги, мистер Кинросс, предварительно дав объявление. Если я правильно понимаю, вы хотите присоединить ее к своим владениям?

– Само собой. Какую часть горы мне будет разрешено купить?

Осберт Уинфилд пожал плечами:

– Сколько вы сможете себе позволить. Если найдутся и другие покупатели, цену установят не более нескольких фунтов за акр, а если на гору никто не польстится – десять шиллингов за акр. Только вряд ли она кому-нибудь понадобится. Я в таких делах не разбираюсь, но, по моему, золота вы там не найдете.

– Верно. Золото добывают в реках с песчаным и галечным дном, куда оно оседает под действием сил земного притяжения.

В тот вечер Александр пригласил Осберта Уинфилда отужинать с ним в отеле, а заодно решил, что в Сиднее будет останавливаться только здесь – жест, который наверняка оценят представители власти. Бумаги, согласно которым Александр становился владельцем трехсот двадцати акров земли, подписать предстояло на следующий день, до торгов оставалось еще две недели. Поразмыслив, Александр нацелился на покупку десяти тысяч отмеренных акров земли.

– Имейте в виду, Александр, – разговорился мистер Уинфилд за превосходным портвейном, – ситуация изменится, если город разрастется и дойдет до границы вашей земли. Придется вам делиться с городом, понимаете? Естественно, вы останетесь владельцем земель, не подлежащих секвестру, но ряд участков перейдет к государству – под строительство почты,

полицейского управления, школы, больницы, церкви. И городскому совету тоже понадобится земля.

– Я и не подумаю возражать, – заявил Александр с широкой улыбкой. – Стройте что угодно – только не церковь. И я даже готов стерпеть англиканскую и католическую церковь, но чтоб мне провалиться, если я пушу на свою землю пресвитерианцев!

– Личная неприязнь? Я принадлежу к англиканской церкви, так что... В сущности, это легко уладить. Если хотите, мы можем отписать все земли, приходящиеся на долю религиозных зданий, англиканской и католической церкви. Но выгнать из города пресвитериан невозможно – вы же понимаете, они пользуются некоторым политическим влиянием. Однако землю им придется покупать, а если вы не согласитесь продать ее – строить храм на ничейной земле, в стороне от города.

– Осберт, – с улыбкой отозвался Александр, – вы поистине кладезь ценных сведений. – Он нахмурился, гадая, насколько далеко можно зайти в порыве откровенности, и в конце концов решил проявить благоразумие. – Дружище, денег у меня хватает, так что в случае финансовых затруднений буду счастлив оказать вам услугу.

Выслушав его, Осберт Уинфилд проявил себя как истинный чиновник на службе колониального правительства.

– Признаться... – он откашлялся, – я кое-что задолжал банку...

– Тысячи фунтов хватит, чтобы умиловить кредиторов?

– О, безусловно! Какая щедрость! Неслыханная щедрость!

Почти не церемонясь, довольный собой Александр выпроводил его. Он только что купил первого солдата для будущей армии слуг, пополнять которую намеревался из числа чиновников и членов обеих палат парламента Нового Южного Уэльса.

Так Александр Кинросс стал полноправным владельцем 320 акров превосходных земель, в том числе участка по берегам реки, которая теперь фигурировала на картах земельного управления как река Кинросс, а также десяти тысяч акров склонов и вершины горы с водопадом в придачу. Последние были куплены на торгах по десять шиллингов за акр. Александр получил лицензию золотоискателя и разрешение вести поиски на своей реке, благодаря чему казна Нового Южного Уэльса пополнилась 5321 фунтом стерлингов и еще одним фунтом пошлины. А еще новоиспеченный землевладелец узнал, что в случае обнаружения золота на своем участке имеет исключительные права на его добычу, поскольку и земля принадлежит одному ему.

В августе 1872 года Александр снова отправился в Хилл-Энд, к Руби, расставшейся с сыном и потому безутешной. Впрочем, Александру она обрадовалась.

– Еще года два поживу в Хилл-Энде – и хватит, – объявила она однажды вечером, покупая сигару в постели в Голубой комнате. – Пожалуй, в Галгонг переберусь – вроде бы он еще держится. А когда оттуда все разбегутся, что дальше?

– На твоём месте я бы об этом не беспокоился, – заявил Александр и сменил тему: – Руби, познакомь меня с Сун Чжоу.

– С Сун Чжоу? Зачем?

– У меня к нему есть деловое предложение, а если дело выгорит, то и к тебе.

Уже хорошо зная вкусы Руби, при встрече с Сун Чжоу Александр не удивился: его новый знакомый ростом шесть футов был светлокожим красавцем лет сорока. Контору он обустроил при пивоварне, носил только китайскую одежду, но не мешковатое грязное рванье, как вездесущие носильщики-кули. Длинный халат Сун Чжоу был сшит из блестящего сапфирового шелка и расшит цветами, под ним виднелись узкие синие шелковые брюки и вышитые туфли.

– Я мандарин, – пояснил Сун Чжоу, усаживая Александра в изящное лакированное кресло. – Родом из города, который вы называете Пекин, там судьбе и было угодно лишить меня чинов и привилегий. Вот почему Ли говорит на мандаринском наречии и будет выдавать себя за китайского князя, даже если в школе встретится с другими китайцами. А колониальный английский выговор – последствия общения с гувернанткой. Но так или иначе, скоро Ли научится чисто говорить по-английски.

– Ваш английский безупречен. Что привело вас в Новый Южный Уэльс? – спросил Александр.

– Леденящий ужас перед чумой, которую распространяет в Китае британская Ост-Индская компания, – опиумом, – ответил Сун Чжоу. – Не желая пресмыкаться перед британскими посланниками, я выбрал иной путь и покинул страну в поисках золота.

– И что-нибудь нашли?

– Достаточно, чтобы начать свое дело. Моя пивоварня, прачечная, пансионы и рестораны приносят солидный и постоянный доход, хотя богатством это не назовешь. – Он вздохнул. – В Хилл-Энде золота больше нет, и в Галгонге тоже. Софале конец. Трудно и опасно быть китайцем-золотоискателем, сэр.

– Просто Александр. Продолжайте, пожалуйста, мистер Сун.

– Просто Сун. Видите ли, Александр, китайцы редкостно трудолюбивы и бережливы. Но чужаков нигде не любят: те, кто не похож на местных жителей и не говорит на их языке, становятся мишенью для насмешек мужчин и женщин, которые либо не умеют упорно трудиться, либо не ценят деньги, заработанные тяжким трудом. Нас, китайцев, ненавидят – и это еще мягко сказано, поверьте мне. Нас избивают, грабят, даже мучают, иногда убивают. Британское правосудие нас не защищает, полицейские – наши самые злостные мучители. Как видите, за возможность искать золото приходится слишком дорого платить – особенно таким людям, как я, обладающим другими способностями и деловой хваткой. – Сун развел руками с длинными ухоженными ногтями. – Руби говорила, у вас ко мне предложение.

– Да, но предупреждаю: речь идет о поисках золотоносного песка, по крайней мере вначале. Месторождение еще не открыто. Я наметил один участок в безлюдном районе к юго-востоку от Батерста, возле притока Аберкромби, который не постеснялся назвать рекой Кин-росс. – Александр поднял брови и усмехнулся. – О своей находке я не хочу говорить никому, кроме помощников-китайцев. Видите ли, я бывал в Китае, немного говорю по-китайски и умею ладить с вашими соотечественниками. – Не удержавшись, он спросил: – А как этому научилась Руби?

– Ее двоюродный брат прожил в Китае десять лет, – ответил Сун. – Его зовут Айзек Робинсон, сейчас он живет на острове Норфолк. Раньше он перевозил оружие и опиум на американском клипере, который затонул в Южно-Китайском море. Айзека спасли какие-то монахи-францисканцы и привезли к себе в монастырь на полуострове Шаньдун. Но монашеская жизнь приелась ему, он попал в переделку и бежал. По пути из Китая к новому дому он заехал в Хилл-Энд к Руби, с которой они очень дружны. Наверное, из-за привязанности к брату ее и потянуло к китайцам. – Он поднялся, сунул кисти в широкие рукава халата и принялся вышагивать туда-сюда. – Александр, предложение чрезвычайно интересное, щедрое и соблазнительное. Назовите ваши условия.

– Все, что мы найдем, мы поделим пополам: половину вам, половину мне. Вы из своей доли будете оплачивать работу других китайцев, которых привезете с собой. Я из своей доли буду платить Руби за то, что она свела меня с вами. – Не сводя глаз с Сун Чжоу, Александр откинулся на спинку кресла. – Если месторождение не обманет мои ожидания, вокруг него быстро вырастет город. И у вас появится шанс заняться торговлей, а у Руби – открыть постоянный двор лучше здешнего. Сун, мне в одиночку не удержать в кулаке будущий город. Но если мы будем действовать сообща, с прииска нас никому не выжить.

– А вы все продумали, – негромко заметил Сун.

– Незачем бросаться в бой очертя голову, дружище. Так что подумайте, ладно? Двадцать мужчин, никаких женщин, поначалу про золото и не заикайтесь. Закон обязал меня обнести землю оградой и построить дом. Этим мы и займемся, а потом с полным правом сможем действовать как пожелаем. А нам придется строго соблюдать закон, потому что один местный скваттер будет очень недоволен нашим соседством.

– Господи Иисусе! – встретила его Руби. – Александр, ты спятил?

– Я в своем уме, как... – он усмехнулся, – как человек, который в своем уме. Значит, Сун заезжал к тебе?

– Да. Оба вы еще те дельцы.

Они стояли возле денника, куда только что завели кобылу Александра, – в единственном месте, где можно было поговорить, не опасаясь чужих ушей.

– Слушай, ты, скупердйяй шотландский! – зашипела Руби, сверкая глазами. – Ишь чего вздумал – облагодетельствовать престарелую потаскуху! Нет уж, и без ваших подачек обойдемся, мистер Кинросс! Меня не одурачишь! Врешь ты все – на самом деле ты такой же святоша, как все. Да, зарабатывать я начинала лежа, а теперь помогаю другим девкам торговать собой, зато это честный труд! Представь себе, честный! Замужним женщинам не больно-то охота ублажать мужей, и я их не виню, ведь мужья или вечно пьют, или немощны, или морят жен голодом, а деньги тратят на курево и выпивку. Но надо же им куда-то сливать всю свою слизь и грязь! Если женщина не знакома с мужчиной и уж тем более не любит его, значит, она имеет полное право требовать с него плату за услуги! Или, по-твоему, не имеет? Отвечай же, стручок с постной рожей!

Александр от неожиданности пошатнулся, схватился за дверь денника и расхохотался.

– Ох, Руби, как же я люблю, когда тыходишь в раж! – Он вытер выступившие слезы и крепко взял отбивающуюся Руби за руки. – Слушай, глупая! Выслушай меня до конца! Есть люди, с которых начинаются длинные цепочки событий, и ты одна из них. Если бы не ты, мне бы и в голову не пришло заключить союз с Сун Чжоу, а без него мне нечего и мечтать о том, чтобы развернуться. Я заплачу тебе не за божественное наслаждение, а за то, что ты оказала мне неоценимую деловую услугу. Да, я скупой шотландец, но шотландцы – честный и благородный народ, и я тоже таков. Чтобы добиться в жизни хоть чего-нибудь, мне пришлось быть скрягой, но, как только я разбогатею, я перестану считать каждый грош. В этой сделке ты должна быть полноправным партнером, Руби, – даже если пока участвуешь в моих делах только по ночам.

Последняя фраза, намеренно двусмысленная и дерзкая, рассмешила Руби; буря утихла.

– Ладно-ладно, будь по-твоему, негодяй ты этакий. По рукам?

Он пожал ее протянутую руку, а потом привлек к себе и поцеловал. Как легко было бы полюбить ее!

Альянс шотландца и китайца подразумевал предельную осторожность и тщательное соблюдение секретности. Сун объявил китайскому населению Хилл-Энда, что уезжает на родину месяцев на шесть-восемь и берет с собой телохранителя; жену и детей он оставлял под опекой Сэма Вона, Чань Хэя и еще нескольких родственников.

Двадцать отобранных Суном работников были молодыми и сильными, и, как подозревал Александр, с патрицием-мандарином их связывали узы, понять сущность которых было под силу лишь китайцу. Эти двадцать мужчин принадлежали Суну душой и телом. По-английски они говорили лучше, чем большинство старателей-китайцев, но были одеты как кули.

Путешественники отбыли в Китай по дороге, ведущей в Райдал, – всегда более оживленной, чем дорога на Батерст, тем более что Райдал был ближайшей к Хилл-Энду железнодоро-

рожной станцией. Не доходя до станции, они сделали привал, дождались темноты и скрылись в лесу.

Александр отправился в путь днем раньше и теперь поджидал спутников на расчищенной поляне в лесной глуши. С собой он привез Саммерса и вереницу вьючных лошадей, груженных мотками проволоки, ложечным буром, прочными деревянными стойками, палатками, квадратными пятигаллоновыми жестянками керосина, фонарями, топорами, кирками, мотыгами, кувалдами и всевозможными пилами, чтобы валить местные деревья и пилить стволы на столбы для ограды. В резных сундуках Суна хранились только запасы еды: рис, вяленая рыба и утятина, семена лука, сельдерея и капусты, всевозможные соусы в склянках и груз яиц, хранящихся в желатине.

– Ночного привала не будет, – предупредил Александр Сун, путешествовавшего в крестьянской одежде. – Попробуем за день преодолеть большой отрезок пути, а следующей ночью отдохнем. Да, это не прогулка, но я считаю, нам надо уйти поскорее и подальше.

– Согласен.

Александр представил Саммерса:

– Он будет связующим звеном между Батерстом и нами, Сун. На окраине города у меня есть дом, где приготовлено все, что нам может понадобиться. Саммерс будет понемногу перевозить к нам эти припасы, тайком, чтобы в Батерсте ничего не заподозрили. А экономку я отправлю в Сидней с длинным списком поручений и приказом оставаться у родственников, пока я не пришлю за ней.

Сун нахмурился:

– А она не проболтается?

Саммерс усмехнулся:

– Нет, мистер Сун. Она поклялась мне в супружеской верности и хорошо понимает, с какой стороны хлеб намазан маслом.

– Отлично.

К концу января 1873 года ограда была готова, а каменный дом Александра спешно достраивали. Сам Александр и половина работников-китайцев уже хлопотали вокруг устройств для промывания породы, окрещенных «том» – существенно усовершенствованных лотков. В местной породе золота содержалось гораздо больше, чем рассчитывал Александр; жила простиралась дальше западной границы участка, а это означало, что именно там будет основан новый приисковый город, куда ринутся несметные орды золотоискателей. Сун и все его китайцы получили лицензии, но, согласно такой лицензии, старатель имел право на участок площадью всего двенадцать квадратных футов. Участки возле водопада предусмотрительно обнесли кольями, и, пока в дело не вмешались посторонние, двадцать два человека рассеялись вниз по течению реки, чтобы собрать за пределами своих участков урожай побогаче. И несмотря на это, золота в округе оставалось с избытком: подпочвенный наносной слой оказался толще, чем предполагалось, и простирался далеко за пределы речного русла: тысячу лет по этой земле протекали полноводные реки.

Золотоискатели разнообразили свой рацион свежими яйцами и мясом пятидесяти кур, уток и гусей – обитателей птичника, свиней из сарая, а также овощами с собственного огорода. Александр обожал китайскую кухню, хотя с насмешливым удивлением заметил, что Саммерсу она не по вкусу. Китайцы поставили палатки поодаль от дома, где Александр жил вместе с Суном. Саммерс предпочел постоянно быть в разъездах.

За шесть месяцев было добыто около 10 тысяч унций золотого песка и мелких самородков, несколько более крупных и один редкостный красавец весом более сотни фунтов. Общая стоимость находок превышала 125 тысяч фунтов стерлингов и росла с каждым днем.

– По-моему, пора нанести визит мистеру Чарлзу Дьюи, – сообщил Александр Суну. – Бывшему арендатору этой земли.

– Странно, что он до сих пор не снизошел до нас, – поднял тонкие изящные брови Сун. – Не мог же он не заметить, что ты занял его землю!

Александр приложил указательный палец к носу пренебрежительным жестом, который Сун прекрасно понимал.

– Да уж, этого не заметил бы только слепой, – согласился он и ушел седлать кобылу.

Усадьба Данли расположилась на берегу реки Аберкромби, к западу от Транки-Крика, который в 1868 году из заурядного прииска превратился во второй Клондайк. Когда Транки-Крик был официально объявлен прииском, Чарлз Дьюи вознегодовал, но после обнаружения жилы золотоносного кварца начал вкладывать средства в несколько местных рудников, и они уже принесли ему 15 тысяч фунтов стерлингов.

Не подозревая, что и мистер Дьюи занимается добычей золота, Александр подъехал к впечатляющей усадьбе с ухоженными строениями и безукоризненной оградой с белыми столбиками. Перед конюшнями и хозяйственными постройками высился величественный двухэтажный особняк из отесанных известняковых глыб, хвастливо выставляя напоказ башни и башенки, застекленные двери, крытую веранду и шиферную крышу. Спешиваясь, Александр заключил, что мистер Дьюи – богат.

Дворецкий-англичанин известил посетителя, что мистер Дьюи дома, всем видом выражая неодобрение – чудной наряд, неухоженная лошадь! Однако мистер Кинросс излучал спокойное достоинство и властность, и дворецкий согласился доложить о нем.

Чарлз Дьюи походил на кого угодно, только не на земледельца. Невысокий, крепкий, седовласый, он брил подбородок, но носил пышные бакенбарды и костюм с Сэвил-роу; воротник его хрустящей белой рубашки был накрахмален так туго, что стоял торчком, подхваченный шелковым галстуком.

– Вы застали меня в городском платье – видите ли, я ездил на встречу в Батерст. Солнце уже садится, – продолжал Дьюи, приглашая гостя в кабинет. – Значит, можно и пропустить по стаканчику, верно?

– Я не любитель, мистер Дьюи.

– Возбраняется верой? Воздержание и все такое?

Чарлзу Дьюи представилось, что, не будь они в доме, Кинросс смачно сплюнул бы на землю.

– У меня нет веры – ни религиозной, ни какой-нибудь другой, сэр.

Антиобщественный, по сути, ответ ничуть не встревожил Чарлза; истинный сангвиник, он был снисходителен к чужим причудам и никого не осуждал.

– В таком случае выпейте чаю, мистер Кинросс, а я глотну нектара с торфяных болот вашей родины, – добродушно заключил он.

Усевшись в кресло со стаканом шотландского виски, скваттер с интересом оглядел гостя. Запоминающаяся внешность – особенно надломленные черные брови и изящная вандейковская бородка. Глаза, которые ничего не выдают и все подмечают. Вероятно, в высшей степени умен и образован. Чарлз Дьюи слышал о Кинроссе в Батерсте: о нем ходили слухи, потому что никто понятия не имел, что он за птица, но все понимали – этот малый далеко пойдет. Американский наряд выдавал золотоискателя, но хотя Кинросса несколько раз видели в Хилл-Энде, поговаривали, что золото он искал там только в волосах Руби Коствен.

– Странно, что вы не нанесли мне визита, мистер Дьюи, – заметил Александр, с удовольствием отпивая глоток ассамского чая.

– Визита? Куда? И с какой стати?

– Я приобрел триста двадцать акров земли, которую еще год назад арендовали вы.

– Какого дьявола! – выпалил Чарлз и резко выпрямился. – Впервые об этом слышу!

– Но вы должны были получить письмо из земельного управления.

– Должен был, но, уверяю вас, сэр, я ничего не получал!

– Ох уж эти мне чиновники! – Александр прищелкнул языком. – Ручаюсь, здесь, в Новом Южном Уэльсе, они еще нерасторопнее, чем в Калькутте.

– Непременно побеседую об этом с Джоном Робертсоном. Это он заварил всю эту кашу с указом об отчуждении земель, принадлежащих короне, а ведь он сам скваттер! Нет, это дело дойдет до нашего парламента, пусть даже он почти беспомощен: его члены вечно смотрят сквозь пальцы на все, что не приносит выгоды. А десять фунтов в год, которые скваттер платит за землю, не делают погоды.

– Да, с Джоном Робертсоном я встречался в Сиднее, – сообщил Александр и отставил чашку. – Мистер Дьюи, с моей стороны это отнюдь не визит вежливости. Я прибыл, чтобы сообщить вам, что обнаружил месторождение золота на реке Кинросс, на территории моей фермы.

– На реке Кинросс?.. На какой реке?

– Бывшем безымянном притоке Аберкромби, который я назвал в свою честь. Река будет напоминать обо мне еще долго после того, как я умру. Между прочим, золота в ней невероятно много.

– О господи! – простонал Дьюи. – Ну почему на моей земле вечно кто-нибудь находит золото? Мой отец впервые арендовал эту землю в 1821 году, Кинросс, он первым занял здесь двести квадратных миль. А потом появились золото и Джон Робертсон. Сэр, поместье Данли с каждым годом становится все меньше.

– Ну и ну, – невнятно отозвался Александр.

– И какой участок вы купили?

На свет была извлечена карта из земельного управления; Дьюи отставил стакан, заправил за уши дужки бифокальных очков и заглянул в карту через плечо Александра. Дьюи заметил, что от гостя приятно пахнет чистым здоровым телом и ароматной замшей. Длинный палец красивой формы указал на восточную границу Данли.

– Тот участок я попробовал было расчистить еще в юности. – Дьюи опустил в кресло. – В те времена, когда о золоте мы и не мечтали. Вряд ли у меня когда-нибудь дошли бы руки до тех земель. Там начинаются горы, хороших пастбищ для овец и коров мало, в лесах скот часто разбредается и пропадает. И вот вы явились и доложили, что река полна золота. Значит, появится прииск, а вместе с ним и трущобы, и отбросы человеческого общества, изгой всех мастей, движимые алчностью...

– А еще я прикупил на торгах десять тысяч акров вот здесь, у вершины горы, – продолжал Александр, подливая себе чаю. – Там я построю дом, чтобы не сталкиваться с «отбросами человеческого общества», как вы выразились. – Он подался вперед, у него вспыхнули глаза. – Мистер Дьюи, я не намерен враждовать с вами. Я разбираюсь и в геологии, и в инженерном деле, так что в моем мнимом безумии есть система – я не просто так отдал пять тысяч фунтов за никчемную гору, которую тоже назвал своей фамилией. И любой город, который вырастет возле прииска, тоже будет называться Кинросс.

– Необычная фамилия, – заметил Дьюи.

– Она принадлежит мне, и только мне. Будь Кинросс обычным приисковым городком, он опустел бы, как только месторождение было бы исчерпано. Но меня тревожат не местные запасы золота, хотя большая их часть уже принадлежит мне. В глубине горы таится то, что в Калифорнии называют основной, или материнской, жилой: пласт кварца, содержащий свободное золото, то есть не связанное с пиритами. Как вам известно, добывать золотой песок способен всякий, но разрабатывать глубинную жилу, уходящую в толщу скальных пород, простым старателям не по карману. Для этого нужна сложная техника и внушительный стартовый

капитал. Поэтому, когда я начну разрабатывать месторождение на моей собственной земле, мне понадобятся частные вкладчики и своя компания. Уверю, каждый ее инвестор разбогатеет, как Крез. Мистер Дьюи, я предпочел бы, чтобы вы не настраивали против меня своих политических соратников из Сиднея, а стали моим союзником.

– Другими словами, – подхватил Чарлз Дьюи, подливая в свой стакан, – вы ждете от меня вложений капитала.

– Не сейчас, со временем. Я не хочу, чтобы моей компанией управляли люди, с которыми я не знаком лично и которым не доверяю. Она будет частной – следовательно, источники финансирования тоже. А кому еще быть акционером, если не человеку, семья которого живет на этой земле с 1821 года?

Дьюи поднялся.

– Мистер Кинросс... Александр, зовите меня Чарлзом. Я вам верю. Вы не мечтатель и прожектор, а расчетливый шотландец. – Он тяжело вздохнул. – Противостоять натиску уже слишком поздно – так что дадим саранче набить карманы золотоносным песком, а потом откроем близ Кинросса цивилизованный рудник – такой как Транки-Крик. Благодаря вложениям капитала в Транки-Крик я сумел выстроить этот дом. Не соблаговолите ли остаться на ужин и переночевать у меня?

– Только если вы простите мне отсутствие смокинга.

– Разумеется. Я тоже не переодеваюсь к ужину.

Александр отнес седельные сумки наверх, в элегантную комнату, из окон которой открывался вид на окрестные холмы и унылую реку Аберкромби, загрязненную десятком золотых приисков, расположенных выше по течению.

Констанс Дьюи заранее была предубеждена против Александра Кинросса, но, как ни странно, он ей понравился. В молодости, лет двадцать назад, она слыла блистательной красавицей пятнадцатую годами моложе супруга. Александр догадался, что именно хозяйке дом обаян со вкусом подобранной обстановкой – роскошной оправой для самой Констанс в кремовом атласе с небольшим турнюром, какие только начинали входить в моду. Рубины она носила на шее, в ушах и на запястьях, поверх кремовых атласных перчаток длиной до локтя. Гость сразу заметил, что Констанс и Чарлз прекрасно ладят.

– Наши три дочери – сыновей у нас нет – учатся в школе в Сиднее, – со вздохом объяснила Констанс. – Как я по ним скучаю! Но не держать же их всю жизнь под присмотром гувернантки! В двенадцать лет пора общаться с другими девочками, заводить полезные связи в обществе, готовиться к замужеству... А вы женаты, Александр?

– Нет, – коротко отозвался он.

– Недосуг искать свою единственную? Или предпочитаете холостяцкую жизнь?

– Не то и не другое. Мой выбор давно сделан, но с браком придется повременить до тех пор, пока я не построю дом. Такой, как этот. Чарлз, это ведь известняк? Но где вы умудрились найти опытных каменщиков, чтобы плотно пригнать каменные блоки? – ловко сменил тему Александр.

– В Батерсте, – объяснил хозяин дома. – Когда правительство прокладывало железную дорогу через Голубые горы, пришлось огибать крутые западные склоны и от самого Кларенса вести ветку по трем высоким виадукам. Песчаника поблизости хватало, но каменщиков инженеру Уиттону никак не удавалось найти. Пришлось выписывать их из Италии – вот почему виадуки и этот дом построены по чертежам, на которых размеры указаны в метрических, а не в имперских единицах.

– Виадуки я заметил еще в первый приезд из Сиднея. Они совершенны, как все, что построено римлянами.

– Действительно. Закончив строительство, несколько каменщиков осело в Батерсте, где для них постоянно находилась новая работа. Я открыл каменоломни возле пещер Аберкромби. Оттуда возили каменные глыбы, из которых каменщики-итальянцы и выстроили этот дом.

– И я так сделаю, – решил Александр.

После ужина мужчины перешли в кабинет, Дьюи пригубливал портвейн, Александр попыхивал сигарой. В этот момент Александр и завел щекотливый разговор.

– От меня не ускользнуло, – начал он, – что в Новом Южном Уэльсе недолюбливают китайцев. И полагаю, в Виктории и Квинсленде тоже. А как относитесь к китайцам вы, Чарлз?

Пожилый скваттер пожал плечами:

– Никакой ненависти к узкоглазым язычникам я не испытываю – вот и все, что я могу сказать. В конце концов, я с ними почти не сталкиваюсь. Они селятся у приисков, впрочем, в Батерсте есть китайский ресторан, несколько лавчонок. Насколько я успел заметить, это мирные, приличные люди, которые никому не причиняют вреда и занимаются своим делом. К сожалению, их трудолюбие раздражает многих белых австралийцев, которые не желают зарабатывать деньги упорным трудом. Вдобавок китайцы не смешиваются с другими народами и не признают христианство. Их храмы называют кумирнями – явный намек на то, что там творится всякое. И уж конечно, всех возмущает то, что китайцы отсылают деньги на родину. Как будто высасывают из австралийской земли ее богатства. – Он хохотнул приятным баском. – А по-моему, то, что уплывает в Китай, – капля в море по сравнению с целыми состояниями, которые достаются Англии.

Вспомнив о собственном счете в Английском банке, Александр беспокойно заерзал. Очевидно, Чарлз Дьюи принадлежал к числу первых австралийских патриотов, неприязненно относящихся к англичанам.

– Мой партнер – китаец, – объяснил Александр, – с ним я готов пойти в огонь и в воду. В Китае я убедился, что у этого народа немало общего с шотландцами – то же трудолюбие, та же бережливость. Не мешало бы еще шотландцам научиться смеяться так же часто, как это делают китайцы. Господи, какие же все-таки унылые зануды эти шотландцы!

– А вы строги к собственному народу, Александр.

– И не без причины.

– У меня создалось впечатление, Конни, – сказал Чарлз жене, старательно расчесывая ее длинные волосы, – что Александр Кинросс – один из тех удивительных людей, которые никогда не ошибаются.

В ответ Констанс пожала плечами:

– О боже! Помнишь поговорку «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке»?

– Впервые слышу. Хочешь сказать, чем больше у него денег, тем выше духовная цена, которую ему придется заплатить?

– Вот именно. Спасибо, дорогой, достаточно, – добавила она и повернулась от туалетного столика к мужу. – Нет, у меня нет к нему неприязни, совсем напротив. Но по-моему, ему не дают покоя мрачные мысли. О своем, о личном. Вот в личных делах он и споткнется, потому что убежден: их можно решать так же логично и жестко, как проворачивать сделки.

– Помнишь, он сказал, что уже выбрал жену.

– Видишь? Станный подход. Будто спрашивать согласия избранницы он вообще не намерен. – Констанс задумчиво погрызла ноготь. – Если бы он не был богат, все разрешилось бы само собой. Но состоятельные женихи – завидная добыча...

– А ты вышла за меня из-за денег? – с улыбкой перебил Чарлз.

– В этом убеждена вся округа, но ты-то прекрасно знаешь, что это не так, плут! – Ее взгляд смягчился. – Ты был такой веселый, покладистый и галантный. А от твоих бакенбардов становилось так щекотно... между ног!

Чарлз отложил расческу.

– Идем в постель, Констанс.

Глава 3

Поиски жилы и невесты

В Хилл-Энд и Голубую комнату в заведении Руби Коствен Александр Кинросс вернулся через год после того, как нашел золото на берегах реки Кинросс.

Руби встретила его тепло, но сдержанно: такой прием говорил о том, что Александра она по-прежнему считает другом, но его шансы лечь с ней в постель... невелики. Ее позиция была продиктована гордостью, тем более что Руби постоянно тянуло к Александру, и даже Суна и Ли не было с ней рядом. Из-за болезней, разочарований и ссор состав подчиненных Руби за этот год полностью сменился; из теперешних пяти девиц Александр не знал ни одной.

– Вообще-то мне понадобились свежие лица, но эти все какие-то потасканные, – устало говорила Руби, наливая Александру чаю. – Слишком долго я занимаюсь своим делом. Когда в баре не протолкнуться, я, хоть убей, не могу вспомнить, кто из них Пола, а кто Петронелла. Петронелла! Ну надо же! Кажется, такой штукой натираются, чтобы отпугивать комаров.

– То цитронелла, – мягко поправил Александр и вынул из кармана конверт. – Возьми, это часть твоей доли.

– Господи Иисусе! – ахнула Руби, уставившись на банковскую выписку. – Десять тысяч! Это сколько процентов от общей суммы?

– Одна десятая моей доли. На свою Сун уже купил участок площадью триста двадцать акров на вершине холма, в четырех милях от города, и теперь строит целый город из одних миниатюрных пагод – с покрытой лаком керамической черепицей, из разноцветных кирпичей, с изогнутыми карнизами и многоярусными крышами. Мне он одолжил сотню кули, чтобы возвести плотину из камня с землей возле устья, в долине. А потом мы все вместе повернем реку и пустим чистую воду к плотине. Ну а там возьмемся и за строительство моей собственной железной дороги. Само собой, платить я буду китайцам как белым. Сун счастлив, как китайский император.

– Милый Сун! – вздохнула Руби. – Теперь мне ясно, что тревожит Сэма Вона. Без Полы, Петронеллы и всех прочих я как-нибудь обойдусь, но только не без Сэма и Чань Хэя. А они все рвутся домой, в Китай.

– Теперь они богаты. Сун купил им участки, как сделал бы любой брат. – Александр хитро поглядывал на Руби из-под ресниц. – На прииске Кинросс все старатели равны, и китайцы в том числе.

– Александр, ты прекрасно знаешь, что Сэм не брат Суну, а Чань – не кузен. Они прислуга... вассалы... не знаю, как в Китае называют освобожденных рабов, принадлежащих господину.

– Помню-помню. И могу понять поступок Суна. Он феодальный властитель с севера, свято чтит древние традиции, носит привычную одежду и от своих подданных требует того же. Китайцы, перенявшие английские обычаи, вряд ли одобряют его.

– Может быть, но не думай, что Сун не имеет власти над китайцами, которые отрезали косицы и облачились в накрахмаленные рубашки. У них есть общий враг – белый человек. – Руби извлекла из золотого портсигара тонкую манильскую сигару. – И ты для них белый, хоть и взял их в дело и обращаешься с ними как с людьми.

– Зато я мог рассчитывать, что они не проболтаются, и не ошибся – так у меня в запасе появились лишние полгода, – возразил Александр, указывая на банковскую выписку. – Этот счет так стремительно вырос только потому, что Сун умеет добиваться от своих людей послушания. Все они были немые как рыбы, пока участки не перешли в нашу собственность.

– И теперь ты хозяин прииска с десятью тысячами палаток.

– Вот именно. Но я уже принял меры, чтобы сдержать нашествие. Пройдет еще много лет, прежде чем Кинросс превратится в прекрасный город, но я уже знаю, как он будет выглядеть. Я сам выбрал земельные участки для будущих властей города и нанял шестерых полицейских. Народ отборный, проверенный и злобу на китайцах срывать не посмеет. А еще я привез на прииск санитарного инспектора, задача которого на данный момент – руководить сооружением выгребных ям, чтобы нечистоты не смешивались с грунтовыми водами. Не хватало нам еще в Кинроссе эпидемии тифа. Будут проложены две дороги: на Батерст – по ней мы пустим дилижансы «Кобб и К°» – и на Литгоу. Сейчас кочан капусты на прииске стоит фунт стерлингов и столько же фунт моркови, яйца идут по шиллингу каждое, но так не может продолжаться вечно. Хорошо еще, что засухи в этом году не случилось, а когда она нагрянет, плотина уже будет достроена.

Зеленые глаза горели воодушевлением и азартом. Руби расхохоталась:

– Александр, ты неподражаем! Любой другой на твоём месте выработал бы месторождение до последней крупы и смылся, но только не ты! Не понимаю только, зачем ты назвал город Кинроссом. Правильнее было бы окрестить его Александрией.

– А ты, вижу, почитываешь.

– И Александра Македонского уже знаю как облупленного.

– На углу Кинросс-стрит и Аурик-стрит я приберег отличный участок земли, лакомый кусочек. Он занимает по сто футов длины каждой улицы, места хватает для конюшен, сараев, двора. На плане города в этом месте значится отель «Кинросс», владелица – Р. Коствен. Очень советую тебе строить здание из кирпича. – Его взгляд стал пронизывающим. – И еще. Своих потаскух оставь в Хилл-Энде.

Руби мгновенно вскипела, открыла было рот, но Александр опередил ее:

– Молчи! И думай, сварливая гусыня, думай! Женщин, которые сами управляют принадлежащими им отелями, на свете найдется не много, но если отель приличный, такое дело достойно уважения. И Ли не придется стыдиться материнской профессии, когда он будет искать свое место в мире. Что толку вкладывать бешеные деньги в образование сына, если ему придется вечно трястись и бояться, как бы кто не узнал, что мать его содержит бордель на золотых приисках? Руби, я предлагаю тебе начать все заново, в новом городе. Хочу дать тебе шанс стать добропорядочной горожанкой. – И он расцвел чудесной, обезоруживающей улыбкой. – Если же ты откроешь в Кинроссе публичный дом, рано или поздно тебе придется покинуть город. Святошам хватит власти, чтобы изгнать блудниц из города, вываляв их в смоле и перьях. А я не мыслю жизни без тебя. Если ты уедешь, кто же будет слушать, как я проклиная церковников, которые посмели наводить в моем городе собственные порядки?

Она рассмеялась, но тут же посерьезнела.

– На строительство приличного отеля у меня уйдет треть суммы, которую ты мне отдал. Нет, этого я не могу себе позволить. Половину я заплачу за учебу Ли – очень вовремя, я как раз ломала голову, не зная, как наскрести денег на очередной взнос. Месторождение Хокинс-Хилл скудеет, вместе с ним умирает и Хилл-Энд. Добрая половина старателей из Хилл-Энда или уже переселилась в Кинросс, или собирается туда. Так что будем откровенны: во-первых, вместе с ними переедет на новое место и моя репутация. Во-вторых, я сама в ближайшем времени переберусь в Кинросс, но построю мазанку на окраине и опять заставлю девчонок заниматься единственным доступным им ремеслом. В ваших словах есть смысл, император, но исполнять ваши приказы я не стану. Может, через год ты привезешь мне еще один чек, но этим дело и кончится. Месторождение иссякнет.

– Пойдем-ка проведем мою старую кобылку, – предложил Александр, поднимаясь и подавая руку Руби.

Час спустя ошарашенная Руби вернулась к себе, чтобы переодеться в платье, которое приберегала к возвращению Александра, – бархатное, оттенка свежего апельсинового джема, элегантное и вполне достойное жены министра. Или владелицы отеля «Кинросс».

Жила. Он сказал, что в его земле есть золотиносная жила.

Отрепленным взглядом Руби окинула свое отражение в зеркале. «Нет, тридцати одного года мне не дашь. Двадцать пять, не больше. Хорошо, что кожа не обожжена солнцем. До чего жаль бедняжек, которые день-деньской мотыжат свои огороды, пока мужья горбчатся на приисках! А все оттого, что на считанные гроши, которые зарабатывают какой-нибудь Хэ По или Лин Пу, овощи на рынке не купишь. Да еще мелюзга цепляется за юбки, а в печке поджарает хлеб... Руки загрубелые, хуже чем у рудокопов. Не знаю, как они все это терпят, я бы ни за что не стала. Наверное, любят мужей. Но если это любовь, значит, я никогда никого не любила – ни Суна, ни Александра. А ведь кое-кто из этих женщин в молодости был красивее меня. Вот именно – был.

Вспомни-ка свои тридцать с лишним лет, Руби!

Я наглядный пример того, что за грехи надо платить. Махни я на себя рукой, опустишь, как эти бессловесные рабыни на своих огородах, – и никто из мужчин, которые сейчас помогают мне, на меня бы и не взглянул. Говорят, рождением человека управляет судьба – да, судьба, а еще тысячи нищих женщин: их гораздо больше, чем женщин, которых способны обеспечить мужья. Вот и Александр рассказывает, что девушки в наше время учатся в университетах, но лишь те, кого посылают туда богатые родители, оплачивающие учебу. А меня мать могла послать лишь в одно место – в паб, за кувшином пива. Отца я в глаза не видела, знаю только, что этого мерзавца звали Уильям Генри Морган. Скотокрад, закоренелый преступник и сын арестанта. Он был женат, потому на моей матери не женился, и она вышла за другого уголовника. И умерла от гангрены, по пьяни сломав ногу. Все мои сводные сестры пьют горькую и торгуют собой, сводные братья сидят по тюрьмам или промышляют грабежами и разбоем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.